

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»**

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПРАВОСУДИЕ И ГОСУДАРСТВО

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

**СБОРНИК СТАТЕЙ V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 25 МАРТА 2025 Г. В Г. ПЕНЗА**

**ПЕНЗА
МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2025**

УДК 001.1
ББК 60
Ю73

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич, кандидат экономических наук

Ю73

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПРАВОСУДИЕ И ГОСУДАРСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ: сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2025. – 152 с.

ISBN 978-5-00236-801-3

Настоящий сборник составлен по материалам V Международной научно-практической конференции **«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПРАВОСУДИЕ И ГОСУДАРСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»**, состоявшейся 25 марта 2025 г. в г. Пенза. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы науки и практики применения результатов научных исследований.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке **Elibrary.ru** в соответствии с Договором №1096-04/2016К от 26.04.2016 г.

УДК 001.1
ББК 60

© МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025
© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-00236-801-3

Ответственный редактор:

Гуляев Герман Юрьевич – кандидат экономических наук

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Агаркова Любовь Васильевна – доктор экономических наук, профессор
Ананченко Игорь Викторович – кандидат технических наук, доцент
Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор
Бабанова Юлия Владимировна – доктор экономических наук, доцент
Багамаев Багам Манапович – доктор ветеринарных наук, профессор
Баженова Ольга Прокопьевна – доктор биологических наук, профессор
Боярский Леонид Александрович – доктор физико-математических наук
Бузни Артемий Николаевич – доктор экономических наук, профессор
Буров Александр Эдуардович – доктор педагогических наук, доцент
Васильев Сергей Иванович – кандидат технических наук, профессор
Власова Анна Владимировна – доктор исторических наук, доцент
Гетманская Елена Валентиновна – доктор педагогических наук, профессор
Грицай Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент
Давлетшин Рашит Ахметович – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук
Иглин Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент
Ильин Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент
Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент
Казданиян Сусанна Шалвовна – кандидат психологических наук, доцент
Качалова Людмила Павловна – доктор педагогических наук, профессор
Кожалиева Чинара Бакаевна – кандидат психологических наук

Колесников Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор
Корнев Вячеслав Вячеславович – доктор философских наук, профессор
Кремнева Татьяна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор
Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, профессор
Кунц Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор
Курленя Михаил Владимирович – доктор технических наук, профессор
Малкоч Виталий Анатольевич – доктор искусствоведческих наук
Малова Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент
Месеняшина Людмила Александровна – доктор педагогических наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор
Непомнящий Олег Владимирович – кандидат технических наук, доцент
Орбец Владимир Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор
Попова Ирина Витальевна – доктор экономических наук, доцент
Пырков Вячеслав Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент
Рукавишников Виктор Степанович – доктор медицинских наук, профессор
Семенова Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент
Удут Владимир Васильевич – доктор медицинских наук, профессор
Фионова Людмила Римовна – доктор технических наук, профессор
Чистов Владимир Владимирович – кандидат психологических наук, доцент
Швец Ирина Михайловна – доктор педагогических наук, профессор
Юрова Ксения Игоревна – кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	7
СОДЕРЖАНИЕ ВИНЫ КАК ЭЛЕМЕНТА ДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РИМСКОМ ПРАВЕ ПИНАЕВ МАКСИМ ОЛЕГОВИЧ	8
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1945–1969 ГГ.) СИНКОВЕЦ АНТОН ЮРЬЕВИЧ	12
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОПОНИМАНИЯ И УЯСНЕНИЯ ПРАВА ХУТ ДИАНА ШАМСУДИНОВНА	15
СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ КАК ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН ТОЛЧЕЕВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ	18
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	21
ОГРАНИЧЕНИЕ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ БОГАТОВА ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА	22
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	26
КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ БЕРЕЗИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ	27
ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В РОССИИ ЗУЛЬФУГАРЗАДЕ ТЕЙМУР ЭЛЬДАРОВИЧ, ПЕРШИНА ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА	32
СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТОВ РЕКВИЗИЦИИ И КОНФИСКАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАМКИН ИГОРЬ ЕВГЕНЬЕВИЧ	35
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО	39
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ЖАРКОВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА, ЦЫГАНКОВА ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА	40
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	45
ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ БЕСЧАСТНОВА ЛИЛИАНА ВЛАДИСЛАВОВНА	46

ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО	50
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАНАДЫ СОБОЛЕВ ЯРОСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, ДАНИЛОВА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА	51
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	56
ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ МАМЕДОВ ОРХАН НАЗИМОВИЧ	57
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ШОРАХЯН ДИАНА АРУШАНОВНА	60
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВАСНЕВА А.А.	64
КОРРУПЦИЯ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ МАЛИКОВ ЭЛЬДАР ВАЛЕЕВИЧ	68
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРПОРАТИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ГУСЯТНИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ	72
РАЗНООБРАЗИЕ СИТУАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСГУМАЦИИ КАЗАНЦЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА	76
ВООРУЖЕННЫЕ НАПАДЕНИЯ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ: УРОКИ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ ВТОРУШИНА ВЕРОНИКА ВИТАЛЬЕВНА	80
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	85
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАЗАК АЛЕКСАНДР МАКСИМОВИЧ	86
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В АСПЕКТЕ ВЗЫСКАНИЯ ВНЕШНЕЙ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НЕКРАШЕВИЧ СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА	90
КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	95
МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА ЕВТУХОВА АННА СЕРГЕЕВНА, ОКСЕНЕНКО ИВАН ВАЛЕРЬЕВИЧ	96
ЗНАЧЕНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ГАРЕЕВА ЭЛЬВИРА РИФОВНА, КУЗНЕЦОВ РОМАН АРКАДЬЕВИЧ	99

ПОРЯДОК ВЫДВИЖЕНИЯ И ПРОВЕРКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ ГАРЕЕВА ЭЛЬВИРА РИФОВНА, ВАЛЕЕВ РУМИЛ АМИРОВИЧ.....	102
ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ГАРЕЕВА ЭЛЬВИРА РИФОВНА, ГЛУХОДЕД ДАНИЛА ВИТАЛЬЕВИЧ.....	105
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	108
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ О ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ И КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА САЖИН КРИСТИНА	109
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	113
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ИСТЦА-ПРЕДСТАВИТЕЛЯ И ЛИЦ, ПРИСОЕДИНИВШИХСЯ К ТРЕБОВАНИЯМ, В СПОРАХ ПО ГРУППОВЫМ ИСКАМ ЕРЕМЕНКО ДЕНИС ВАЛЕРЬЕВИЧ	114
ИСТОРИЯ КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОЛЕСНИКОВА МАРИАННА МИХАЙЛОВНА	119
СУДЕБНЫЙ АКТ: КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЗАХАРОВА ИРИНА ВАЛЕНТИНОВНА	124
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	128
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В СТАРТАПАХ: КЛЮЧЕВЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ИХ РОЛЬ В КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВОРОНИНА АННА ВЛАДИСЛАВОВНА	129
ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЬИ В ОТСТАВКЕ ЗАЛУЦКАЯ ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА	134
УСЛОВИЯ И ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН ГАДЖИЕВА АЙШАН ИСМАИЛ КЫЗЫ	137
К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ДРЕСВЯННИКОВА ВЕРОНИКА АНДРЕЕВНА	141
ХИЩЕНИЕ: ВИДЫ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ БОРОДИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.....	145
ЦИФРОВОЙ СЛЕД И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ И ВЫЯВЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ ЦИФРОВОЙ АНАЛИТИКИ МУСТАФИНОВА ЛИМАРА ИСАЕВНА	148

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 347.44

СОДЕРЖАНИЕ ВИНЫ КАК ЭЛЕМЕНТА ДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РИМСКОМ ПРАВЕ

ПИНАЕВ МАКСИМ ОЛЕГОВИЧ

студент магистратуры

Дальневосточный филиал ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации»**Научный руководитель: Геготаулина Лариса Александровна**

К.И.Н.

Дальневосточный филиал ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации»

Аннотация: в отечественном гражданском праве вина как элемент договорной ответственности подразделяется на умысел, грубую и простую неосторожность. Отсутствие сформулированного до настоящего времени понятия умысла и грубой неосторожности на законодательном и доктринальном уровне порождает проблемы дифференциации вины в правоприменительной практике. Правовая категория «вина» в качестве элемента договорной ответственности в основе сформировывается в классический период становления Рима и в впоследствии является предметом рецепции в континентально-европейской правовой семье, часть которой составляет российский правопорядок. Приведённое обстоятельство актуализирует изучение структурных элементов вины, оснований и критериев её дифференциации в контексте системы договорной ответственности в римском праве. В статье рассматривается структура вины как элемента договорной ответственности в римском праве, особое внимание уделяется изучению понятия умысла и грубой неосторожности, а также их соотношению между собой.

Ключевые слова: договорная ответственность, вина в системе договорной ответственности, дифференциация вины, умышленное нарушение договора, нарушение договора по грубой неосторожности.

THE CONTENT OF GUILT AS AN ELEMENT OF THE CONTRACTUAL LIABILITY SYSTEM IN ROMAN LAW

Pinaev Maxim Olegovich*Scientific adviser: Gegotaulina Larisa Alexandrovna*

Abstract: in Russian civil law, guilt as an element of contractual responsibility is divided into intent, gross and simple negligence. The lack of a previously formulated concept of intent and gross negligence at the legislative and doctrinal levels creates problems of differentiation of guilt in law enforcement practice. The legal category of "guilt" as an element of contractual responsibility was formed in the classical period of the formation of Rome and subsequently became the subject of reception in the continental European legal family, part of which is the Russian legal order. This circumstance actualizes the study of the structural elements of guilt, the grounds and criteria for its differentiation in the context of the system of contractual liability in Roman law. The article examines the structure of guilt as an element of contractual responsibility in Roman law, with special

attention paid to the study of the concepts of intent and gross negligence, as well as their relationship to each other.

Keywords: guilt, contractual liability, guilt in the system of contractual liability, breach of contractual obligation, intentional breach of contract, breach of contract by gross negligence.

Изначально умысел и неосторожность как условие возникновения ответственности формулируется в III веке до нашей эры в законе Аквилы о причинении вреда имуществу [1]. Содержание вины (culpa – в широком смысле) как элемента договорной ответственности в основе сформировывается в классический период становления римского частного права и структурно имеет формы умысла (dolus) и вины в виде неосторожности (culpa – в узком смысле), подразделяющейся по степени на простую (culpa levis) и грубую (culpa lata) неосторожность.

На начальном этапе классического периода в системе договорной ответственности вина существовала только в форме умысла, под которым понималось предвидение последствий своего действия или бездействия и желание наступления этих последствий [2]. Для вменения предвидения необходимо наличие, во-первых, фактического контроля должника над обстоятельствами при исполнении обязательства, так как обстоятельства вне контроля составляют случай, исключающий возникновение ответственности. Во-вторых, осведомлённости: должник не мог не осознавать наличие обязательства, которое им не исполнено; в установлении преднамеренности или злоумышления необходимость отсутствует, поскольку констатация предвидения презюмирует желание должника наступления последствий от неисполнения обязательства [3].

На рубеже II-I веков до нашей эры Квинтом Муцием Сцеволой и Сервием Сульпицием Руфом выдвигается новый критерий для определения вины – каждый в отношении вверенных ему вещей должен вести себя как подобает рачительному хозяину дома, отступление от такой рачительности представляет собой вину [4].

Как видно, условие освобождения от вины состоит не столько в надлежащем исполнении, сколько в проявлении должной рачительности на этапе исполнения договорного обязательства. Абстрактная модель «рачительный домохозяин» представляет собой обобщённый стандарт должного поведения, ожидаемый от должника кредитором в договорном правоотношении. Пределы соблюдения должной рачительности, очевидно, определяются совокупностью конкретных обстоятельств в каждой отдельной ситуации, в числе которых специфика договорного правоотношения, время и место исполнения обязательства, климатические условия, местные обычаи. Таким образом, идентичное поведение должника в одной ситуации может составлять вину, в другой – признаваться должным проявлением рачительности и вину исключать.

Несоответствие абстрактной модели «рачительный домохозяин» – простая неосторожность – взамен умысла, становится новым критерием, достаточным для вменения вины при нарушении договорного обязательства. В качестве исключения умысел остаётся обязательным условием возникновения ответственности для хранителя по безвозмездному договору хранения, так как он вступает в правоотношение без выгоды для себя в виде встречного предоставления, простой неосторожности с его стороны недостаточно для возникновения ответственности [5].

В последствии Цельсом отмечается, что со стороны хранителя, принимающего вещь на безвозмездное хранение, не допускается и грубая неосторожность, сформулированная им как степень вины следующим образом: «высказывание Нервы, что слишком грубая вина является умыслом, не нравилось Прокулу, а мне кажется в высшей степени правильным. Ибо если кто-либо не является заботливым в такой степени, в какой этого требует природа людей, то он признаётся действующим во вред другому, разве что он прилагал заботу о сданном на хранение принятым им образом, ибо не соответствует требованиям добросовестности действия того, кто приложит меньшую заботливость (в отношении переданных ему на хранение вещей), чем в отношении своих вещей» [6].

Суждение о том, что в природе людей закладывается качество, по крайней мере не всегда должным образом, но всё-таки проявлять заботу о своём, экстраполируется на должника в качестве требо-

вания. Таким образом Цельс, по аналогии с простой неосторожностью, формулирует абстрактную модель, определяющую уже не должный, но минимальный стандарт поведения, ожидаемый от любого, даже неграмотного домохозяина. При таком понимании причина несоблюдения требования минимальной заботы о чужом – грубая неосторожность или умысел – не имеет значения, ведь поведение ниже критерия «природа людей» непростительно никому и поэтому представляет собой высочайшую степень вины. Отсюда у римских правоведов возникает основание при констатации поведения ниже критерия «природа людей» не производить попыток дальнейшего ограничения грубой неосторожности от умысла, а приравнивать или признавать их близкими по значению [7].

Следует отметить, что в постклассический период становления римского частного права суждение Цельса интерпретируется как вина по конкретному мерилу – не проявление той меры заботы в чужом деле, которая обычно проявляется в своих собственных делах [8, с. 155-156]. При таком понимании вина хранителя по безвозмездному договору возникает, если им не проявляется та мера заботы, которую он обычно проявляет в своих собственных делах.

И.Б. Новицкий и И.С. Перетерский в своём литературном труде транслируют точку зрения, согласно которой учение о вине по конкретному мерилу является неудачной кодификационной комиссией Юстиниана, которая свои взгляды приписывает интерполяции юристам классической эпохи [9].

По замечанию Чезаре Санфилиппо вопрос о понимании требования «осмотрительность как в отношении своих вещей» римскими правоведом спорен, так как многие классические тексты подверглись переработке в IV-V вв. с позиций, разделяемых юристами того периода, заметно уступавшими юристам классического периода в глубине научного анализа. Текст, в котором Цельс ставит вопрос о критерии ответственности за грубую вину – осмотрительность в отношении своих вещей, – явно придает ему характер вины по абстрактному мерилу, вменяя должнику отклонение от поведения, которого требует «природа человека» [10].

Вина по конкретному мерилу представляется несостоятельной как правовая категория, поскольку вопрос о виновности ставится в зависимость от индивидуальных особенностей личности: правоприменителю необходимо устанавливать степень заботы, присущую конкретному должнику в своих собственных делах, что не соответствует даже минимальной степени абстрактности, являющейся признаком правовой нормы. Уровень заботы, проявляемый в собственных делах у той или иной личности различается, что вносит чрезмерное осложнение в процесс доказывания вины и является неоправданным фактором дестабилизации гражданского оборота. Кроме того, оценка виновности по конкретному мерилу может приводить к правовым решениям, представляющимися несправедливыми:

– если хранитель прилагает к своим вещам заботу значительно большую по усилиям и экономическим затратам, чем принято в гражданском обороте, этот стандарт требуется распространить и на чужую вещь, принятую на безвозмездное хранение, при этом, хранитель не получает встречное предоставление по договору;

– при возникшем пожаре, при прочих равных, хранителю надлежит отдать приоритет в спасении чужой вещи, переданной ему на безвозмездное хранение, если она представляет существенно большую экономическую ценность. Ведь хранителю следует исходить из положения, будто чужая вещь принадлежит ему, в норме спасать сначала наиболее ценное. В данной ситуации хранитель не получает встречное предоставление за хранимую вещь, но вместе с тем обязан отдавать приоритет в её спасении относительно своей вещи.

Изложенное даёт основание согласиться с авторами, считающими вину по конкретному мерилу результатом неверного понимания суждения Цельса постклассическими правоведом.

Таким образом, концептуально вина как элемент договорной ответственности в римском праве определяется через оценку соответствия поведения должника обобщённому стандарту поведения, выраженный в абстрактной модели «рачительный домохозяин» и «природа людей» как требуемый по условиям гражданского оборота образ действий.

По общему правилу для вменения вины достаточно констатации простой неосторожности – не проявления должником той меры заботы при исполнении договорного обязательства, которая присуща рачительному домохозяину. В качестве исключения специфика договорного типа может ограничивать

ответственность должника, в таком случае ответственность для него возникает только при констатации грубой неосторожности – не проявления должником по вопиющему нерадению той меры заботы при исполнении договорного обязательства, которая присуща любой личности.

Умышленная форма вины понимается как акт сознательного неисполнения договорного обязательства. В процессе объективизации вины умысел постепенно утрачивает своё функциональное назначение, так как нивелируется новым концептом определения виновности. Критерий «природа людей» формирует минимально допустимый предел поведения в гражданском обороте, нарушение которого влечёт возникновение высочайшей степени вины, равно как и за умысел, что позволяет не производить дальнейшее разграничение между умыслом и грубой неосторожностью.

В системе договорной ответственности дифференциация вины обуславливается спецификой договора, а не определением степени тяжести негативных правовых последствий для правонарушителя. В тех случаях, когда условием возникновения договорной ответственности является умысел, допускается вменение вины и ввиду грубой неосторожности, что ведёт к утрате практического смысла в поиске критериев их разграничения между собой. Как представляется, римские правоведы исходят из того, что для кредитора, стремящегося восстановить своё имущественное положение, неважна причина нарушения договорного обязательства – умысел или грубая неосторожность – достаточно констатации не проявления должником требуемой заботы о его интересе. Вместе с тем формальное наличие умысла в структуре вины как элемента договорной ответственности, вероятно, есть честное признание того, что он может иметь место со стороны должника, однако с практической точки зрения это не имеет значения.

Сформулированная в постклассический период вина по конкретному мерилу обязывает должника проявлять к чужому делу такую же заботу, которая обычно проявляется в своих собственных делах. Вина по конкретному мерилу не имеет абстрактности, свойственной правовой норме, что порождает проблемы в правоприменительной практике и даёт основание считать её результатом неверного понимания суждения Цельса постклассическими правоведами.

Список источников

1. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor : текст, пер. с лат., коммент. / Под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. – Москва : Статут, 2020. – 219 с.
2. Римское частное право: учебник / коллектив авторов : под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – Москва : КНОРУС, 2021. – 388 с.
3. Дождев Д.В. Умысел (dolus) и «природа человека» в системе критериев договорной ответственности // Вестник гражданского права. – 2023. – № 5. – С. 33-34.
4. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима : лекции Сергея Муромцева, проф. Моск. ун-та. — Москва : тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883 – 269 с.
5. Римское право: учебное пособие / В.А. Максимов, С.С. Желонкин. – Москва : Юстицинформ, 2019. – 139 с.
6. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. III. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2008. – 441 с.
7. Иеринг Р. Culpa in contrahendo, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. – 2013. – № 3. – С. 200-201.
8. Папченкова Е.А. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права. – Москва : Статут, 2017. – С. 155-156.
9. Римское частное право: учебник / коллектив авторов : под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – Москва : КНОРУС, 2021. – С. 390-391.
10. Курс римского частного права : учебник / Чезаре Санфилиппо ; [пер. с итал. И. И. Маханькова] ; под общ. ред. Д. В. Дождева. – Москва : Норма, 2007. – С. 138-139.

© М.О. Пинаев, 2025

УДК 351.853

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1945–1969 ГГ.)

СИНКОВЕЦ АНТОН ЮРЬЕВИЧнаучный сотрудник
Институт истории НАН Беларуси*Публикация подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ (проект № Г23М-081).*

Аннотация: В статье рассматриваются способы и механизмы реализации государственной политики в отношении материальных историко-культурных ценностей БССР после окончания Великой Отечественной войны (1945–1969 гг.)

Ключевые слова: БССР, культура, ценности, охрана памятников, политика.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMALIZATION OF THE STATE POLICY REGARDING THE
MATERIAL HISTORICAL AND CULTURAL VALUES OF THE BSSR AFTER THE END OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR (1945-1969)

Sinkavets Anton

Abstract: The article examines the ways and mechanisms of implementing state policy regarding the material historical and cultural values of the BSSR after the end of the Great Patriotic War (1945-1969)

Key words: BSSR, culture, values, monument protection, politics.

За время Великой Отечественной войны материальным историко-культурным ценностям БССР был нанесен колоссальный урон: часть из них была полностью утрачена, часть утеряна, некоторые ценности были вывезены оккупантами за пределы республики, другие – серьезно пострадали. Исходя из этого, еще до окончания войны руководство СССР и БССР приступило к восстановлению пострадавших объектов историко-культурного наследия. Для этого в 1943 г. при СНК СССР был создан Комитет по делам архитектуры, в состав которого вошло Главное управление охраны памятников, взявшее на себя функции союзного центра по координации восстановительных работ на объектах историко-культурного наследия. В свою очередь, при Комитете по делам искусств при СНК СССР действовала Комиссия по учету и охране памятников. На республиканском уровне при Комитете по делам искусств при СНК БССР функционировала аналогичная комиссия. После изгнания неприятеля с территории БССР она активно занялась учётом памятников, пострадавших в период ведения боевых действий и

оккупации [1]. В дальнейшем такая практика была продолжена: концептуально решение принималось на союзном уровне, а затем – конкретизировалось и наполнялось мероприятиями на уровне союзных республик, где для этих целей создавались соответствующие органы управления.

В послевоенные годы в области сохранения историко-культурного наследия наметилась тенденция к правовой регламентации и унификации применяемых подходов. В октябре 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», в котором признал наличие серьезных недостатков в сфере охраны памятников культуры, в частности, отсутствие контроля за сохранностью исторических и археологических памятников [2]. Исходя из этого, в союзном центре решили передать вопросы охраны памятников культуры на уровень местных властей, возложив их разрешение на Советы Министров автономных республик и исполкомы краевых, областных, городских, районных и сельских Советов депутатов. В свою очередь, общее руководство и контроль за постановкой дела учета, охраны, реставрации и использования археологических и исторических памятников было передано Комитетам по делам культурно-просветительских учреждений при Советах Министров союзных республик. Этим же постановлением утверждалось Положение об охране памятников культуры. Относительно последнего важно указать, что оно предложило четырехчленную типологию памятников, которые были разделены на памятники архитектуры, памятники искусства, памятники археологии и исторические памятники.

Развивая общесоюзные новации, Совет Министров БССР 15 февраля 1949 г. принял постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры в Белорусской ССР», где конкретизировал относительно БССР меры, указанные в постановлении Совета Министров СССР № 3898 [3]. Без малого через десять лет, 30 декабря 1959 г., этот же орган принял постановление «О правилах застройки городов Белорусской ССР», которым было предусмотрено, что при разработке проектов планировки и застройки городов необходимо сохранять памятники культуры [4].

Помимо создания специализированных органов государственного управления и принятия необходимой правовой базы, было создано Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры – общественное объединение, помогающее государственным органам сохранять и популяризировать историко-культурное наследие. Решение о его создании закреплялось в совместном постановлении ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 19 июня 1965 г. «О создании Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» [5].

Учредительный съезд названного общества состоялся 7 декабря 1966 г., в его проведении приняли участие руководители министерств и ведомств, представители общественности, видные учёные и деятели искусства. Позднее Центральный совет Общества учредил фонд охраны памятников истории и культуры, который создавался из добровольных взносов граждан и общественных организаций с целью финансирования возрождения и приведения в порядок памятников истории и культуры.

Кроме того, в рассматриваемый период начинается активное международное сотрудничество БССР по вопросам материальных историко-культурных ценностей. Например, 18 марта 1957 г. Президиум Верховного Совета БССР ратифицировал Гаагскую Конвенцию «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» [6].

Во второй половине 1960-х происходит переформатирование бюрократического аппарата, занимавшегося вопросами материальных историко-культурных ценностей, который оказался не в состоянии провести работу по надлежащему содержанию памятников культуры. Оформление новой структуры было завершено 19 сентября 1967 г., когда ЦК КП Белоруссии и Совет Министров БССР приняли постановление «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории, искусства и архитектуры в Белорусской ССР».

Функции по учету памятников истории и культуры отныне были возложены на Государственную инспекцию по охране памятников и инспекторов областных управлений культуры. Также при Министерстве культуры БССР создавались Специальные научно-реставрационные производственные мастерские. Они должны были выполнять работы по консервации, реставрации и ремонту памятников истории и культуры. Добровольное общество охраны памятников истории и культуры продолжило оказывать содействие органам государственного управления культурой, особенно в части проведения

информационно-разъяснительной работы среди населения и воспитательной работы с молодежью [7].

Окончательное оформление политики в отношении материальных историко-культурных ценностей было оформлено Законом БССР «Об охране памятников культуры», который был принят 26 декабря 1969 г. [8].

Список источников

1. Шматько О.Н. Сохранение и восстановление памятников старины в годы Великой Отечественной войны // Наука. Инновации. Технологии. – 2010. – Вып. 67. – С. 28–31.
2. О мерах улучшения охраны памятников культуры : постановление Совета Министров СССР, 14 окт. 1948 г., № 3898 // СП СССР. – 1948. – №6. – Ст.81.
3. О мерах улучшения охраны памятников культуры в Белорусской ССР : постановление Совета Министров БССР, 15 февр. 1949 г. // Советское законодательство о памятниках истории и культуры. – Минск: Польша. – С. 65–66.
4. О правилах застройки городов Белорусской ССР» : постановление Совета Министров БССР, 30 дек. 1959 г., №810 // СЗ БССР. – 1959. – №18. – Ст.288.
5. О создании Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры : постановлении ЦК КП Белоруссии и Совета Министров БССР, 19 июня 1965 г., №306 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры. – Минск: Польша. – С. 66.
6. О ратификации Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и протокола к ней : Указ Президиума Верхов. Совета БССР от 18 марта 1957 г. // Сб. Законов Белорусской ССР и Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР 1938–1967 гг. – Т.1. – С.389
7. О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории, искусства и архитектуры в Белорусской ССР : постановление ЦК КП Белоруссии и Совета Министров Белорус. ССР, 19 сент. 1967 г., № 318 // СЗ БССР. – 1967. – №28. – Ст.386.
8. Об охране памятников культуры : Закон Белорус. ССР от 26 дек. 1969 г. // СЗ БССР. – 1969. – № 36. – Ст. 555.

© А.Ю. Синковец, 2025

УДК 340

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОПОНИМАНИЯ И УЯСНЕНИЯ ПРАВА

ХУТ ДИАНА ШАМСУДИНОВНАаспирант кафедры теории государства и права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация: Статья посвящена исследованию взаимосвязи правопонимания и уяснения права. Рассматриваются объекты уяснения права с точки зрения наиболее значимых теорий права. Автор приходит к выводу, что правопонимание является теоретической основой любого правового явления, в том числе уяснения права, а уяснение права – практико-ориентированной деятельностью субъектов права, направленной на познание сущности права и содержания правовых предписаний, в целях урегулирования возникающих социально значимых жизненных ситуаций.

Ключевые слова: право, правопонимание, теории права, уяснение права.

THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGAL UNDERSTANDING AND CLARIFICATION OF LAW

Khut Diana Shamsudinovna

Abstract: The article is devoted to the study of the relationship between legal understanding and clarification of law. The objects of clarification of law are considered from the point of view of the most significant theories of law. The author comes to the conclusion that legal understanding is the theoretical basis of any legal phenomenon, including clarification of law, and the clarification of law is a practice-oriented activity of subjects of law, aimed at understanding the essence of law and the content of legal regulations, in order to resolve emerging socially significant life situations.

Keywords: law, legal understanding, theory of law, clarification of law.

«Вопрос о понятии права – исходный, ключевой (своего рода *sancta sanctorum, punktum saliens*) в теории права. В прямой зависимости от его решения понимаются и трактуются все другие правовые явления...» [1, с. 55], в том числе уяснение права, заключающееся в познании субъектами права проблемных жизненных ситуаций и содержания правовых предписаний, отражающих системные свойства права в целом и выраженного в них баланса индивидуальных, групповых и общечеловеческих интересов [2, с. 54].

В связи с невозможностью однозначного определения категории «право», проблемы правопонимания занимают одно из центральных мест в юридической науке. П. А. Оль пишет, что правопонимание – это «интеллектуальная деятельность, направленная на познание права; отдельные элементы познавательной-правовой деятельности (восприятие правовых явлений, представление о правовых явлениях и праве в целом, понятие права), а также совокупность (или система) интерпретируемых правовых знаний, полученных в результате познавательной-правовой деятельности» [3, с. 16].

В юридической науке сложились теории, дающие разные трактовки права, исходя из сущностных свойств права, определяемых исследователями по-разному. В зависимости от того, что мы понимаем под правом, от выбранного типа правопонимания, подходы к определению содержания уяснения права будут отличаться.

Отметим, что данное исследование не направлено на рассмотрение всех существующих подходов к пониманию права, поэтому рассмотрим объекты уяснения права с точки зрения наиболее значимых, по нашему мнению, теорий права.

1. Естественно-правовая теория права противопоставляет естественное право, полученное человеком по факту рождения, праву позитивному, зависящему от воли законодателя. Данная теория объединяет концепции, основанные на принципах справедливости, равенства, свободы человека и т. д. Исходя из теоретических основ данной теории, объектами уяснения будут являться определённые ценности и принципы, заложенные в основе той или иной концепции естественно-правового подхода, а также естественные права, которые приобретаются человеком от рождения (права на жизнь, свободу, собственность и другие).

2. Юридический позитивизм, рассматривающий в качестве правовых только нормы позитивного права, включает в себя разные направления. Анализ основных направлений юридического позитивизма позволяет выделить следующие объекты уяснения права.

Объектом уяснения права согласно положениям легистского подхода будут являться правила поведения, исходящие исключительно от публичной власти, с помощью которых разрешаются складывающиеся в обществе социально значимые жизненные ситуации.

Объектом уяснения права с точки зрения нормативистского подхода будут являться нормы права, нашедшие свое отражение в законодательстве.

Исходя из социологического направления юридического позитивизма, уяснению подлежат не только нормы права, но и возникающие правоотношения, юридическая практика, в связи с тем, что в основе данного подхода лежит «живое право», рассматривающее право не только как совокупность норм права, санкционированных государством, но и с точки зрения его практической реализации, проявляющейся в общественных отношениях.

3. Интегративная теория права, синтезирующая разные подходы к пониманию права, получила особую популярность за последние десятилетия.

В юридической науке появились разные направления интегративного правопонимания, как заслуживающие внимания, так и вызывающие сомнения, в связи с отсутствием у некоторых теорий возможности решения задач, стоящих перед современным обществом. Заслуживает внимания точка зрения В. В. Ершова, который пишет, что интегративное правопонимание дифференцируется на два вида – научно дискуссионное, синтезирующее право и неправое, а также научно обоснованное, представителем которого является В. В. Ершов, характеризующееся ограничением права принципами и нормами только права, содержащимися в разных формах права [4, с. 53]. Поддерживая точку зрения автора, считаем обоснованным и необходимым разграничение права и неправого, в целях недопущения смешения права и иных социальных регуляторов, которые, безусловно, оказывают определенное влияние на право, но непосредственными регуляторами правоотношений не являются.

Следовательно, при научно дискуссионном интегративном подходе к пониманию права, уяснению подлежат не только нормы права, но еще и иные социальные регуляторы (например, мораль, религия), а при научно обоснованном подходе уясняются нормы права, национальные и международные принципы права, которые содержатся в разных формах.

Полагаем, что право не должно рассматриваться исключительно с точки зрения естественных или позитивных начал. Одновременное проявление указанных начал можно выявить, например, в институте аналогии права, применяемом при отсутствии не только конкретной, но и схожей нормы права, с помощью которой можно было бы урегулировать возникшее социально значимое общественное отношение. В связи с отсутствием соответствующих норм, у правоприменителя не остается иных вариантов, как вынести справедливое и обоснованное решение на основании общих начал и смысла (принципов) права, которые являются отражением естественных начал в праве. Поэтому, с одной стороны, как отмечали римские юристы, право есть искусство доброго и справедливого, но, с другой стороны, добро и справедливость не могут восторжествовать без упорядочивания общественных отношений с помощью правовых предписаний, отличающихся обязательностью и обеспеченностью принудительной силой государства.

На наш взгляд, право представляет собой систему общеобязательных правовых предписаний, которые устанавливаются и обеспечиваются государством, выражают баланс индивидуальных, групповых и общечеловеческих интересов и регулируют социально значимые общественные отношения

путем предоставления субъективных прав и возложения юридических обязанностей [5, с. 13].

А для определения того, что подлежит уяснению, необходимо установить сущность права. По нашему мнению, сбалансированная воля общества, обеспечивающая разумное соотношение личных, общественных и государственных интересов при регулировании социально значимых общественных отношений отражает сущность права [6, с. 87]. Познание сущности права и содержания правовых предписаний, представленных нормами права, принципами права, юридической практикой, является основой уяснения права, необходимой для разрешения складывающихся жизненных ситуаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что правопонимание – это теоретическая основа любого правового явления, в том числе уяснения права, без которого невозможно определение правовых категорий, понятий и терминов, заключающаяся в познании самого права как явления. Уяснение права, в свою очередь, представляет собой практико-ориентированную деятельность субъектов права, направленную на познание сущности права и содержания правовых предписаний, в целях урегулирования возникающих социально значимых жизненных ситуаций.

Список источников

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2001. 413 с.
2. Хут Д. Ш. Уяснение права // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 52-54.
3. Оль П. А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству: монография. СПб: Юрид. центр Пресс, 2005. 241 с.
4. Ершов В. В. Регулирование правоотношений: монография. М.: РГУП, 2020. 564 с.
5. Кулапов В. Л. Понятие, сущность и социальное назначение права // Актуальные проблемы права: учебник для магистрантов / под ред. В.Л. Кулапова. Саратов: СГЮА, 2021. 440 с.
6. Хут Д. Ш. Баланс личных, общественных и государственных интересов как отражение сущности права // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12 (175). С. 86-87.

УДК 34

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ КАК ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

ТОЛЧЕЕВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

аспирант

НОЧУ ВО Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Аннотация: В работе анализируются подходы к определению сути судебного усмотрения как правового явления. Автор анализирует точки зрения ученых, приводя критические замечания к формулируемым ими дефинициями и описаниями феномена судебной дискреции. В работе приводится обоснование того, что судебское усмотрение не является произвольным, будучи всегда основанным на законе правомочием суда. Также автор обосновывает, что судебское усмотрение не ограничивается только толкованием правовых норм, а представляет собой принятие любого иного правоприменительного решения при наличии у правоприменителя опциональности. Наконец, в работе аргументируется, что судебское усмотрение не ограничивается соображениями справедливости и совести, поскольку на практике суды руководствуются множеством иных соображений и факторов, в том числе имеющими метаюридический характер.

Ключевые слова: судебское усмотрение, дискреция, дискреционные полномочия суда, судебная практика, судебное правоприменение, толкование закона, выбор решения.

JUDICIAL DISCRETION AS A LEGAL PHENOMENON

Tolcheev Ivan Mikhailovich

Abstract: The paper analyzes approaches to defining the essence of judicial discretion as a legal phenomenon. The author analyzes the points of view of scientists, giving critical comments on the definitions and descriptions of the phenomenon of judicial discretion formulated by them. The paper provides a justification for the fact that judicial discretion is not arbitrary, being always based on the law of the jurisdiction of the court. The author also argues that judicial discretion is not limited only to the interpretation of legal norms, but represents the adoption of any other law enforcement decision if the law enforcement officer has an option. Finally, the paper argues that judicial discretion is not limited to considerations of justice and conscience, since in practice courts are guided by many other considerations and factors, including those of a meta-judicial nature.

Key words: judicial discretion, discretion, discretionary powers of the court, judicial practice, judicial enforcement, interpretation of the law, decision-making.

Роль судьи в современном судопроизводстве трудно переоценить. Будучи проводниками законности, судьи применяют существующие в той или иной правовой системе нормативные положения, зачастую прибегая к их широкому толкованию или иного рода креативной интерпретации, необходимость которой обусловлена несовершенством законодательного материала, его пробельностью и противоречивостью [1].

При этом неотъемлемой частью практической деятельности судов выступает обычно присущие судам широкие дискреционные полномочия или же судебское усмотрение, что заключается в возможности судов самостоятельно принимать те или иные правоприменительные решения, руководствуясь преимущественно внутренним убеждением.

Несмотря на кажущуюся простоту обсуждаемого явления, следует отметить отсутствие единого доктринального понимания феномена судейского усмотрения, а также несостоятельность некоторых предлагаемых взглядов на данное явление.

Например, по мнению Д.М. Чечота усмотрение предполагает, что соответствующий правоприменительный орган действует по своей воле и, принимая решение, не является связанным той или иной правовой нормой [2]. В то же время, некорректность данного высказывания очевидна, поскольку любое дискреционное полномочие суда, насколько широким оно бы ни было, всегда основаны на тех или иных нормах закона, не являясь продуктом чистого произвола.

В качестве примера, подтверждающего данный тезис, можно привести положение нормы ст. 152 ГК РФ [3] о компенсации морального вреда, которая наделяет суд широкими дискреционными полномочиями по присуждению компенсации и определению её размера, что, однако, не предполагает абсолютно произвольного характера действия такой дискреции, поскольку суд во всяком случае применяет конкретную правовую норму, действуя исключительно на её основании.

Ввиду изложенного более близкой кажется позиция В.М. Манохина, отстаивающего, что усмотрения за пределами правовых быть не может, а такие действия следовало бы считать неправовыми [4].

Не меньший интерес представляет позиция И.А. Покровского, согласно которому судейское усмотрение есть право более свободного истолкования, восполнения или даже исправления закона в угоду требованиям справедливости и совести [5]. Частично соглашаясь с данным высказыванием, представляется возможным привести ряд соображений, способных наиболее полно отразить суть феномена судейского усмотрения.

В первую очередь, следует признать правоту ученого в том аспекте, в котором частью (проявлением) судейского усмотрения признается толкование норм права, поскольку судьи, осознавая несовершенство законодательства применительно к вопросам разрешения конкретной практической ситуации, могут прибегнуть к усмотрению и установить истинный смысл правовой нормы. Однако, следует отметить, что одним толкованием феномен судейского усмотрения не ограничивается: как было продемонстрировано выше, усмотрение может проявляться в решении определенного количественного вопроса (например, о присуждаемой денежной сумме компенсации, размер которой определяется судом).

Схожим образом, реализуя свои дискреционные полномочия, суд может принимать иные правоприменительные решения, которые не обязательно имеют сопряжение с процессом толкования правовых норм – например, при разрешении вопроса о немедленном исполнении судебного решения или, напротив, об отсрочке или рассрочке его исполнения [6].

Наконец, еще одно значимое замечание, которое может быть выдвинуто применительно к вопросу определения сути судейского усмотрения, связано с "источниками вдохновения", которыми руководствуется суд при реализации своих дискреционных полномочий. Очевидно, что помимо соображений о справедливости и совести, судья может принимать во внимание иные значимые обстоятельства, влияющие на выбор того или иного правоприменительного решения. При этом, следует отметить, что такие обстоятельства могут иметь квазиюридическое значение, поскольку их связь с правовой логикой не всегда может быть прямой.

В частности, такими соображениями могут быть разумность, процессуальная экономия, снижение издержек участников оборота, соображения морали и нравственности, учет обычаев и традиций, политико-правовые соображения и так далее [7].

Таким образом, представляется возможным сформулировать следующее понятие судейского усмотрения – это правоприменительная деятельность суда, основанная на свободном выборе судом одного из нескольких доступных правоприменительных решений в установленных законом пределах, при совершении которого судом принимаются во внимание соображения справедливости, разумности, морали, нравственности, а также иные возможные обстоятельства и взгляды, формирующие убеждение судьи.

Список источников

1. Шатковская Т.В., Диденко М.С. Роль закона и социалистического правосознания в юридической практике советских органов власти и управления в 1917 - 1928 гг. // Актуальные проблемы российского права. 2024. N 1. С. 11 - 21.
2. Чечот Д.М. Административная юстиция: теоретические проблемы. Л., 1973. С. 68.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
4. Манохин В.М. Правовое государство и проблема управления по усмотрению // Советское государство и право. 1990. N 1. С. 25.
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права // М. Статут. 1998. С. 90.
6. Административное судопроизводство: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению "Юриспруденция" (специалист, бакалавр, магистр) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова // М. Статут. 2016. С. 234.
7. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве // М. Статут. 2011. С. 277.

© И.М. Толчеев, 2025

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342

ОГРАНИЧЕНИЕ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ

БОГАТОВА ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Корнукова Елена Владимировна*доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т.**Кабышева, кандидат юридических наук, доцент**ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

Аннотация. В статье проведен анализ практики Конституционного Суда России и его полномочия по толкованию конституционных норм при их противоречии международным нормативно-правовым актам по вопросу лишения осужденных права голосовать на выборах в органы публичной власти.

Ключевые слова. Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд, позиции Конституционного Суда, права избирателей, право осужденных избирать, закон.

RESTRICTION OF THE ACTIVE SUFFRAGE OF CONVICTS IN THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF RUSSIA

Bogatova Ekaterina Vyacheslavovna*Scientific adviser: Kornukova Elena Vladimirovna*

Abstract: The article analyzes the practice of the Constitutional Court of Russia and its powers to interpret constitutional norms, when they contradict international ones, on the issue of depriving convicts of the right to vote in elections to public authorities.

Key words: The Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court, the positions of the Constitutional Court, the rights of voters, the right of convicts to elect, the law.

Частью 3 ст. 32 Конституции России [1] осужденные, находящиеся по приговору суда в местах принудительного содержания, лишены права избирать в органы публичной власти.

Лишение права голосования заключенных имеет срочный характер (право избирать для отбывших наказание полностью восстанавливается), не распространяется на условно осужденных, на осужденных к наказаниям, не связанным с отбыванием наказания в местах принудительного содержания, на осужденных к лишению свободы, не содержащихся в местах лишения свободы (например, занятых хозяйственными работами в следственных изоляторах) [2].

Вопрос лишения права голосования нередко поднимался осужденными, не согласными с установленным российским законодательством ограничением их избирательных прав. По этой причине правомерность ч. 3 ст. 32 Конституции России становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд).

Впервые вопрос права голосования заключенных был затронут Конституционным Судом в 2007 году. В Определении от 04.12.2007 [3] им было разъяснено, что лишение права голосования данной категории лиц связано с режимом отбывания наказания, представляющего затруднения для голосования [4].

В дальнейшем Конституционный Суд неоднократно оценивал установленный конституционный запрет и уточнял свою позицию. Например, им вынесены Определения от 01.10.2009 [5], от 1 июня 2010 [6], содержащие разъяснения по данному вопросу.

Согласно толкованию Конституционного Суда запрет голосования заключенных обусловлен лишь режимом отбывания наказания, основывается на судебном решении, соответствует конституционным и международным правовым нормам.

В Постановлении от 10.10.2013 № 20-П [7] Конституционный Суд подчеркнул недопустимость в отношении заключенных автоматического лишения избирательных прав, необходимость учета при применении к ним ограничений вида преступления и срока наказания.

В 2016 году Конституционный Суд рассмотрел возможность признания на конституционном уровне активного избирательного права заключенных.

По результатам рассмотрения Постановлением от 19.04.2016 № 12-П [8] Конституционный Суд признал невозможность обеспечения в России активного избирательного права заключенных ввиду его ограничения Основным Законом России, принятого всенародным голосованием, а также предполагающим специальный порядок внесения в него изменений в ст. 64, 134, 135.

В то же время Конституционный Суд допустил возможность отказа от абсолютного запрета голосования осужденных без изменения Основного Закона России путем внесения изменений в избирательное законодательство или введения наказаний, принудительно ограничивающих свободу осужденных, но не лишаящих их избирательных прав.

Так, в п. 5.5 Постановления от 19.04.2016 № 12-П говорится о возможности введения отдельного вида наказания как разновидности лишения свободы – лишение свободы в колонии-поселении для лиц, совершивших нетяжкие преступления.

Исполнение наказания в колонии-поселении контролируется уполномоченным органом, не подразумевает полную социальную изоляцию, сохраняет ряд прав заключенных, не предоставляемых им при исполнении лишения свободы в ряде других исправительных учреждений. Конституционный Суд видит возможным для названной категории заключенных обеспечить активное избирательное право.

Сохранение запрета голосования заключенными Конституционным Судом обусловлено необходимостью сохранения независимости России при реализации государственной власти и права граждан участвовать в государственных делах, а также поддержания верховенства Основного Закона страны [8].

Ученые-правоведы, анализируя позицию Конституционного Суда по вопросу наделения активным избирательным правом некоторых категорий осужденных, отмечают возможность выделения отбывания наказания в колониях-поселениях из числа других наказаний в отдельный вид наказания путем внесения изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-исполнительный кодекс РФ. При этом наделение осужденных к данному виду наказания активным избирательным правом возможно ввиду их особого правового статуса с существенно меньшим объемом ограничений [9].

Конституционный Суд как высший судебный орган конституционной юстиции выявляет и преодолевает законодательные пробелы. Реализуя предоставленные контрольные полномочия, Конституционный Суд воплощает в жизнь верховенство и высшую юридическую силу Основного Закона России, обеспечивает поддержание конституционного правопорядка в России, являющегося результатом реализации государственных функций по охране социальных отношений. Изложенные в решениях Конституционного Суда правовые позиции нередко используются законодателем при разработке новых законов. Решения Конституционного Суда, в том числе в сфере избирательного права, являются общеобязательными на всей территории России [10].

Таким образом, исходя из позиции Конституционного Суда, сформулированной им в Постановлении от 19.04.2016 № 12-П, видятся возможными подготовка и внесение Правительством России законопроекта в Федеральное Собрание России по вопросу голосования заключенными и его поддержка со

стороны федерального законодателя [11].

Относительно предоставления права голосования всем категориям заключенных исследователями отмечаются трудности, связанные с особенностями режима мест лишения свободы, к которым относятся:

- а) Нарушения дисциплины, возможные при проведении голосования;
- б) Недостаточная информированность заключенных;
- в) Затруднения в проведении предвыборной агитации;
- г) Невозможность соблюдать тайну голосования ввиду контроля со стороны сотрудников мест лишения свободы;
- д) Ограничения при использовании электронного голосования;
- е) Явка на избирательный участок ввиду режимных ограничений [9, 12].

В то же время следует отметить успешность эксперимента по голосованию 10 сентября 2023 года и 8 сентября 2024 года, организованного в местах временного пребывания подозреваемых и обвиняемых. В экспериментальном порядке лица, содержащиеся под стражей, участвовали в выборах губернаторов субъектов России места своего жительства. Для проведения голосования были организованы специальные избирательные участки [13]. Представляется возможным применить успешный опыт экспериментального голосования для всех категорий осужденных.

Таким образом, учитывая обусловленность запрета голосования заключенных условиями отбывания ими наказания, а также сохранение для заключенных Конституцией России права участия в референдуме, представляется, что предоставление данной категории избирателей активного избирательного права может способствовать формированию их новых ценностных ориентаций и правопослушного поведения.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями на 04.10.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (03.10.2024).
2. Смирнов А.М. Активное избирательное право для лиц, лишенных свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2019. – № 1. – С. 15-18.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 2.
4. Самович Ю.В., Юн Л.В. Избирательное право лиц, лишенных свободы: позиции Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 74-81.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 № 1053-О-О // Вестник Центризбиркома РФ. – 2009. – № 9.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 № 757-О-О // Вестник Центризбиркома РФ. – 2010. – № 7.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (06.10.2024)
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (06.10.2024).
9. Егоров В.А., Новиков А.В., Корнев А.С. Участие осужденных в избирательном процессе. Ретроспективный обзор правоприменительной практики // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. – № 8А. – С. 439-447.
10. Безруков А.В. Роль Конституционного Суда России в обеспечении конституционного правопорядка // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 4 (100). – С. 22-28.
11. Клишас А.А. О порядке реализации решения Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

<http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/66827/> (08.10.2024).

12. Удодова А.С., Обмачевская И.А. К вопросу о соответствии части 3 статьи 32 Конституции РФ принципам международного права // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 12-7. – С. 127-128.

13. Явка в СИЗО на выборах губернаторов составила 98% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/society> (08.10.2024).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.5

КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

БЕРЕЗИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

аспирант

ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу классификаций юридической ответственности в публичном праве. Рассматриваются различные подходы к типологизации данной ответственности, основанные на критериях субъекта, основания, характера санкций и целей применения. Особое внимание уделяется разграничению между конституционной, административной, дисциплинарной и уголовной ответственностью публичных субъектов, а также анализу их специфических признаков и правовых последствий. Проводится сопоставление различных классификаций, представленных в отечественной и зарубежной юридической литературе, выявляются их сильные и слабые стороны. Исследуются тенденции развития института юридической ответственности в публичном праве в условиях современных требований, в том числе таких как цифровизация, глобализация и рост транснациональной преступности. Предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Ключевые слова. юридическая ответственность, публичное право, классификация, конституционная ответственность, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, уголовная ответственность, публичные субъекты, санкции, правонарушение, основания ответственности, принципы ответственности

CLASSIFICATIONS OF LEGAL LIABILITY IN PUBLIC LAW

Berezin Alexander Alexandrovich

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of classifications of legal liability in public law. Various approaches to the typologization of this responsibility are considered, based on the criteria of the subject, the basis, the nature of sanctions and the purposes of application. Special attention is paid to the distinction between the constitutional, administrative, disciplinary and criminal responsibilities of public entities, as well as the analysis of their specific features and legal consequences. A comparison of the various classifications presented in the domestic and foreign legal literature is carried out, their strengths and weaknesses are identified. The article examines the trends in the development of the institution of legal responsibility in public law in the context of modern requirements, including such as digitalization, globalization and the growth of transnational crime.

Recommendations on improving legislation and law enforcement practice in this area are proposed.

Keywords. legal responsibility, public law, classification, constitutional responsibility, administrative responsibility, disciplinary responsibility, criminal responsibility, public entities, sanctions, offense, grounds of responsibility, principles of responsibility

Актуальность классификации юридической ответственности в публичном праве обусловлена целым рядом факторов, приобретающих особую значимость в условиях современного правового государства.

«В юридической теоретической науке на всём протяжении развития межотраслевого института юридической ответственности наблюдается непреходящий интерес к проблеме классификации юридической ответственности» [14, с.117].

Во-первых, четкая и научно обоснованная классификация позволяет систематизировать многообразие видов юридической ответственности, применяемых в сфере публичного права, что способствует единообразному пониманию и применению норм права. Это, в свою очередь, минимизирует риски произвольного толкования и применения санкций, обеспечивая справедливость и законность в действиях государственных органов и должностных лиц.

Во-вторых, классификация юридической ответственности является важным инструментом для повышения эффективности правоприменительной деятельности. Зная особенности каждого вида ответственности, правоприменитель может более точно определить основания привлечения к ответственности, выбрать адекватную меру воздействия и обеспечить достижение целей наказания. Например, разграничение между дисциплинарной и административной ответственностью позволяет учесть специфику совершенного правонарушения и применить санкцию, наиболее соответствующую характеру и степени общественной опасности деяния.

Это проявляется и в действующем законодательстве, когда некоторые субъекты несут дисциплинарную ответственность взамен административной ответственности.

В-третьих, классификация юридической ответственности играет важную роль в обеспечении прав и законных интересов граждан и организаций, взаимодействующих с государством. Зная виды ответственности, основания и порядок ее применения, субъекты публичных правоотношений могут более эффективно защищать свои права и интересы в случае нарушения их государственными органами или должностными лицами. Классификация также способствует повышению правовой грамотности населения и формированию правового сознания и правовой культуры.

В-четвертых, классификация юридической ответственности способствует развитию науки публичного права. Научно обоснованная классификация позволяет выявлять закономерности и тенденции развития юридической ответственности, разрабатывать новые теоретические концепции и практические рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Это, в свою очередь, способствует повышению эффективности правового регулирования и укреплению законности в сфере публичного права.

В условиях конвергенции и сближения правовых систем, актуальность классификации юридической ответственности возрастает в связи с необходимостью гармонизации национального законодательства с международными стандартами и принципами. Четкая и понятная классификация облегчает процесс имплементации международных норм в национальное право и способствует развитию международного сотрудничества в сфере борьбы с правонарушениями.

Как отмечает В.А. Кислухин, в связи с развитием концепции деления отраслей права на публично-правовые и частноправовые многие ученые стали классифицировать юридическую ответственность на публично-правовую и частноправовую [12, с.20]. В основе такого деления также лежит как деление отраслей права на частные и публичные.

Основным критерием разграничения является характер правоотношений, возникающих в связи с совершением правонарушения. Публично-правовая ответственность возникает в отношениях между государством (или его органами) и правонарушителем, где государство выступает в качестве носителя публичного интереса.

Предметом публичного права является сфера государственно-властных (публичных) интересов, в данном правоотношении характерно в первую очередь неравенство сторон, подчинение одной другой, в целях обеспечения интересов государства или общества в целом или его отдельных больших социальных групп [15, с.124].

Частноправовая ответственность, напротив, возникает в отношениях между частными лицами (гражданами или юридическими лицами), где охраняются частные интересы.

Другим важным критерием является характер санкций, применяемых к правонарушителю.

В рамках публично-правовой ответственности применяются санкции, направленные на защиту публичного порядка, обеспечение законности и поддержание авторитета государства. К таким санкциям относятся штрафы, административные аресты, уголовные наказания и т.д. Частноправовая ответственность, как правило, направлена на восстановление нарушенных прав и компенсацию причиненного ущерба. Она реализуется через возмещение убытков, взыскание неустойки, признание сделки недействительной и другие меры.

Следует согласиться с Д.А. Липинской которые делают вывод, что правоотношения ответственности, возникающие в связи с фактом совершения любого правонарушения, являются публично-правовыми, а не частноправовыми [13, с.40]. Так этот вывод подтверждается что только государством устанавливается юридическая ответственность в лице его уполномоченных органом которым делегирована законодательная власть и хоть она регулирует частно-правую деятельность граждан, юридических лиц и публично-правовых органов, она возникает на основе санкций государства, иначе бы она имела другую направленность моральную ответственность, у которой не силы принуждения.

Таким образом, можно определить, что юридическая ответственность в публичном праве определяется как установленная государством обязанность лица или организации претерпевать неблагоприятные последствия за совершённое правонарушение. Она отличается от ответственности в частном праве тем, что её цель заключается в защите публичных интересов и восстановлении нарушенного правопорядка.

К признакам юридической ответственности в публичном праве:

- наличие нормы права, предусматривающей обязанность соблюдать определённые правила.
- совершение противоправного деяния.
- применение санкций государственными органами.

Классификация юридической ответственности позволяет систематизировать её виды, упрощает правоприменение и научное исследование. Среди фундаментальных подходов к классификации выделяются следующие.

По отраслям права.

Уголовная ответственность применяется за совершение преступлений [5]. Она имеет наиболее строгие санкции, такие как лишение свободы или конфискация имущества.

Административная ответственность наступает за менее значительные правонарушения, такие как нарушения правил дорожного движения или санитарных норм [2].

Финансово-правовая ответственность связана с нарушениями в сфере налогового [4], бюджетного и банковского законодательства [3].

Конституционно-правовая ответственность применяется к должностным лицам и органам власти за нарушение норм конституционного права (например, процедура отрешения Президента РФ от должности или роспуск парламента, главой государства).

По субъекту ответственности: ответственность физических лиц, ответственность юридических лиц, ответственность должностных лиц.

По мерам воздействия - штрафные меры (например, административные штрафы, временное приостановление деятельности).

Лишение прав (например, лишение права занимать определённые должности, наград, воинских и специальных званий).

По характеру воздействия – ретроспективная (за уже совершённое нарушение), превентивная (предупреждение новых нарушений).

Однако на практике эти классификации нередко пересекаются, что создаёт проблемы в их применении. Например, административная и дисциплинарная ответственность.

Утративший силу ДУ ВС РФ [10] в параграфе 94 содержал положение о том, что военнослужащий, подвергнувшийся дисциплинарному наказанию за совершенное преступление, не освобождается от уголовной и материальной ответственности. Данная практика в вооруженных силах была определяющей, и военнослужащие подвергались как дисциплинарной, так и уголовной ответственности [11, с.10].

Вышеизложенное противоречит ч. 1 ст. 50 Конституции РФ [1] гласит, что закон должен исключать повторное наказание за одно и то же преступление, а также принципу систему наказания недопустимости за одно правонарушение двойного наказания, кроме-того за совершение преступления не должны налагаться дисциплинарные наказания.

В настоящее время указанный нонсенс был устранён как в самом принятом новым ДУ ВС РФ, так и в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76 «О статусе военнослужащих».

Указанные принципы о недопустимости за одно правонарушение двойного наказания, реализованы в решениях Конституционного суда РФ.

Как следует из постановлений Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года №20-П [8] и 4 февраля 2019 года №8-П [7], что правило «нет двойного наказания за одно и то же правонарушение» действует в сфере уголовно-правовых отношений, а также отношений, связанных с привлечением виновных лиц к административной ответственности.

Кроме того, в определении от 30 сентября 2021 года №2127-О Конституционный Суд РФ отметил, что правило *non bis in idem* исключает привлечение одного и того же лица к публично-правовой ответственности дважды за то же деяние [9].

В качестве дополнительной гарантии от установления и применения двойной ответственности за одно и то же правонарушения к субъектам обладающим специальным субъектом статусом военнослужащего, например, Федеральный закон от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» [6].

Из п.»б»п.3п.1ст.18 данного акта следует что суд принимает решение о прекращении производства по материалам о грубом дисциплинарном проступке в случае «передачи указанных материалов руководителю военного следственного органа, если в действии (бездействии) военнослужащего содержится достаточно данных, указывающих на признаки преступления, и решение об освобождении военнослужащего от уголовной ответственности в установленном законодательством Российской Федерации порядке не принято».

Но остается пробел в данном случае, когда ранее было отказано в возбуждении уголовного дела, но на военнослужащего наложили дисциплинарное взыскание, а потом вновь возбудили уголовное дело по тому же составу преступлению по которому было отказано и он был привлечен к уголовной ответственности. Налицо нарушение ст.50 Конституции РФ и пробел законодательства, в виде того, что к такому военнослужащему ранее меры дисциплинарного воздействия за это преступление должны быть отменены в установленном порядке.

Стоит отметить не равномерность и несправедливость юридической ответственности проявляется в ответственности гражданина или юридического лица и публично-правового органа, например недоимки и пени по налоговой ответственности постоянно увеличиваются и являются значимыми для таких лиц в случае нарушения, но если нарушаются права гражданина публично-правовым органом то на практике возмещения вреда не больше убытков, а компенсация морального вреда является смехотворной суммой которая варьируется в большинстве случаев от 500 до 5000 рублей изредка 10000 и более, что прямо видно что государство и непубличные субъекты в рамках юридической ответственности, необходимо установить минимальные критерии взыскиваемого морального вреда например установить его минимальным 10000 рублей при нарушении прав публично-правовыми образованиями, и взыскивается исключительно при установлении нарушений данными органами, а не от причинённого какого-либо вреда.

Такие нововведения уменьшат количество злоупотреблений должностными лицами государственной и муниципальной службы в отношении граждан и организаций.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 10.03.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 1 (ч. 1). – ст. 1.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – N 31. – ст. 3823.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – N 31. – ст. 3824.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 25. – ст. 2954
6. Федеральный закон от 01.12.2006 N 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – N 49 (1 ч.). – ст. 5089
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.02.2019 N 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М. Эркеновой» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – N 7 (часть II). – ст. 711.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка N 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – N 30. – ст. 4657.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2021 N 2127-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волокитина Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=686241&cacheid=91604D831D04697EFB7EF58208658A9A&mode=splus&rnd=8lZJxeUcvsas8DYm#Juxn2fU1T6qJqAi7> (дата обращения 10.03.2025).
10. Указ Президента РФ от 14.12.1993 N 2140 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – N 51. – ст. 4931. Документ утратил силу.
11. Бубон К.В. Без вины виноватые // Адвокат. – 2008. – № 1. – С.10-21.
12. Кислухин В.А. Виды юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Кислухин. – М., 2001. – 26с.
13. Липинский Д.А. О классификации юридической ответственности на публично-правовую и частноправовую / Д.А. Липинский // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 4. – С. 39-42.
14. Николаева Е. А., Ардамин И. А. Проблема классификации юридической ответственности // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2023. – С. 117-121.
15. Теория государства и права: учебник для вузов / В. К. Бабаев [и др.]; под редакцией В. К. Бабаева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 582 с.

УДК 340

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В РОССИИ

ЗУЛЬФУГАРЗАДЕ ТЕЙМУР ЗЛЬДАРОВИЧ

к.ю.н., доцент

ПЕРШИНА ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Аннотация: Концессия является тем договором, в котором одной из сторон всегда является государство, именно поэтому в статье анализируется современное определение концессионных соглашений, их основные особенности и порядок заключения как в области международного частного права, так и в сфере национального регулирования. Проанализированы последние изменения в законодательстве РФ по данной тематике и их влияние на современную Россию. Кроме того, даны предложения по улучшению правового регулирования концессионных соглашений, что в перспективе может повысить уровень инвестиционной привлекательности нашей страны.

Ключевые слова: международное частное право, регулирование, концессия, соглашение, иностранные инвесторы, концессионер.

POSSIBLE DIRECTIONS FOR IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF CONCESSION AGREEMENTS IN RUSSIA

Zulfugarzade Teymur El'darovich,
Pershina Yulia Olegovna

Abstract: A concession is an agreement in which one of the parties is always the state, which is why the article analyzes the modern definition of concession agreements, their main features and the procedure for concluding both in the field of private international law and in the field of national regulation. The latest changes in the legislation of the Russian Federation on this topic and their impact on modern Russia are analyzed. In addition, proposals have been made to improve the legal regulation of concession agreements, which in the future may increase the level of investment attractiveness of our country.

Key words: private international law, regulation, concession, agreement, foreign investors, concessionaire.

Концессия, в традиционном юридическом понимании, - это договор, «в рамках которого государство предоставляет инвесторам исключительные права на осуществление определенной деятельности на платной (возмездной – прим. авт.) основе в строго определенный срок, также передает право собственности на получаемые доходы в результате этой деятельности» [2, с. 88]. Существует два основных вида таких соглашений: в области недропользования и в сфере инфраструктуры.

В первом случае концедент передает концессионеру право эксплуатации определенного участка

недр за определенную плату, т.е. государство передает право на освоение определенных природных ресурсов иностранным инвесторам. Во втором - концессионер обязуется создать или реконструировать определенное недвижимое имущество за свой счет, право собственности на которое принадлежит (или будет принадлежать) концеденту.

В области государственно-частного партнерства стороны заключают само соглашение, далее концессионер создает (разрабатывает) объект и передает право собственности концеденту. После чего концессионер приобретает права владения и пользования этим объектом, пока не закончится срок действия концессионного соглашения (также осуществляет техническое обслуживание).

На основе вышеизложенного, преимуществами концессионного соглашения выступают: (1) гарантии минимальной доходности, предусмотренные в тексте соглашения; (2) возможность предусмотрения компенсации затрат инвестора; (3) минимальные риски для концессионера, поскольку концедентом выступает государство, а значит с большей вероятностью исполнит все свои расходные обязательства.

Могут быть сформулированы следующие предложения для совершенствования правового регулирования:

По действующему законодательству не предусматривается закрепленного порядка расчета и выплаты компенсации при досрочном расторжении заключенного между сторонами концессионного соглашения со стороны концессионера. По этой причине возникают трудности с определением объективного размера возмещения. Так как законом не урегулирован данный вопрос, то это ведет к рискам для всех участников соглашения. Следовательно, увеличиваются финансовые риски реализации проекта [4, с. 34].

Решить данную проблему можно через включение в Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (в ред. от 30.11.2024) «О концессионных соглашениях» (далее также - Закон о концессионных соглашениях) положений о порядке расчета, выплаты компенсации в случае досрочного прекращения концессионного соглашения в ст. 13 исследуемого Закона. Указанный порядок позволит сторонам в случае возникновения спора без обращения в суд урегулировать финансовые вопросы, а также повысить прозрачность деятельности сторон концессионных соглашений, поскольку расторжение концессионного соглашения может быть осуществлено либо в соответствии с решением суда, либо по соглашению сторон.

Концессионные соглашения, безусловно представляются выгодными государству, однако современная быстротечная жизнь вносит свои корректировки. Так, недавняя пандемия оказала значительное влияние на уже заключенные концессионные соглашения, и для смягчения последствий этой ситуации частному бизнесу необходимо получить поддержку государства.

Данный подход может включать в себя изменения условий соглашения, внесение изменений в законодательство, чтобы помочь выполнить свои обязательства и достичь компромисса. Кроме того, так же сможет повысить заинтересованность отечественных и иностранных компаний к концессионным соглашениям, поскольку компаниям и так может показаться тяжелой подобная работа в условиях кризиса. Это объясняется тем, что частные инвесторы проявляют все меньший интерес, поэтому аналитики прогнозируют дальнейшее сокращение количества заключенных концессионных соглашений [3, с. 234].

На основе вышеизложенного, представляется необходимым внесение поправки, касаемо условий соглашения в п. 1 ст. 6 Закона о концессионных соглашениях, а именно увеличение срока продления договора, но не более, чем на десять лет, по соглашению сторон.

Одновременно с этим предложением необходимо рассмотреть и возможность внесения изменений в п. 3.1 ст. 13 указанного Закона, а именно, среди прочих оснований для изменения концессионных соглашений, добавить: «в случае изменения обстоятельств», в указанном выше примере таким обстоятельством послужила бы пандемия, так на основании изменения обстоятельств логически возможно и продления срока договора.

Кроме того, представляется важным в п. 1 ст. 6 добавить минимальный срок концессионного соглашения, а именно три года, что позволит обеим сторонам добиться добросовестного исполнения.

Указанные изменения необходимы в законодательном закреплении, в противном случае изменение концессионных соглашений только лишь по соглашению сторон может привести к несправедливому или недобросовестному исполнению.

Необходимо отметить, что, в целом, взаимодействия бизнеса и государства способствуют решению значимых общественных задач.

Предоставляется возможность участия иностранных компаний в упомянутых конкурсах, что способствует трансферу технологий и знаний, в свою очередь, развивая государство, а также способствует международному сотрудничеству. В условиях санкционных ограничений в отношении финансового сектора России концессионные соглашения следует заключать с компаниями дружественных стран.

В процессе анализа понятия «концессионное соглашение» была изучена учебная литература и нормативные правовые акты Российской Федерации. Стоит отметить, что в трудах российских юристов концессионные соглашения часто именуется «концессиями».

Во избежание конфликтных ситуаций, целесообразно внести поправку в ст. 1 Закона о концессионных соглашениях, а именно: «концессионное соглашение (концессия)», что объединит это понятие и повысят правовую определенность.

Как было отмечено, концессионные соглашения нередко применяются в современной России. Частыми объектами концессионных соглашений являются дороги, скоростные магистрали, здания, централизованные системы горячего водоснабжения. Стратегически важным представляется привлечение внимания инвесторов к лесохозяйственной деятельности.

Ведущие отечественные правоведы М. И. Брагинский и В. В. Витрянский из всех видов концессионных соглашений уделяют особое внимание именно лесохозяйственной деятельности, утверждая о том, что концессии участка лесного фонда, которые не входят в состав фонда, регулируются гражданским законодательством, а сделки с древесной кустарниковой растительностью должны совершаться в порядке, предусмотренном гражданским законодательством и земельным законодательством Российской Федерации [1, с. 22].

Действительно, рассматриваемая сфера актуальна и в современном мире, поскольку затрагивает как экологические, так и экономические интересы России.

Таким образом, концессионные соглашения являются мощным инструментом, в том числе для улучшения качества жизни граждан. Вместе с тем предложенные улучшения законодательства в данной области обеспечивают инвестиционную привлекательность нашего государства, что стимулирует развитие экономики современной России.

Список источников

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения 3-е изд. – Москва: Статут. 2020. – 847 с.
2. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебное пособие для вузов / И. В. Гетьман-Павлова. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 489 с.
3. Исаева Н.А., Пономарева Д.Г. Привлечение частных инвестиций в экономику России посредством концессионных соглашений // Вестник НГУЭУ. 2022. № 1. С. 224-237.
4. Исупова С.С. Актуальное правовое регулирование концессионных соглашений в РФ // Местное право. 2024. № 1. С. 29-36.

© Т. Э. Зульфугарзаде, Ю. О. Першина, 2025

УДК 340

СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТОВ РЕКВИЗИЦИИ И КОНФИСКАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

КАМКИН ИГОРЬ ЕВГЕНЬЕВИЧ

курсант
ФГКОУ Военный Университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Научный руководитель: Дьяченко Оксана Михайловна
старший преподаватель, к.ю.н.
ФГКОУ Военный Университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация: В статье рассматривается правовая природа таких оснований прекращения права собственности как реквизиция и конфискация. Проведен сравнительный правовой анализ указанных институтов, выявлены особенности применения, исследуется зарубежное законодательство по данному вопросу, доктринальные позиции.

Ключевые слова: реквизиция, конфискация, соотношение реквизиции и конфискации, изъятие имущества, принудительные способы прекращения права собственности.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE INSTITUTIONS OF REQUISITION AND CONFISCATION IN RUSSIAN LEGISLATION

Kamkin Igor Evgenievich

Scientific adviser: Dyachenko Oksana Mikhailovna

Abstract: The article examines the legal nature of such grounds for the termination of property rights as requisition and confiscation. A comparative legal analysis of these institutions has been carried out, the specifics of their application have been identified, foreign legislation on this issue and doctrinal positions have been studied.

Keywords: requisition, confiscation, the ratio of requisition and confiscation, seizure of property, forced methods of termination of property rights.

Вопрос о правовой природе таких способов прекращения права собственности, как реквизиция и конфискация, уже давно является предметом дискуссий среди юристов. Общим для этих способов является то, что право собственности на имущество переходит к государству. Некоторые исследователи относят реквизицию и конфискацию к производным способам приобретения права собственности, так как государство получает право на имущество вопреки воле предыдущего собственника. Другие же, напротив, считают их первоначальными способами, поскольку право собственности возникает независимо от воли прежнего владельца [6, с. 1].

Если обратиться к законодательству разных стран, то следует отметить различную трактовку

этих правоотношений. Так, в Гражданском кодексе Италии (ст. 83–85) конфискация и реквизиция рассматриваются как ограничения прав собственника. В гражданских кодексах многих постсоветских стран, таких как Казахстан (ст. 253–254 ГК РК) и Беларусь (ст. 243–245 ГК РБ), эти институты регулируются как способы прекращения права собственности [6, с. 2]. Российское законодательство также относит реквизицию и конфискацию к основаниям прекращения права собственности (ст. 235 ГК РФ) [2].

Для более глубокого понимания рассматриваемых институтов стоит обратиться к доктринальным определениям. Так, к вопросу понятия реквизицию, существует множество подходов. В частности, И.О. Краснова считает, что реквизиция – это вид экспроприации, при котором имущество изымается у собственника в особых условиях для обеспечения государственных интересов. Объектом реквизиции может быть любое имущество, включая транспортные средства, скот и продовольствие.

С.С. Алексеев определяет реквизицию как принудительное возмездное изъятие имущества в интересах общества в чрезвычайных обстоятельствах. Е.В. Облонкова подчеркивает, что реквизиция – это юридическая экспроприация, при которой государство изымает имущество у собственника с выплатой его стоимости.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона реквизиция в военное время определяется как принудительное взимание с населения предметов, необходимых для ведения войны [8].

Современное понимание реквизиции связано с правом государства на изъятие имущества в условиях крайней необходимости, когда другие способы предотвращения или ликвидации чрезвычайных ситуаций неэффективны. В таких случаях государство может существенно ограничивать права собственности физических и юридических лиц в интересах общества.

Согласно п. 1 ст. 242 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), реквизиция – это изъятие имущества у собственника в интересах общества по решению государственных органов в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий и других чрезвычайных обстоятельств, с выплатой стоимости имущества. Указанной нормой установлен административный порядок изъятия, при этом п. 3 ст. 35 Конституции РФ, регламентировано лишение имущества только по решению суда, при условии предварительного и равноценного возмещения [2].

Вопрос проверки конституционности п.1 ст. 242 ГК РФ был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который отметил, что «пункт 1 указанной статьи, направленный на защиту права собственности и не устанавливающий каких-либо оснований для отказа в выплате собственнику стоимости изъятого имущества или для ее снижения в зависимости от действий (бездействия) самого собственника, способствовавших наступлению указанных обстоятельств, не может рассматриваться как нарушающий конституционные права заявителя».

С.В. Артеменков отмечает, что реквизиция – это крайняя мера, ограничивающая права и свободы граждан в отношении их имущества. Таким образом, реквизиция представляет собой сложный юридический состав, включающий чрезвычайные обстоятельства и решение государственного органа. Она затрагивает конституционные, административные, гражданские и процессуальные правоотношения.

Реквиция обладает рядом признаков. Во-первых, это принудительный характер изъятия имущества, независимо от воли собственника. Во-вторых, реквизиция осуществляется на основе актов исполнительной власти, то есть имеет внесудебный характер. В-третьих, она применяется только в чрезвычайных ситуациях, таких как стихийные бедствия, эпидемии или военное положение. В-четвертых, реквизиция носит возмездный характер: собственнику выплачивается стоимость изъятого имущества. В-пятых, имущество может быть возвращено собственнику, если обстоятельства, вызвавшие реквизицию, прекратились. В-шестых, объектом реквизиции может быть любое имущество, включая транспортные средства, скот и продовольствие.

Некоторые авторы выделяют общественный интерес как основание реквизиции, подчеркивая, что изъятие имущества направлено на предотвращение чрезвычайных ситуаций. Например, в Земельном кодексе РФ (ЗК РФ) реквизиция упоминается в контексте защиты жизненно важных интересов граждан и государства [3]. Однако другие исследователи считают, что общественный интерес не является самостоятельным условием, а скорее связан с чрезвычайной ситуацией, которая требует немедленного устранения.

Целью реквизиции является ликвидация чрезвычайных ситуаций и их последствий. В некоторых случаях реквизиция может быть направлена на уничтожение имущества, например, зараженных животных или транспортных средств в случае эпидемий [2].

Конфискация, в отличие от реквизиции, представляет собой безвозмездное изъятие имущества в пользу государства в качестве санкции за правонарушение. Происхождение термина «конфискация» восходит к латинскому слову «confiscatio», означающему изъятие имущества в казну государства. В современном праве конфискация сохраняет свой основной смысл, но приобрела более сложную форму, особенно в уголовном праве, где она рассматривается как мера уголовно-правового характера [7, с. 3].

Мнения ученых о правовой природе конфискации разделились. В.В. Палий считает, что конфискация – это иная мера уголовно-правового воздействия, направленная на восстановление нарушенных прав и предупреждение преступлений. А.А. Пропостин характеризует конфискацию как принудительное, безвозмездное изъятие имущества с передачей его государству. Ф.К. Набиуллин подчеркивает некарательный характер конфискации, которая применяется наряду с наказанием.

Согласно ст. 243 ГК РФ, конфискация – это безвозмездное изъятие имущества у собственника по решению суда в качестве санкции за правонарушение. В отличие от реквизиции, конфискация всегда носит безвозмездный характер и применяется как наказание [2]. Конфискация также упоминается в других нормах ГК РФ, например, в ст. 169, где она предусмотрена как последствие умышленных действий, противоречащих основам правопорядка [2].

Конфискация обладает рядом ключевых признаков. Во-первых, она может быть осуществлена только на основании решения суда, за исключением случаев, предусмотренных законом, когда конфискация производится в административном порядке (п. 2 ст. 243 ГК РФ). Во-вторых, конфискация всегда является санкцией за правонарушение, будь то уголовное, административное или гражданское. В-третьих, имущество изымается у собственника безвозмездно, то есть без какой-либо компенсации. В-четвертых, вещи, являющиеся предметом конфискации, поступают в собственность Российской Федерации [2].

В уголовном праве конфискация рассматривается как одна из мер уголовно-правового воздействия. Согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, конфискация – это принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления или используемых для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, незаконных вооруженных формирований и преступных сообществ. Конфискация также может применяться в отношении орудий, оборудования или иных средств, необходимых для совершения преступлений [7, с. 2].

В административном праве конфискация используется как мера ответственности за административные правонарушения. Например, согласно Кодексу об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ), конфискация может быть применена в отношении орудий совершения правонарушения, таких как незаконно добытые природные ресурсы или оружие.

В гражданском праве конфискация также находит свое применение, хотя и в более ограниченных рамках. Например, в ст. 169 ГК РФ конфискация предусмотрена как последствие умышленных действий сторон сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. В таких случаях все, что было передано по сделке, взыскивается в доход государства [2].

Таким образом, конфискация – это многогранный институт, который применяется в различных отраслях права. Ее основная цель – предотвращение правонарушений и восстановление нарушенных прав. Однако, в отличие от реквизиции, конфискация всегда носит карательный характер и применяется исключительно как санкция за противоправные действия.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Реквизиция представляет собой систему межотраслевых правоотношений, затрагивающих конституционные, административные, гражданские и процессуальные аспекты. Она применяется в чрезвычайных ситуациях и основана на решении государственного органа.

2. Конфискация – это безвозмездное изъятие имущества в пользу государства в качестве санкции за правонарушение. В уголовном праве она рассматривается как мера уголовно-правового

воздействия, применяемая для восстановления нарушенных прав и предупреждения преступлений, в гражданском праве как способ прекращения права собственности.

3. Отличиями между реквизицией и конфискацией заключается в возмездном характере первой и основаниями применения. Так, реквизиция предполагает временное изъятие имущества с возможностью его возврата или возмещения стоимости, тогда как конфискация носит безвозмездный характер и применяется как наказание [2].

4. Реквизиция не является санкцией или мерой уголовной ответственности, но и не может быть сравнена с гражданско-правовыми договорами, так как воля собственника в данном случае не имеет значения [2].

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) "О военном положении" // "Собрание законодательства РФ", 04.02.2002, N 5, ст. 375.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2. (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. N 5 ст. 410.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // "Собрание законодательства РФ" от 29 октября 2001 г. N 44 ст. 4147
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.07.2021 N 33-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 242 и пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Комплекс".
6. Корнилова Н.В. Об отдельных способах принудительного прекращения права собственности // Н.В. Корнилова // Российский следователь. - 2016. - № 13. - С. 39 - 43.
7. Малышев А.Н. Конфискация имущества в уголовном праве. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2010. - 189 с.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907.

© И.Е. Камкин, 2025

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 346.26

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

**ЖАРКОВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА,
ЦЫГАНКОВА ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА**

студенты, Кафедра публичного и частного права,
ФГБОУ ВО «Дальневосточный институт управления филиал РАНХиГС»
г. Хабаровск

Научный руководитель: Жукова Инна Викторовна
к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Дальневосточный институт управления филиал РАНХиГС»
г. Хабаровск

Аннотация: в статье рассматривается понятие социального предпринимательства, с использованием сравнительно-правового анализа правовых моделей в России и США, выявляя особенности законодательной базы и мер поддержки каждой из них. Методология включает анализ нормативно-правовых актов и доктринальных источников.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное предприятие, нормативно-правовое регулирование, меры поддержки, США, Российская Федерация.

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

**Zharkova Ekaterina Evgenievna,
Tsygankova Varvara Sergeevna**

Scientific adviser: Zhukova Inna Viktorovna

Abstract: the article examines the concept of social entrepreneurship using a comparative legal analysis of legal models in Russia and the United States, identifying the specifics of the legislative framework and measures to support each of them. The methodology includes an analysis of regulatory legal acts and doctrinal sources.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, regulatory and legal regulation, support measures, USA, Russian Federation.

Социальное предпринимательство- это динамично развивающаяся практическая деятельность, объединяющая процесс получения экономической выгоды и выполнения социально значимых задач. Как отмечали Дж. Остин, Г. Стивенсон и Дж. Вей-Скилерн, «цель социального предпринимательства заключается в создании социальной ценности для общества, в то время как коммерческое предпринимательство направлено на поддержание прибыльных операций в личных целях» [1, с. 232].

Социальное предпринимательство как глобальная практика, направленная на достижение как экономической, так и социальной выгоды, начало активно развиваться с 1970–1980-х годов XX века. Этот феномен одновременно возник в различных странах и регионах, несмотря на значительные различия в их экономических и социальных условиях. В 1990-х годах социальное предпринимательство также получило распространение в странах, переживших социалистический режим [2, с. 270].

Другие авторы, например Московская А.А, считают, что социальное предпринимательство – «это новый способ социально-экономической деятельности, соединяющий социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости» [3, с. 288].

Согласно мнению как отечественных, так и зарубежных исследователей, «социально-ориентированная предпринимательская деятельность в рамках двух моделей имеет общие характеристики. К ним относятся: во-первых, новаторство (разработка новых подходов к решению социальных проблем и новые сочетания человеческих и экономических ресурсов для достижения поставленных целей), во-вторых, целенаправленное решение социальных задач, в-третьих, самоокупаемость за счет приносящей доход деятельности, а также за счет грантов и благотворительных пожертвований». Таким образом, авторы представляют, что «социальное предпринимательство способствует повышению экономической эффективности путем использования новых, ранее не задействованных ресурсов» [4, с. 167-178].

Феномен социального предпринимательства, зародился в западных странах на рубеже 1980-90-х годов. Историки связывают его появление с последствиями структурного кризиса американской экономики 1970-х годах. Сокращение государственных расходов, особенно осязаемое в эпоху президента Рейгана, спровоцировало системный дефицит финансирования в социальной сфере. Некоммерческие организации, традиционно занимавшиеся поддержкой уязвимых групп в сфере медицины, экологии и просвещения, столкнулись с угрозой закрытия. Именно этот институциональный вакуум стал катализатором для появления гибридных бизнес-моделей, где рыночные механизмы стали инструментом достижения социальных преобразований.

Формирование элементов социального предпринимательства в России началось в 1990-х годах, в условиях перехода к рыночной экономике и кризиса государственных социальных институтов. Рост безработицы, бедности и маргинализации населения стимулировал появление некоммерческих организаций, которые пытались заполнить пробелы в социальной политике [5, с. 34-40]. Однако отсутствие законодательной базы и финансирования ограничивало их деятельность.

2000-е годы стали периодом институционализации социального предпринимательства. Важную роль сыграло влияние международного опыта, например, деятельность фонда Ashoka и программы поддержки социальных инноваций. В России в 2007 году фонд «Наше будущее» начал системно финансировать социальные проекты, что стало катализатором для развития сектора [6, с. 6].

В России Федеральное законодательство начало формироваться на основе имеющегося законодательства в субъектах. Например, в 2013 году в Самарской области приняли концепцию поддержки социальных предприятий. Это произошло на основании постановления Правительства Самарской области №676 [7]. Первое легальное определение социального предпринимательства появилось только в 2019 году с принятием Федерального закона № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации"» [8].

В отличие от России, в США понятие социального предпринимательства не закреплено законодательно, поскольку гражданско-правовые отношения регулируются законодательством штатов. В некоторых из них за последнее десятилетие созданы две системы признания коммерческих организаций в качестве социального предприятия. Первая система признания называется Benefit Corporations (далее- BC) – она связана с тем, что статус социальной корпорации, предполагает наличие цели получения прибыли и решения социально значимых задач. Вторая система называется Low-Profit Limited Liability Company (далее- L3C)- она представляет собой статус низко-доходной компании, деятельность которой направлена на благотворительные цели [9]. Ученые подчеркивают, что такие формы создают правовую основу для «двойного мандата» — баланса прибыли и социального воздействия [10].

В американской правовой системе организации, зарегистрированные как L3C или BC, имеют гибкий перечень направлений, признаваемых социально значимыми. Эти гибридные формы бизнеса, сочетающие коммерческие цели с общественной миссией, охватывают такие сферы:

1. Поддержка уязвимых групп - обеспечение доступа к базовым товарам и услугам для малоимущих слоёв населения;

2. Создание экономических возможностей - развитие программ профессионального обучения (исключая стандартное трудоустройство в коммерческих структурах);
3. Экологическая ответственность - проекты по управлению отходами, переходу на возобновляемые источники энергии;
4. Медицинские инициативы - предоставление доступной медпомощи, профилактика заболеваний;
5. Развитие человеческого капитала - поддержка образовательных учреждений, популяризация научных исследований;
6. Финансовая экосистема - инвестирование и грантовая помощь;
7. Инновации для общества - реализация проектов, направленных на технологические или управленческие нововведения.

В России Федеральным законом № 209-ФЗ "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" от 24.07.2007 (далее - Федеральный закон № 209-ФЗ) [11] установлены условия, при которых предпринимательская деятельность малого и среднего бизнеса признается социальной. В ч.1 ст. 24.1 Федерального закона № 209-ФЗ определено, что социальным предприятием может быть признан субъект малого и среднего предпринимательства, который занимается деятельностью, направленной на:

1. Обеспечение занятости граждан определённых категорий, таких как инвалиды, одинокие родители, пенсионеры и выпускники детских домов;
2. Реализацию товаров, работ или услуг, производимых с участием таких граждан;
3. Оказание услуг, производство товаров или выполнение работ, предназначенных для этих категорий граждан;
4. Осуществление деятельности в социальной сфере, включая образование и социальное обслуживание.

Российская модель социального предпринимательства делает упор на трудоустройство и поддержку конкретных категорий граждан, строго следуя закону, тогда как модель США ориентирована на широкий спектр социальных и экологических инициатив с гибким механизмом реализации.

Таким образом, и для России и для США модели социального предпринимательства отражают национальные приоритеты, но для России таким приоритетом является социальная защита, а для США – устойчивое развитие.

Также отличительным является финансовая поддержка социального предпринимательства.

В США финансовая экосистема для социально ориентированных организаций формируется за счёт комбинации классических и специализированных инструментов.

Для коммерческих структур ключевыми источниками капитала выступают:

1. Долговое финансирование — банковские кредиты, облигации социального воздействия (Social Impact Bonds);
2. Привлечение инвесторов — продажа доли в бизнесе венчурным фондам, impact-инвесторам или через краудфандинговые платформы;
3. Государственные инициативы — программы вроде «Empowerment Zone», стимулирующие развитие через налоговые льготы, субсидии и упрощённый доступ к кредитным ресурсам.

Также особую роль играют негосударственные фонды, которые предоставляют стартовый капитал для социальных стартапов.

Некоммерческие организации опираются на иные механизмы финансирования:

1. Целевые гранты — государственное финансирование проектов, соответствующих приоритетам федеральных или региональных программ;
2. Филантропический капитал — пожертвования, стимулируемые налоговыми вычетами и программами вроде «Matching Gifts»;
3. Гибкие финансовые инструменты — льготные займы с отсрочкой погашения.

Примечательно, что в США основной объём ресурсов для социального сектора поступает не из госбюджета, а за счёт фондовых грантов и частных пожертвований. Такие гиганты филантропии, как

Фонды Келлога, Рокфеллера и Goldman Sachs 10,000 Small Businesses, формируют устойчивую инфраструктуру поддержки.

Ключевой особенностью американской модели является синергия между внешним финансированием (гранты, пожертвования) и способностью социальных предприятий получать доход через продажу товаров или услуг. Например, компания TOMS Shoes, совмещающая коммерцию с благотворительностью, направляет часть прибыли на обеспечение обувью детей из бедных регионов. Этот механизм позволяет снижать зависимость от инвесторов и выполнять социально значимые задачи даже в условиях экономической нестабильности.

Согласно Федеральному закону 209-ФЗ В России финансовую поддержку социального предпринимательства осуществляют органы государственной власти и органы местного самоуправления. С 2021 года финансовая поддержка социальных предприятий осуществляется в виде грантов (субсидий), льготных лизингов оборудования, доступа к закупкам крупнейших заказчиков, налоговых льгот, освобождение от уплаты НДС [13]. Во многих регионах действуют налоговые каникулы для индивидуальных предпринимателей в социальной сфере — они могут не уплачивать налоги в первые два года с начала деятельности [14, с.121].

Однако существует проблема бюрократических процедур признания статуса, вследствие чего затрудняется доступ к льготам.

Финансовую поддержку оказывают также негосударственные организации, одной из которых является Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». Это некоммерческая организация, созданная в 2007 году российским бизнесменом Вагимом Алекперовым, фонд фокусируется на реализации долгосрочных социально значимых программ и предоставлении комплексной поддержки социальным предпринимателям.

В связи с этим, можно отметить, что источник финансирования социального предпринимательства в России преобладает государство, а в США - частные фонды и организации.

Таким образом, российское законодательство о социальном предпринимательстве находится в стадии становления. Его развитие обусловлено международным влиянием, экономическими и политическими условиями, а также постепенной институционализацией.

Сравнив системы социального предпринимательства двух стран, можно прийти к выводу, что правовое регулирование социального предпринимательства в России отличается от правового регулирования в США, так как оно отражает разные философии: государственное управление против рыночной инициативы. Российская модель социального предпринимательства часто ориентирована на локальные проблемы, что способствует укреплению социальной стабильности, но затрудняет масштабирование.

Из этого следует, что США предлагают инновационные формы, но сталкиваются с проблемой стандартизации. Россия же создает централизованную систему, однако жесткие требования к отчетности и необходимость ежегодного подтверждения статуса создают бюрократические барьеры для развития данной сферы.

Список источников

1. Федорова И. В., Федорова М. В. Социальное предпринимательство: эволюция понятия и формирование подходов // Вопросы Российской юстиции 2020. № 6, URL: <https://injust-journal.ru/wp-content/uploads/2020/05/12.00.00.-Федорова-И.В.-Федорова-М.В..pdf>
2. Московская А.А. Социальное предпринимательство в России и мире: практика и исследования. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.
3. Московская, А.А. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / А.А. Московская. М.: Высшая школа экономики, 2011.
4. Клиндух, Р.В. Социальное предпринимательство: понятийно терминологическая систематизация // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 9. № 3.
5. Ясинская Е.А. Социальное предпринимательство как инструмент решения проблем занятости // Экономика и управление. 2021. № 5.

6. Бахматова Т. Г. Социальное предпринимательство в России: институционализация и динамика развития // *Baikal Research Journal*. 2018. Т. 9, № 2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-v-rossii-institutsionalizatsiya-i-dinamika-razvitiya/viewer>
7. Постановления Правительства Самарской области №676 «Об утверждении государственной программы Самарской области "Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Самарской области» от 27.11.2013.
8. Федеральный закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации"» от 26.07.2019.
9. Del. Code Tit. 8, § 362. (Register 92, No. 44). 1992
10. J. G. Dees, «The Meaning of Social Entrepreneurship», 1998
11. Федеральный закон N 209-ФЗ (ред. от 22.07.2024) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" от 24.07.2007
12. Заикина В. С. // Институт развития социально-экономических проектов и инициатив — ИРСЭПИ/ 2024
13. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» 5 августа 2000 года N 117-ФЗ
14. Махмутова А. З. Государственная поддержка как инструмент развития социального предпринимательства в российской федерации: оценка эффективности // Академия права. 2023. № 2 (2)

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ

БЕСЧАСТНОВА ЛИЛИАНА ВЛАДИСЛАВОВНА

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук
Астраханский филиал ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Астрахань

Аннотация: В статье рассматриваются особенности применения отдельных видов примирительных процедур в семейных спорах. Дана подробная характеристика таких процедур, как переговоры и семейная медиация. Автор приходит к выводу о том, что примирительные процедуры в семейном праве представляют собой эффективный и гуманный способ разрешения семейных споров, ориентированный на поиск согласия и сохранение семейных отношений между супругами. Их применение способствует сохранению семьи, а также снижает имеющиеся конфликты и положительно сказывается на развитии детей. Они позволяют предотвратить длительные и дорогостоящие судебные процессы, а также способствуют достижению справедливости и удовлетворению интересов участников спора.

Ключевые слова: примирительные процедуры, медиация, переговоры, семейные правоотношения, супруги, дети, семейный конфликт.

THE SPECIFICS OF THE APPLICATION OF CERTAIN TYPES OF CONCILIATION PROCEDURES IN FAMILY DISPUTES

Beschastnova Liliana Vladislavovna

Abstract: The article discusses the specifics of the application of certain types of conciliation procedures in family disputes. A description of such procedures as negotiations and family mediation is given. The author comes to the conclusion that conciliation procedures in family law are an effective and humane way to resolve family disputes, focused on seeking consent and preserving family relations between spouses. Their use contributes to the preservation of the family, as well as reduces existing conflicts and has a positive effect on the development of children. They help to prevent lengthy and expensive lawsuits, as well as contribute to achieving justice and satisfying the interests of parties to the dispute.

Keywords: reconciliation procedures, mediation, negotiations, family relations, spouses, children, family conflict.

В соответствии с действующим законодательством и положениями правовой доктрины примирительные процедуры являются важным межотраслевым институтом [1, с. 65], и играют существенную роль в разрешении различных видов споров между сторонами, и прежде всего, семейных споров. Они представляют собой альтернативный путь разрешения семейных конфликтов, основанный на добровольности, конфиденциальности, сотрудничестве и поиске компромиссных решений. Ю.Ф. Беспалов, характеризуя понятие и сущность примирительных процедур верно отмечает, что «они есть установленные законодательством России действия, направленные на окончание спорного вопроса миром, т.е. соглашением сторон как с участием суда и иного органа, так и без участия этих органов» [2, с. 23].

Примирительные процедуры активно используются при разрешении семейных конфликтов, на его различных этапах, и состоят, из досудебных процедур, зачастую обязательных для сторон, и судебных процедур, которые применяются в свою очередь, по их добровольному волеизъявлению.

Известный отечественный ученый - процессуалист, И.Н. Балашова обоснованно пишет, в связи с этим, что «альтернативные (досудебные, внесудебные) примирительные процедуры не должны конкурировать с судебной системой и существовать не просто параллельно, а в эффективной взаимосвязи, органично дополняя друг друга» [3, с. 14-18].

К примеру, важными и наиболее востребованными досудебными примирительными процедурами, используемыми в семейном праве принято считать переговоры и семейную медиацию [4, с. 33]. Хотя, при этом подчеркнем, что они, особенно медиация, вполне могут и активно применяться и в суде.

Убеждены, что ядро неюрисдикционных досудебных процедур, составляют именно переговоры, которые проводятся путем обмена состязательными бумагами (информацией на бумажных носителях). В этом смысле неюрисдикционные досудебные процедуры представляют собой наиболее формализованную разновидность переговоров. Именно данному виду досудебных примирительных процедур следует, на наш взгляд, уделять особое внимание в теории и на практике. Кроме того, весьма интересно предложение о том, чтобы примирительные процедуры, например, переговоры, либо посредничество, были введены законодателем, в качестве обязательных мер по крайней мере по отдельным категориям дел, возникающим из семейно – правовых отношений, и в обязательном порядке используемых до применения судебной формы защиты, в качестве обязательного элемента досудебного состязательного процесса. Таким делами могут быть например, такие дела, возникающие из семейных как, расторжение брака, определение места жительства ребенка и др.). Надо отметить, что определенные шаги в данном направлении уже предпринимаются. Так, Минюст России разрабатывает законопроект, предусматривающий обязательную примирительную процедуру при расторжении брака в рамках реализации госполитики в сфере защиты семьи и «сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5]. Как отмечает министр юстиции К. Чуйченко «обязательную досудебную примирительную процедуру планируется ввести по делам о расторжении брака, определении места жительства ребенка, разделе имущества и взыскании алиментов» [5].

Закрепление в законе обязательной процедуры медиации находит положительный отклик в доктрине семейного права. Так, Д.Г. Фруслов убежден, что введение обязательной процедуры медиации по делам о расторжении брака будет способствовать, как сохранению семьи, так и снизит, имеющиеся конфликты и положительно скажется на развитии детей [6, с. 12].

Между тем активное использование семейной медиации характерно не только для дел о расторжении брака, но и ряда иных дел, ведь как верно отмечает И.А. Пантелеева понятие семейных споров затрагивает весьма широкий круг вопросов, касающихся, например разногласий по вопросам наследства, усыновления, организации общения с ребенком, ухода за нетрудоспособными родственниками и др. [7, с. 454]. Безусловно сюда можно отнести также споры, касающиеся участия близких родственников в жизни ребенка (бабушки и дедушки); установления и порядка уплаты алиментов в соответствии с имущественным положением сторон и др. [6, с. 15].

В то же время, права, на наш взгляд, М.В. Антокольская, которая, рассуждая о предложениях сделать семейную медиацию обязательной пишет, что «обязательная медиация достаточно бесполезная вещь, потому что медиация строится на принципе добровольности [7, с. 11]. Это мнение думается можно распространить и касательно обсуждения вопроса об обязательности применения и других примирительных процедур.

В этой связи, наряду с проведением различных просветительских мероприятий научного характера, для развития примирительных процедур можно порекомендовать, например, использование ряда практических мер, например, размещение информационных табло и стендов о пользе применения различных видов примирительных процедур в залах судов, на сайтах судов и др, расширение случаев публикаций положительных примеров их использования на практике и др. При этом не может вызывать сомнений тот факт, что в случае если применение досудебных примирительных процедур не окажется эффективным, то должна быть использована судебная форма защиты гражданских прав. Отме-

тим, что такая практика существует в ряде зарубежных стран, и вполне может быть использована в нашем отечественном законодательстве. Наиболее подходящей при этом является процедура судебной медиации, участие в которой позволяет сторонам спора оптимально учесть и согласовать собственные интересы, рационально прийти к взаимному консенсусу, к наиболее взвешенному, предсказуемому и взаимовыгодному в сложившейся ситуации решению спора» [8, с. 583]. В рамках этой процедуры примирения, стороны, противоборствующие в семейном конфликте, обращаются к третьей нейтральной стороне – медиатору – для поиска взаимовыгодного и справедливого решения. Медиатор, имея специальную подготовку, помогает сторонам найти общие интересы и стимулирует их к сотрудничеству и нахождению компромиссного решения. Он не принимает окончательного решения, а лишь помогает урегулировать спор, давая сторонам возможность сохранить свою самостоятельность в процессе принятия решений.

Медиация позволяет предотвратить длительные и затратные судебные процессы, а также сохранить семейные отношения между супругами.

Медиативная примирительная процедура весьма эффективно используется в различных странах мира, при разрешении конфликтов, возникающих в сфере семейно – брачных отношений [9] (Великобритания, США, Германия, Франция, Япония, Австрия, Уэльс и др.), и уже доказала свою востребованность и актуальность [10, с. 51-53]. Так, к примеру, в Австрии семейная медиация интересна тем, что она проводится двумя медиаторами, один из которых имеет значительный опыт работы с семейными конфликтами, и является скорее психологом, а второй является юристом, имеющим познания в сфере семейного законодательства. Наконец, в настоящее время многие ученые связывают потенциал совершенствования процедуры медиации с технологиями автоматизации и информатизации [11, с. 50]. Действительно, в условиях современного развития информационных технологий все больший объем решений связан с такой разновидностью медиации - онлайн-медиацией, т.е. медиацией при помощи интернет-технологий. Такая медиация, по справедливому мнению, Д.Б. Елисеева, используется, если участники конфликта удалены друг от друга и не в состоянии осуществлять процедуру медиации при непосредственном участии [12, с. 52]. Участники процесса, исходя из сути данной технологии, могут и не находиться непосредственно в одном помещении, а эффективно общаться, находясь в разных местах [13, с. 47]. Мы также полагаем, что существенным плюсом для профессионального представителя (и, как следствие, для его доверителя), участвующего в процедуре медиации вместе с доверителем, на наш взгляд, было бы наличие у адвоката знаний профессионального медиатора, обладание его навыками. Кроме того, медиативные знания и навыки будут полезны при участии профессионального представителя в переговорных процессах.

В завершение отметим, что примирительные процедуры в семейных спорах должны включать в себя компромисс или соглашение, при котором стороны добровольно достигают взаимоприемлемого решения путем уступок и урегулирования спора. Это взаимовыгодное соглашение сторон, которое позволяет избежать судебного разбирательства и сохранить гармоничные отношения. В итоге, примирительные процедуры в семейном праве представляют собой эффективный и гуманный способ разрешения семейных споров, ориентированный на поиск согласия и сохранение семейных отношений между супругами. Их применение способствует сохранению семьи, а также снижает имеющиеся конфликты и положительно сказывается на развитии детей. Они позволяют предотвратить длительные и дорогостоящие судебные процессы, а также способствуют достижению справедливости и удовлетворению интересов всех участников спора.

Список источников

1. Свирин Ю.А. Актуальные проблемы примирительных процедур в Российском праве // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3.
2. Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации: научно-практическое пособие / Ю.Ф. Беспалов, А.Ю. Беспалов, Д.В. Гордеюк и др.; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. Москва: Проспект, 2018.

3. Балашова И.Н. От переговоров к судебному примирению: о поиске эффективной модели урегулирования споров // Российский судья. 2022. № 4.
4. Балкин Ю.Н. Востребованность примирительных процедур. Взгляд профессиональных представителей // Примирительные процедуры в гражданском праве и судопроизводстве / Сборник материалов Международной научно-практической конференции 26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург. Часть 1 / Под общ. ред. В.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. СПб.: Астерион, 2019.
5. Минюст раскрыл детали проекта об обязательном примирении при разводе: <https://www.rbc.ru/society/09/09/2024/66de6af49a79475fded3c8b4?ysclid=m3x2q8qqck877335153>. (дата обращения: 22.02.2025).
6. Фруслов, Д. Г. Применение института медиации в семейных отношениях как один из векторов развития социальной политики государства // Когнитивные науки в информационном обществе. 2021. Т. 1. № 4.
7. Пантелеева И.А. Семейная медиация как альтернативная процедура разрешения споров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1.
8. Румак В. Потенциал Семейного кодекса не используется до конца [Интервью с М.В. Антокольской] // Закон. 2018. № 6.
9. Соколов М. О медиации за рубежом и в России // Корпоративный юрист. 2006. № 2. - URL: http://mediatorufa.ru/publ/o_mediacii_za_rubezhom_i_v_rossii/1-1-0-14 (дата обращения 13.02.2025).
10. Мазуров П.С. Судебная медиация в Австралии на примере штата Новый Южный Уэльс // Социально-политические науки. 2013. № 4.
11. Тресков А.П. Медиация как альтернативная гарантия реализации принципов судебной власти // Российский судья. 2021. № 11.
12. Елисеев Д.Б. Медиация как способ досудебного урегулирования конфликтов // Адвокатская практика. 2020. № 2.
13. Арзуманова Л.Л. Онлайн-медиация как одна из альтернативных форм урегулирования публично-правового спора // Право и цифровая экономика. 2021. № 4.

ФИНАНСОВОЕ, НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

УДК 336.228.34

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАНАДЫ

СОБОЛЕВ ЯРОСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ,
ДАНИЛОВА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА

студенты
ФГБОУ ВО «Дальневосточный институт управления филиал РАНХиГС»

Научный руководитель: Жукова Инна Викторовна

*к.э.н., доцент
ФГБОУ ВО «Дальневосточный институт управления филиал РАНХиГС»*

Аннотация: в настоящей статье проводится сравнительный анализ правового регулирования дробления бизнеса в законодательстве России и Канады. Рассматриваются ключевые инструменты регулирования: в РФ — нормы Налогового кодекса о необоснованной налоговой выгоде, Федеральный закон от 12.07.2024 N 176-ФЗ и разъяснения ФНС; в Канаде — общие нормы о "associated corporations", "General Anti-Avoidance Rule" и специальные правила для "Canadian Controlled Private Corporation", а также правоприменительная практика. Научной новизной настоящей работы является то, что правовое регулирование противодействия дроблению бизнеса ранее не подвергалось сравнительному анализу между странами, принадлежащими к разным правовым системам (романо-германской и англосаксонской).

Ключевые слова: Дробление бизнеса; Необоснованная налоговая выгода; Налоговое планирование; Незаконное уменьшение налога.

COMPARATIVE ANALYSIS IN THE FIELD OF LEGAL REGULATION OF COUNTERING BUSINESS
FRAGMENTATION IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CANADA

Sobolev Yaroslav Sergeevich,
Danilova Alexandra Sergeevna

Scientific adviser: Zhukova Inna Viktorovna

Abstract: This article provides a comparative analysis of the legal regulation of business fragmentation in the legislation of Russia and Canada. The key regulatory instruments are considered: in the Russian Federation — the norms of the Tax Code on unjustified tax benefits, Federal Law No. 176-FZ dated 07/12/2024 and the explanations of the Federal Tax Service; in Canada — the general rules on associated corporations, the General Anti-Avoidance Rule and special rules for the Canadian Controlled Private Corporation, as well as law enforcement practice. The scientific novelty of this work is that the legal regulation of countering business

fragmentation has not previously been subjected to comparative analysis between countries belonging to different legal systems (Romano-Germanic and Anglo-Saxon).

Key words: Business fragmentation; Unjustified tax benefit; Tax planning; Illegal tax reduction.

Проблемы в сфере минимизации налогов остаются ключевыми в налоговой политике Российской Федерации. Одной из таких проблем является проблема искусственного дробления бизнеса с целью минимизации налогов. В 2024 году вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 12.07.2024 N 176-ФЗ (далее – Федеральный закон N 176-ФЗ), который формализовал дефиницию «дробление бизнеса» и ввёл новый для налогового законодательства Российской Федерации институт добровольного отказа от дробления бизнеса (налоговая амнистия). Неоднократно заявлялось, что изменения в Налоговый Кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) с 01.01.2025 г. были направлены в том числе на борьбу с дроблением бизнеса. В этом контексте анализ зарубежного опыта, в частности канадского, представляется крайне актуальным. Канада, сочетая гибкие антиуклонительные нормы и специальные режимы для малого бизнеса, демонстрирует сбалансированный подход к защите фискальных интересов без избыточной нагрузки на предпринимателей.

Гипотеза исследования заключается в том, что различия в правовом регулировании противодействия дроблению бизнеса в России и Канаде обусловлены принадлежностью этих стран к разным правовым семьям (романо-германской и англосаксонской).

В России дробление бизнеса чаще всего связано с использованием упрощенной системы налогообложения. Компании разделяют единый бизнес на несколько юридических лиц, чтобы остаться в рамках лимитов по выручке и сохранить низкую налоговую ставку. Типичные схемы включают создание нескольких фирм, которые формально независимы, но фактически управляются одними и теми же лицами, используют общие активы, персонал и клиентскую базу. Такие действия позволяют минимизировать налоговую нагрузку, но нарушают принцип экономической оправданности. [1, с. 458-459]

В Канаде дробление бизнеса зачастую связано с неправомерным использованием организационно-правовой формы «частной корпорации, контролируемой резидентами Канады» (англ.: Canadian Controlled Private Corporation, далее — ССРС). Для неё предусмотрена возможность получения налогового вычета по налогу на прибыль в размере до 500 тыс. канадских долларов (C\$) [2, с. 85-92], что делает его привлекательным инструментом для минимизации налогов. Соответствующие положения закреплены в разделе 125 Закона «О подоходном налоге» (англ.: Income Tax Act) [3].

Правовое регулирование противодействия дроблению бизнеса в России и Канаде имеет как общие черты, так и принципиальные различия, обусловленные принадлежностью стран к разным правовым системам. В РФ основу регулирования составляют нормы Налогового кодекса (ст. 54.1), запрещающие получение необоснованной налоговой выгоды [4] и Федеральный закон N 176-ФЗ, вводящий в налоговое законодательство понятие дробление бизнеса. Так, согласно нему «дробление бизнеса - разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами (организациями, индивидуальными предпринимателями), в отношении которых осуществляется контроль одними и теми же лицами, направленное исключительно или преимущественно на занижение сумм налогов путем применения специальных налоговых режимов с превышением предусмотренных статьей 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации пределов осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налогов» [5].

Помимо Федеральных законов ключевую роль в установлении признаков дробления бизнеса играют подзаконные акты Федеральной налоговой службы (далее – ФНС), которые формализуют признаки искусственного дробления, а также обобщают судебную практику. Так, в Письме ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@ (далее – Письмо N СА-4-7/15895@) проведен анализ судебно-арбитражной практики и перечислены общие признаки, свидетельствующие о согласованности действий участников схем дробления бизнеса с целью ухода от исполнения налоговой обязанности:

- разделение предпринимательской деятельности между несколькими хозяйствующими субъектами на специальных налоговых режимах,
- расширение всей хозяйственной деятельности участников схемы, и при этом - уменьшение или отсутствие изменений налоговых обязательств участников;
- создание новых участников схемы в течение небольшого промежутка времени непосредственно перед расширением производственных мощностей и/или увеличением численности персонала;
- аффилированность участников схемы (родственные отношения, участие в органах управления, служебная подконтрольность и т.п.);
- формальное перераспределение между участниками схемы персонала без изменения их должностных обязанностей;
- отсутствие у подконтрольных лиц, принадлежащих им основных и оборотных средств, кадровых ресурсов;
- использование участниками схемы одних и тех же вывесок, обозначений, контактов, сайта, адресов фактического местонахождения, помещений, банков, в которых открываются и обслуживаются расчетные счета, ККТ, терминалов и т.п.;
- общие поставщики и покупатели у всех участников схемы;
- фактическое управление деятельностью участников схемы одними лицами;
- единые для участников схемы контрагенты, и т.д.

В то же время, в Письме N СА-4-7/15895@ присутствует оговорка, о том что «исчерпывающий или строго императивный перечень признаков, свидетельствующий об обоснованности выводов налогового органа о формальности разделения (дробления) бизнеса, отсутствует» [6]. Необходимо иметь в виду, что в каждом конкретном случае совокупность доказательств, собранных в рамках мероприятий налогового контроля, будет зависеть от конкретных обстоятельств, установленных в отношении участников схемы и их взаимоотношений. Кроме Письма N СА-4-7/15895@ разъяснения признаков дробления бизнеса имеются в ряде других подзаконных актов ФНС (Письмо ФНС России от 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650@ [7], Письмо ФНС России от 16.07.2024 N БВ-4-7/8051@ [8] и др.)

В Канаде основным инструментом противодействия налоговым злоупотреблениям являются «Общие правила предотвращения уклонения от уплаты налогов» (англ.: General Anti-Avoidance Rule) (далее - GAAR), закрепленный в разделе 245 Income Tax Act. GAAR позволяет налоговым органам и судам переqualифицировать сделки, которые формально соответствуют закону, но нарушают его «дух» [9, с. 325-350]. Например в деле *Triad Gestco Ltd. v. Canada* (2012 TCC 308) [10] компания Triad Gestco Ltd. создала сложную корпоративную структуру, разделив бизнес на несколько дочерних предприятий, чтобы минимизировать налоги на прирост капитала. Суд применил GAAR, постановив, что действия Triad Gestco Ltd. противоречили цели налогового законодательства. Налоговые льготы были аннулированы, а доходы от продажи акций переqualифицированы в налогооблагаемый прирост капитала.

Понятие «связанных корпораций» (англ.: "associated corporations") в канадском законодательстве регулируется разделом 256 Закона «о подоходном налоге». Это также является одним из механизмом предотвращения злоупотреблениями в сфере налоговых льгот. В соответствии с разд. 256 Закона «о подоходном налоге» корпорации считаются связанными в случаях:

1. Контроля через владение акциями:
 - Одна корпорация контролирует другую (прямо или косвенно владеет >50% голосующих акций).
 - Две корпорации контролируются одними и теми же лицами или группой лиц.
2. Семейные или деловые связи:
 - Корпорации связаны через родственные отношения (например, компании, контролируемые супругами, родителями и детьми).
 - Общий контроль со стороны третьего лица (например, управляющего или холдинга).
3. Де-факто ассоциация:

Даже при отсутствии формального контроля корпорации могут быть признаны связанными, если их деятельность координируется в интересах одних и тех же лиц (например, общие клиенты, поставщики, инфраструктура) [11, с. 5]

На основе указанных признаков к связанным корпорациям применяется правило «вмененного объединения корпораций» (англ.: "deemed association rule"), установленное в п. 2.1 раздела 256 Закона «О подоходном налоге». Согласно этому правилу, «компании признаются связанными в течение определенного налогового периода, если можно обоснованно предположить, что одной из главных целей их раздельного существования является снижение суммы налогов, подлежащих уплате в иных обстоятельствах.» [3]

Дополнительно, канадская правоприменительная практика сформировала совокупность признаков, которые суды могут исследовать для применения правила «вмененного объединения корпораций»:

1. Осведомленность налогоплательщика о налоговых преимуществах дробления бизнеса. [12]
2. Экономическая связанность бизнес-деятельности компаний. [13]
3. Возможность альтернативной бизнес-структуры. [14]
4. Общий центр принятия решений. [15]

Упомянутый ранее раздел 125 Закона «о подоходном налоге» включающий в себя нормы о налоговом вычете для ССРС включает в себя набор средств для борьбы с недобросовестным дроблением бизнеса для данного вида корпораций. В частности, п. 6 разд. 125 устанавливает ограничения для случаев, когда компании создают несколько партнёрств с целью искусственного увеличения размера налогового вычета [16, с. 101].

Таким образом, инструментом противодействия дроблению бизнеса являются как специальные нормы, предусмотренные разделом 125 Закона «О подоходном налоге», так и общие, касающиеся правила «вмененного объединения корпораций» и GAAR, если действия налогоплательщика не подпадают под действие специальных положений.

На основании вышесказанного, можно подвести итог - гипотеза подтвердилась.

В Российской Федерации, как представителе романо-германской правовой системы, доминирует формализованный подход. Основой регулирования служат четкие нормы Налогового кодекса и разъяснения ФНС, которые детализируют признаки искусственного дробления. Суды, как правило, применяют эти формальные критерии, не создавая новых прецедентов, что соответствует традициям континентального права, где закон и подзаконные акты играют первостепенную роль.

В Канаде, относящейся к англосаксонской правовой системе, ключевая роль отводится судебной практике и гибким инструментам закона, таким как GAAR и "associated corporations". Несмотря на наличие специальных норм для ССРС, именно прецеденты (например, дела *Copthorne Holdings Ltd.* и *McClarty Family Trust*) формируют критерии оценки «духа закона». Разъяснения CRA носят рекомендательный характер, а окончательная интерпретация остается за судами, что отражает природу прецедентного права.

Список источников

1. М В. Ботнарюк, И И. Протасова Дробление бизнеса: признаки схемы и порядок применения амнистии // Вестник Академии знаний. 2024. №5 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/droblenie-biznesa-priznaki-shemy-i-poryadok-primeneniya-amnistii>
2. Подшивалова Д.Я. Финансово-правовые средства противодействия недобросовестной практике дробления бизнеса в Канаде // Налоги и налогообложение. 2021. № 2. С. 85-92.
3. Income Tax Act (R.S.C., 1985, с. 1 (5th Supp.))
4. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ
5. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 12.07.2024 N 176-ФЗ

6. Письмо ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц»
7. Письмо ФНС России от 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)»
8. Письмо ФНС России от 16.07.2024 N БВ-4-7/8051@ «О правовых позициях, сформированных судебной практикой и применяемых арбитражными судами при разрешении споров, связанных с установлением в действиях налогоплательщиков признаков «дробления бизнеса»»
9. Li, J., & Sandler, D. (2018). The Evolution of GAAR in Canada: From Theory to Practice. *Canadian Tax Journal*, 66(2), 325-350.
10. *Triad Gestco Ltd. v. Canada* (2012 TCC 308)
11. *Income Tax Folio S4-F2-C1* // Government of Canada URL: <https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/tax/technical-information/income-tax/income-tax-folios-index/series-4-businesses/series-4-businesses-folio-2-deducting-business-expenses/income-tax-folio-s4-f2-c1-deductibility-fines-penalties.html>
12. *Copthorne Holdings Ltd. v. Canada*, 2011 SCC 63, [2011] 3 S.C.R. 721
13. *McClarty Family Trust v. R.*, 2012 CarswellNat 819, 2012 TCC 80, [2012] 4 C.T.C. 2001, 2012 D.T.C. 1123 (Eng.), 2012 CCI 80
14. *International Food Lts et al v MNR* 73 DTC 58 (TRB)].
15. *The Queen v Covertite Ltd.*, 81 D.T.C. 5353 (F.C.T.D.)
16. Krishna, V. (2020). *Canadian Income Tax Law*. LexisNexis Canada.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И
КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 343

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

МАМЕДОВ ОРХАН НАЗИМОВИЧ

магистрант 2 курса

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)»**Научный руководитель: Масленникова Лариса Николаевна**

д.ю.н., профессор

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)»

Аннотация: В статье приведены отдельные аспекты взаимоотношений сторон защиты и обвинения в контексте российского института соглашения о сотрудничестве, описываются правовые и этические составляющие их взаимодействия, обосновывается необходимость привлечения виновных должностных лиц к дисциплинарной ответственности, пренебрегающих правами лиц, подвергнутых уголовному преследованию, а также описываются вариации злоупотреблений в рамках указанного выше соглашения со стороны подозреваемого (обвиняемого).

Ключевые слова: соглашение о сотрудничестве, сделка со следствием, уголовное судопроизводство, сотрудничающее лицо, сотрудничество, дисциплинарная ответственность, уголовное преследование, частное определение (постановление), этические параметры.

SELECTED ISSUES OF RELATIONS BETWEEN PARTICIPANTS OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT: LEGAL AND ETHICAL COMPONENTS

Mamedov Orkhan Nazimovich*Scientific adviser: Maslennikova Larisa Nikolaevna*

Abstract: The article presents certain aspects of the relationship between the defense and prosecution in the context of the Russian plea-bargaining, describes the legal and ethical components of their interaction, substantiates the need to bring to disciplinary responsibility guilty officials who neglect the rights of persons subject to criminal prosecution, and also describes variations of abuse by the suspect (accused) within the framework of the above agreement.

Key words: cooperation agreement, plea bargain, criminal proceedings, cooperating party, cooperation, abuse of procedural rights, disciplinary liability, criminal proceedings, private ruling (resolution), ethical parameters.

С принятием в 2009 г. Федерального закона от 29 июня 2009 года N 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» для сторон защиты и обвинения в рамках уголовного судопроизводства стало возможным заключать взаимовыгодное соглашение о сотрудничестве, направленное на оптимизацию хода расследования преступления и ускоренное разрешение уголовного дела, а последствием выполнения сотрудничающим лицом условий указанного выше соглашения является смягчения уголовного наказания [1].

Институт соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе характеризуется процессуальной «простотой» и «выгодой» для участвующих в нем сторон [4, с. 18]. Положения, раскрывающие механизм реализации соглашения о сотрудничестве, находят закрепление в главе 40.1 УПК РФ [1]. Несмотря на подробную регламентацию российского института досудебного соглашения, под его правовое регулирование не подпадают этические вопросы взаимоотношений участников «сделки со следствием», в связи с чем в настоящей статье внимание уделено обстоятельствам заключения и исполнения российского соглашения о сотрудничестве.

Общеизвестным является то обстоятельство, что по выполненному соглашению о сотрудничестве обвиняемому может быть назначено более строгое наказание [9, с. 2-4], выходящее за пределы разумных ожиданий последнего, рассчитывающего на более мягкое наказание при вступлении в указанное выше соглашение, однако сторона обвинения специально умалчивает об этом [5, с. 13-14]. Не исключается ситуация, при которой следователь не разъясняет подозреваемому (обвиняемому) возможность заключить соглашения о сотрудничестве, оказать сотрудничество в процессуально обособленном формате и добиться смягчения наказания в пределах, предусмотренных частями 2 и 4 статьи 62 УК РФ [2]. Как показывает практика, отсутствуют случаи, когда сторону обвинения (должностных лиц) привлекали бы к дисциплинарной ответственности за «не упоминание» возможности заключить соглашение о сотрудничестве, «не разъяснение» возможности оказать процессуально обособленное содействие, «не предупреждение» относительно назначения в конечном счете наказания, не соответствующего ожиданиям обвиняемого [10, с. 3-10]. Кроме того, органы следствия способны пригрозить подозреваемому (обвиняемому) мерой пресечения, т.е. использовать на нем средства процессуального воздействия [8, с. 369], чтобы вынудить последнего вступить в соглашение о сотрудничестве и давать по нему признательные показания в целях упрощения деятельности по расследованию [7, с. 117].

При выявлении отмеченных выше обстоятельств судебные органы обязаны признавать подобные действия или бездействия со стороны следователя и прокурора неправомерными и нарушающими положения части 1 статьи 11 УПК РФ [1]. В данном случае, судебные органы вправе и обязаны реализовать полномочия, предусмотренные частью 4 статьи 29 УПК РФ [1], т.е. вынести частное определение (постановление), адресованное конкретному органу расследования или процессуального надзора, с указанием в нем конкретных виновных должностных лиц и обстоятельств, послуживших основанием для нарушения процессуальных прав обвиняемого [5, с. 13-17].

Необходимость реализации судебным органом данных полномочий обусловлена, во-первых, тем, что органы расследования и процессуального надзора обратят внимание на факты нарушений этической составляющей взаимоотношений с лицом, вступившим в соглашение о сотрудничестве, что закономерным образом повысит уровень осознанности подозреваемого (обвиняемого) относительно вопроса оказания сотрудничества по правилам главы 40.1 УПК РФ, во-вторых, в конкретном ведомстве будут приняты внутренние организационные мероприятия по привлечению виновных должностных лиц к дисциплинарной ответственности.

Констатации требует то обстоятельство, что российский законодатель, предоставляя обвиняемому возможность добиться смягчения будущего наказания в контексте соглашения о сотрудничестве [2], не отменяет общих правил его назначения, а также не предусматривает неблагоприятных последствий для органов следствия и прокуратуры за недобросовестные (неправомерные) действия (бездействия), нарушающие права сотрудничающего лица и этические параметры взаимоотношений с ним.

Процессуальные взаимоотношения сторон защиты и обвинения должны быть этически «чистыми», что подразумевает наличие встречных требований и для подозреваемого (обвиняемого), который обязан четко ограничить перед следствием пределы своих возможностей по оказанию им содействия.

Вполне вероятно ситуация, когда подозреваемый (обвиняемый) не располагает достаточной базой сведений для дачи показаний, изобличающих его соучастников, однако первый, пренебрегая этим, выражает инициативу в заключении «сделки со следствием» и получении за это соответствующих правовых гарантий, заведомо осознавая, что такое сотрудничество не скажется положительно на ходе расследования, что является явным злоупотреблением процессуальных прав [5, с. 5-7].

Внимания заслуживает и то обстоятельство, что обвиняемый в дальнейшем способен отказаться от оказания содействия следствию или ввести последних в заблуждение относительно имевших место обстоятельств, изменить свои показания в суде и предпринять попытки «обелить» деятельность других соучастников преступления [5, с. 3-5], что является безусловным нарушением условий соглашения о сотрудничестве, приводящим и разрешению дела на общих основаниях без каких-либо изъятий [5, с. 8-9].

В настоящее время фактическое и процессуальное положение лиц, сотрудничающих со следствием по досудебному соглашению, оказывается менее защищенным в контексте возможных злоупотреблений со стороны органов следствия и прокуратуры [7, с. 1-13]. Во многом, подобные законодательные упущения связаны с внезапным конструированием и введением института соглашения о сотрудничестве в систему российского права, без должной систематизации действующего уголовно-процессуального законодательства РФ и анализа рассматриваемого института с точки зрения особенностей отечественного правопорядка.

Список источников

1. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52, ст. 4921.
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон от 29 июня 2009 г. N 141-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 29.06.2009, № 26, ст. 3139.
4. Мельников, В. Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Остались ли вопросы? / В. Ю. Мельников // Российский судья. – 2021. – № 7. – С. 18-22.
5. Заика А. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нерешенные вопросы / А. М. Заика // Законность. – 2022. – № 11(1057). – С. 13-19.
6. Чирнинов А. М. «Молчание - золото?»: Конституционность отказа лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, отвечать на вопросы стороны защиты / А. М. Чирнинов // «Сравнительное конституционное обозрение». – 2023. – N 1. – С. 1-13.
7. Корнакова С. В., Щербаков В. А. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2019.
8. Смолькова И. В. Признание вины: доказательственное и правовое значение. – М.: Юрлитинформ, 2017.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. N 1598-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Журкина Романа Андреевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 62, статьей 64, частью третьей статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью пятой статьи 317.7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision205944.pdf>.
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 апреля 2010 г. N 66-О10-41 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=148306&ysclid=m8jefs5cry355484742#qpij7gUmkv7BVsv31>.

© О.Н. Мамедов

УДК 343

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

ШОРАХЯН ДИАНА АРУШАНОВНА

магистрант

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

*Научный руководитель: Клепицкий Иван Анатольевич**д.ю.н., профессор*

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам квалификации компьютерного мошенничества и его разграничения со смежными составами преступлений. Не смотря на законодательное закрепление статьи 159⁶ УК РФ в 2012 году, существуют трудности, связанные с технической сложностью деяний, пробелами в нормативной базе и разной судебной практикой. В основном сложность квалификации возникает при пересечении признаков статей 159⁶, п. «г» ч. 3 ст. 158, 159³, 272 УК РФ. Цель статьи — систематизировать ключевые проблемы квалификации данного преступления и предложить пути их решения.

Ключевые слова: мошенничество в сфере компьютерной информации, квалификация преступлений, законодательные пробелы, хищение, компьютерные преступления, Пленум Верховного Суда РФ.

ABOUT SOME PROBLEMS OF FRAUD QUALIFICATION IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Shorakhyan Diana Arushanovna*Scientific adviser: Klepitsky Ivan Anatolyevich*

Abstract: The article is devoted to the current problems of computer fraud qualification and its differentiation from related crimes. Despite the legislative consolidation of Article 1596 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2012, there are difficulties associated with the technical complexity of the acts, gaps in the regulatory framework and different judicial practice. Basically, the difficulty of qualification arises when the features of Articles 159⁶, paragraph "g" of Part 3 of Articles 158, 159³, 272 of the Criminal Code of the Russian Federation intersect. The purpose of the article is to systematize the key problems of the qualification of this crime and suggest ways to solve them.

Key words: fraud in the field of computer information, qualification of crimes, legislative gaps, theft, computer crimes, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

В XX веке началось интенсивное развитие технологий, а с ним и рост преступлений, связанных с компьютерами и информационными системами. Цифровизация общества привела к трансформации преступной деятельности, что потребовало адаптации уголовного законодательства. Так Российская Федерация приняла решение о криминализации самостоятельных видов мошенничества, одним из которых является мошенничество в сфере компьютерной информации (159⁶ УК РФ).

Анализ официальных данных МВД РФ показывает, что количество зарегистрированных преступлений по статье 159⁶ УК РФ резко возросло с 43 в 2012 году до 5 443 в 2015 году. Однако с 2016 года наблюдается снижение: в 2016 году — 4 329, в 2017 году — 2 195, в 2018 году — 970, в 2019 году — 687, в 2020 году — 761, в 2021 году — 431, в 2022 году — 334, в 2023 году — 417, а в 2024 году — 309 случаев [7].

Введение отдельного состава преступления стало важным шагом в российском законодательстве, однако получило неоднозначную оценку и остается предметом активного научного обсуждения.

Одной из ключевых проблем является разнородная правоприменительная практика. Сложности возникают при разграничении составов преступлений, связанных с хищениями в цифровой сфере и компьютерными преступлениями. Это связано с пересечением объективных и субъективных признаков деяний, а также с технической спецификой их совершения.

Вызывает вопросы содержание статей 159 и 159⁶ УК РФ в части их применения. Объективная сторона преступления статьи 159 УК содержит два способа: обман или злоупотребление доверием. Однако статья 159⁶ УК РФ исключает необходимость прямого взаимодействия между преступником и потерпевшим. В данном случае хищение осуществляется посредством технических и цифровых инструментов, таких как манипуляции с программами, компьютерными системами или иными технологическими ресурсами.

Ранее противоправные действия, связанные с фишингом (поддельные сайты) квалифицировались как мошенничество в сфере компьютерной информации [4].

После разъяснения во абз. 2 п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ - «если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, то такое мошенничество следует квалифицировать по ст. 159, а не 159⁶ УК РФ», правоприменительная практика начала складываться по-другому.

Например, А. осужден по ч. 1 ст. 159 УК РФ. Он разместил на сайте заведомо ложное объявление о сдаче в аренду квартиры, не находящейся у него в собственности либо пользовании. Потенциальные клиенты добровольно вносили залог, предоплату на счета А., чтоб квартиру по выгодной цене не сдали кому-то другому. Путем обмана А. похищал денежные средства потерпевших, не выполняя свои обязательства [6].

Считаем, что создание поддельных веб-ресурсов и рассылка мошеннических сообщений по электронной почте, по сути, не оказывают прямого воздействия на функционирование систем хранения, обработки или передачи данных, а также на работу информационно-телекоммуникационных сетей. В таких случаях умышленное распространение ложной информации через интернет-каналы следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ. Так как злоумышленник обманым путем заманивает, например, на сайт потерпевшего под видом его легальности, а обманутая сторона вносит свои данные либо переходит по ссылке добровольно.

Федеральным законом № 111-ФЗ от 23.04.2018 года внесены значительные коррективы в уголовное законодательство: включен новый квалифицирующий признак в часть 3 статьи 158 УК РФ, а также модифицированы положения статьи 159³ УК РФ. Ряд деяний, ранее квалифицируемых как мошенничество (ст. 159, 159⁶ УК РФ), стали относить к кражам.

Так, А. привлечён к ответственности по ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ и ч. 1 ст. 161 УК РФ (грабёж). Он похитил сумку, в которой находился планшет. Изъяв из устройства SIM-карту, привязанную к услуге «Мобильный банк» и отправил SMS-сообщение на короткий номер «900». Целью этих действий был перевод денежных средств с банковского счёта потерпевшего на мобильный телефон, находящийся в его распоряжении [3]. Аналогичные действия квалифицированы судом по статье 158 УК РФ [2]. По мнению суда, компьютерная информация не претерпела каких-либо изменений и действия не является модификацией.

На наш взгляд, правильной квалификацией вышеупомянутых примеров из практики является кража, так как происходит лишь ввод информации, без которого невозможно ни одно преступление, связанное с информационными технологиями, модификация отсутствует.

Что касается статьи 159³ УК РФ, то обман или злоупотребление доверием выступают способом совершения данного вида мошенничества. Однако в практике понятие обмана довольно размыто.

В настоящее время у торговых организаций отсутствует обязанность проводить идентификацию клиентов при осуществлении безналичных расчётов. При этом оплата товаров и услуг может осуществляться через кассы самообслуживания, что исключает необходимость прямого взаимодействия с персоналом и повышает риски мошеннических операций.

Практика при отсутствии единообразного применения закона склонялась к вменению в подобных ситуациях нормы о краже, где санкция была строже.

Если бы продавца допросили, он бы честно рассказал о том, что правомерность использования карты он не проверяет и никакого обмана не было, что исключало бы квалификацию по ст. 159³ УК РФ в пользу ст. 159⁶ (до внесения изменений в 2018 г.).

Есть риски того, что статья 159³ УК РФ в ближайшем будущем может стать «мёртвой» нормой — формально существующей, но крайне редко применяемой на практике.

Спорным является разъяснение ПП ВС о квалификации по совокупности мошенничества в сфере компьютерной информации (159⁶ УК) и неправомерного доступа к компьютерной информации (272 УК). На наш взгляд, такая квалификация может привести к двойному вменению, так как статьей 159⁶ УК РФ предусматриваются способы совершения преступления, а в статье 272 УК - последствия, которые наступают в случае неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации.

Н.А. Лопашенко напротив считает, что «требуется квалифицировать содеянное по двум составам, так как при квалификации только по ст. 159⁶ УК, мы недооцениваем один из двух страдающих объектов, что нарушает права и интересы, охрана которых провозглашена Конституцией и самим уголовным законом» [1, с. 598-609].

Исходя из логики п. 20 ПП ВС, когда наступают последствия, предусмотренные статьей 272 УК, в результате действий по статье 159⁶ УК РФ - требуется дополнительная квалификация. Например, А. признан виновным по п. «в» ч. 3 статье 159⁶ и по части 3 статьи 272 УК. А., будучи руководителем группы офисов, незаконно заключал договоры об оказании услуг связи с абонентскими номерами. При активации на лицевой счет сим-карты поступали денежные средства, а затем были переведены на лицевой счет сим-карты, принадлежащей А [5]. Обосновывая квалификацию по части 3 статьи 272 УК РФ, суд исходил того, что А. был допущен к сведениям, составляющим охраняемую законом тайну, включая конфиденциальную информацию, хранящуюся в корпоративных базах данных.

Сложно согласиться с такой квалификацией, так как вменяются одни и те же признаки. Раскрываются данные понятия одинаково применимо ко всем статьям УК. Полагаем, что неправомерный доступ к компьютерной информации является лишь этапом в процессе реализации противоправного деяния. Идя на преступление, предусмотренное ст. 159⁶ УК РФ, лицо осознает, что совершить его может, если сначала совершит неправомерный доступ к компьютерной информации, а также иное вмешательство в целях хищения. Действия перечисленные в ст. 272 УК являются неотъемлемой, составной частью объективной стороны ст. 159⁶ УК.

Анализ санкций статей также не позволяет сделать однозначный вывод, так как в статье 159⁶ УК РФ, охраняемыми объектами здесь выступают не только отношения собственности, но и сфера информационно-безопасности. Однако законодатель установил смягчённое наказание

Для устранения этого дисбаланса и предотвращения потенциального признания нормы неконституционной из-за нарушения принципа соразмерности, считаем необходимым пересмотреть санкции части 1 статьи 159⁶ УК РФ.

Таким образом, каждый из анализируемых составов имеет свои характерные признаки, что требует детального анализа обстоятельств дела и точного установления способа совершения преступления.

Является некорректным изменение правовой оценки одних и тех же действий в зависимости от периода. Например, хищение денежных средств через бесконтактную оплату с использованием чужого электронного средства платежа до 2018 года трактовалось как мошенничество, а к 2020 году судебная практика стала квалифицировать такие действия как кражу с отягчающими признаками. Подобные противоречия в подходах порождают неоднозначность в применении права, вынуждая правоприменителей

постоянно адаптироваться к меняющимся трактовкам. Указанные проблемы показывают необходимость уточнения законодательных формулировок и разработки более четких разъяснений со стороны Верховного Суда РФ, что позволит избежать ошибок в квалификации и обеспечить единообразие в правоприменительной практике.

Список источников

1. Лопашенко Н.А. Компьютерное мошенничество - новое слово в понимании хищения или ошибка законодателя? / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. - С. 598 - 609.
2. Приговор Володарского районного суд г. Брянска (Брянская область) № 1-274/2016 от 22 декабря 2016 г. по делу № 1-274/2016. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4Qr1UPjyHiY2/>
3. Приговор Димитровградского городского суда (Ульяновская область) от 22 августа 2017 г. по делу № 1-256/2017. // Судебные и нормативные акты РФ. Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru/regular/doc/05igd8n6WhHq/#case_item
4. Приговор Преображенского районного суда города Москвы от 05.03.2014 по делу N 1-74/2014(1-956/2013). // КонсультантПлюс: справочная правовая система
5. Приговор Свердловского районного суда города Костромы от 06.06.2022 по делу N 1-226/2022. // КонсультантПлюс: справочная правовая система.
6. Приговор Советского районного суда г. Владивостока от 29 июля 2020 г. по делу № 1-302/2020. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rVvzyQ6MagQK/>
7. Состояние преступности в России по данным МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/1/>

© Д.А. Шорахян

УДК 343.2/.7

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ВАСНЕВА А.А.

студент

«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с регламентацией уголовной ответственности несовершеннолетних, а также особенности назначения наказания несовершеннолетним за совершение преступлений. Автором выделяются психологические особенности несовершеннолетних, которые учитывают судебные органы при назначении наказания, поскольку несовершеннолетние лица являются особой категорией в уголовном праве, для которых предусмотрен индивидуальный порядок назначения наказания. Также внимание уделяется щадящим видам уголовной ответственности, таким как обязательные работы и штраф.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное наказание, несовершеннолетние лица, глава 14 Уголовного кодекса РФ, уголовное законодательство, обязательные работы.

SOME FEATURES OF THE REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT OF MINORS

Vasneva Anastasia Anatolyevna

Abstract: The article discusses problematic aspects related to the regulation of criminal liability of minors, as well as the specifics of sentencing minors for committing crimes. The author highlights the psychological characteristics of minors, which are taken into account by the judicial authorities when imposing punishment, since minors are a special category in criminal law, for which an individual punishment procedure is provided. Attention is also paid to sparing types of criminal liability, such as compulsory labor and fines.

Keywords: criminal liability, criminal punishment, minors, chapter 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal legislation, compulsory work.

Статистика в сфере совершения преступлений несовершеннолетними лицами является предметом особого внимания как правоохранительных органов, так и государства в целом. На сегодняшний день проблема преступности несовершеннолетних является одним из важнейших аспектов уголовно-правовой науки, который неустанно волнует умы научного сообщества, что лишь доказывает важность, сложность и разносторонность рассматриваемого вопроса. Государство не перестаёт разрабатывать новые механизмы, направленные на борьбу с преступностью среди несовершеннолетних, но одним из самых значимых и основополагающих документов, содержащих решения проблем, связанных с рассматриваемой темой, является Стратегия национальной безопасности РФ от 02.07.2021 № 400, в которой предусмотрено решение вопроса преступности несовершеннолетних и сведение ужасающей статистики к минимуму [5, ст. 5351].

С каждым годом статистические данные, предоставляемые компетентными органами, показывают, что подростковая преступность лишь набирает обороты. Так, отметим, что большинство преступлений, подозреваемыми в которых становятся несовершеннолетние, совершаются в организованных

группах, как правило, сверстников. Данная тенденция является прямым указателем на необходимость увеличения контроля граждан младше 18 лет со стороны государства и общества. Отметим, что если раньше основной акцент делался на преступлениях несовершеннолетних, совершаемых в уличной среде (чаще всего драках и хулиганстве), то в настоящее время наблюдается увеличение числа серьёзных противоправных общественно опасных деяний, посягающих на личность, имущество, здоровье и общественную нравственность.

При этом проблемы не ограничиваются сложностями на стадии выявления и пресечения преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Правоохранительные органы часто оказываются в затруднительной ситуации на стадии назначения наказания. Напомним, что ст. 88 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2, ст. 2954] регламентирует виды наказаний, которые могут быть назначены несовершеннолетним, а также их минимальные и максимальные пределы.

При исследовании уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность несовершеннолетних за совершение общественно-опасных деяний, нами было выявлено, что названные нормы являются более лояльными или льготными по сравнению с аналогичными нормами, предусмотренными для совершеннолетних преступников. Например, сроки наказания для несовершеннолетних являются сокращёнными по сравнению со сроками, назначаемыми за те же преступления лицам, достигшим возраста уголовной ответственности.

Однако многие исследователи уголовного права в своих работах отмечают, что уйти от «упрощённой» формы наказания для детей и подростков нельзя. Причина кроется в том, что психика лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, более подвержена негативным влияниям и несовершеннолетние более чутко воспринимают меры уголовного наказания, следовательно, для достижения цели уголовного наказания будет достаточно применения более мягких по виду и размеру санкций. Суд в каждом конкретном случае должен брать во внимание особенности личности несовершеннолетнего обвиняемого, и только с учётом данных особенностей назначать уголовное наказание.

Законодатель посвятил уголовной ответственности и наказаниям несовершеннолетних отдельную главу УК РФ – гл.14, и предусмотрел шесть видов санкций, которые возможно применить в отношении несовершеннолетнего: штраф, лишение права заниматься определённой деятельностью, обязательные работы, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определённый срок.

Отметим, что в общих нормах УК РФ предусматривает сразу 13 видов уголовного наказания.

Чёткая позиция законодателя о необходимости наличия «льготного» наказания для граждан младше 18 лет также является обеспечением принципа гуманного отношение к несовершеннолетним.

В качестве наглядного примера иллюстрирующего лояльное отношение законодателя к такой категории граждан как «несовершеннолетние» приведём конкретный случай из судебной практики.

Так, приговором Лискинского районного суда г. Воронеж Воронежской области от 30 декабря 2022 года несовершеннолетние Л. и Ш. осуждены по ч.3 ст.30 и п.п. «а,в» ч.2 ст.158 УК РФ к штрафу в размере 3000 руб. каждому [3].

Невооружённым глазом видно, что преступникам назначен минимальный размер штрафа, который мог бы назначить суд, в то время как в соответствии со ч.2 ст. 46 УК РФ размер штрафа в отношении совершеннолетних лиц составляет от 5.000 руб. до 5 млн. руб., что существенно отличается от сумм, которые можно увидеть в материалах дел, фигурантами которых являются несовершеннолетние (от 1 тыс.руб. до 50 тыс.руб.)

Как мы видим, минимальный предел обязательных работ несовершеннолетним сокращён в 4 раза, а максимальный предел в 3 раза. Выявив отношение законодателя к такой категории лиц как «несовершеннолетние» хотелось бы остановиться на проблемных аспектах рассматриваемого вопроса, а именно на трудностях, связанных с часто применяемым видом наказания для несовершеннолетних - обязательные работы. Здесь стоит выделить, что обязательные работы как вид наказания, на наш взгляд, являются самыми эффективными из всех наказаний применяемых к несовершеннолетним, поскольку по сравнению со штрафом, который может назначаться как несовершеннолетнему так и его законному представителю, обязательные работы исполняются самим несовершеннолетним правона-

рушителем, но в то же время они не оставляют негативные последствия для психики преступника, например, по сравнению с лишением свободы, когда несовершеннолетний находится в криминогенной и негативной для него обстановке, и подвергается воздействию со стороны других преступников.

Стоит сказать, что в соответствии с ч. 2 ст. 49 УК РФ они устанавливаются на срок от 160 часов до 480 часов, в то время как несовершеннолетнему обязательные работы устанавливаются на срок от 40 часов до 160 часов (ч.3 ст.88 УК РФ).

Так, приговором Сафоново районного суда г. Сафоново Смоленской области от 10.03.2021 несовершеннолетние М. и Ж. осуждены п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ с применением ч.3 ст. 88 УК РФ к обязательным работам: М - 80 часов обязательных работ; Ж - 120 часов обязательных работ в свободное от учебы и работы время [4].

Первой выделенной нами проблемой, является недостаточность и несовершенство законодательства в части закрепления видов работ и механизмов контроля за их выполнением. Это формирует простор для нестыковок и злоупотреблений, что отрицательно влияет на цели ресоциализации несовершеннолетних.

Второй проблемой является отсутствие в отечественном законодательстве мер, направленных на мотивацию несовершеннолетних к добросовестному исполнению обязательных работ. Игнорирование систематизации действенных стимулов и воспитательной составляющей в ходе исполнения наказания снижает воспитательное воздействие.

Рассматривая зарубежную практику, к примеру стандарты стран Евросоюза, можно отметить, что в других правовых системах значительно больше внимания уделяется интеграции обязательных работ в образовательные программы. Такой подход не только содействует наказанию за совершенное преступление, но и способствует социальной адаптации и развитию у несовершеннолетних полезных навыков. Для решения данной проблемы отечественным законодателем, на наш взгляд, необходимо уточнить критерии и условия выполнения обязательных работ, приумножить контроль за их выполнением и обеспечить сочетание карательного и воспитательного аспектов [5, с. 360-363].

Одной из главных проблем также является отсутствие четких и подробных критериев оценки качества и объема выполняемых работ. Существующие методы контроля зачастую ограничиваются формальными проверками присутствия на рабочем месте без должной оценки их эффективности и качества. В результате фактически выполненная работа не соответствует заявленным объемам и качеству. Еще одним фактором, усложняющим контроль, является отсутствие эффективных механизмов привлечения осужденных к ответственности за неисполнение или ненадлежащее выполнение обязательных работ. Это позволяет несовершеннолетним избежать наказания без тяжких последствий.

Теоретически, наказание в виде общественных работ включает в себя не только возмездие за совершенное преступление, но и социальную реабилитацию и адаптацию, воспитание ответственности и развитие у осужденных полезных для общества навыков. Однако на практике реализация этих целей сталкивается с рядом проблем. Примером такого несоответствия является недостаточная мотивация несовершеннолетних к благотворительной деятельности. Вместо того, чтобы воспринимать наказание как возможность социальной адаптации и личностного роста, многие осужденные рассматривают его как формальность, приводящую к безответственному отношению к выполнению работы. Другой пример – недочеты в системе контроля за выполнением общественных работ. Теоретически предполагается, что система контроля должна не только снабжать соблюдение уголовных норм, но и поддерживать мотивацию к их добросовестному осуществлению. Однако в действительности нередко наблюдаются случаи ненадлежащего контроля и уклонения от наказания, что свидетельствует о несоответствии практики сложившимся теоретическим нормам [6, с.].

Крайне важное значение имеет внедрение комплексной системы мотивации, предусматривающей не только наказание за невыполнение работы, но и вознаграждение за её добросовестное выполнение. Такой подход мог бы, например, включать систему баллов или привилегий, которую можно было бы использовать для сокращения срока наказания. Также важно включить в программу элементы образования и обучения, которые не только повышают мотивацию, но и помогают заключенным приобрести навыки, необходимые для успешной социальной адаптации после освобождения.

Что касается механизмов контроля, необходимо обеспечить прозрачность и эффективность контроля за выполнением общественных работ. Этого можно достичь за счет внедрения электронных систем учета рабочего времени и выполненных задач, позволяющих точно отслеживать ход работ и предотвращающих фальсификацию данных. Кроме того, должна быть усилена ответственность как несовершеннолетних, так и лиц, осуществляющих надзор за выполнением работ, включая возможность наказания за недобросовестное отношение к своим обязанностям [7, с. 59-64].

Основная идея – создать синергию между исполнением наказаний и предоставлением возможностей для образования и социальной адаптации. Это не только дает возможность наказать за совершенное преступление, но и способствует формированию полезных навыков и социально значимого поведения. Результаты такой интеграции весьма обнадеживают. Они показывают снижение уровня рецидивов среди участников таких программ по сравнению с теми, кто отбывает наказание без дополнительной образовательной и реабилитационной поддержки. Участие в образовательных программах помогает несовершеннолетним осознать последствия своих действий, а также дает им инструменты для успешной социальной адаптации и реинтеграции в общество.

В условиях Российской Федерации такой подход требует внесения изменений в законодательство и уголовно-исполнительную практику. Это предполагает разработку и реализацию образовательных и реабилитационных программ, адаптированных к потребностям несовершеннолетних, а также обеспечение их доступа к таким программам во время отбывания наказания.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч.2)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996 № 25
3. Приговор Лискинского районного суда г. Воронеж Воронежской области от 30 декабря 2022 [электронный ресурс]: <https://sudact.ru/regular/doc/nagRPbFN3tU> (дата обращения: 25.02.2025)
4. Приговор Сафоново районного суда г. Сафоново Смоленской области от 10 марта 2021 [электронный ресурс]: <https://sudact.ru/regular/doc/nag5dhdFN38r> (дата обращения: 25.02.2025)
5. Бутаев М.Я. Проблемы повышения эффективности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (российский и зарубежный опыт) // Образование и право. 2020. №8.
6. Афанасьева, О. Р. Криминология : учебник и практикум для вузов / О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова, В. И. Шиян. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 346 с.
7. Бутаев М.Я. Проблемы повышения эффективности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (российский и зарубежный опыт) // Образование и право. 2020. №8. С.360– 363.
8. Деминская А.А. Об эффективности уголовного наказания в виде общественных работ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. №2 (34). С.59–64.

УДК 343.3

КОРРУПЦИЯ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

МАЛИКОВ ЭЛЬДАР ВАЛЕЕВИЧ

магистрант

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

*Научный руководитель: Романова Вера Витальевна**канд. юрид. наук, доцент**ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»*

Аннотация. В настоящей статье автором анализируются существующие подходы к определению понятия коррупции в российском праве, а также в среде ученых-теоретиков и практических работников. Делаются выводы о том, что в настоящее время существует три основных подхода к определению данного негативного социального явления. Автором предлагается собственный подход к определению понятия «коррупция» в российском праве, который предлагается закрепить на законодательном уровне.

Ключевые слова: преступность, коррупция, должностное положение, должностные полномочия, преступления против государственной власти.

CORRUPTION: APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT

Malikov Eldar Valeevich*Scientific adviser: Romanova Vera Vitalievna*

Abstract. In this article, the author analyzes the existing approaches to the definition of corruption in Russian law, as well as among theoretical scientists and practitioners. It is concluded that currently there are three main approaches to the definition of this negative social phenomenon. The author suggests his own approach to the definition of "corruption" in Russian law, which is proposed to be consolidated at the legislative level.

Keywords: crime, corruption, official position, official powers, crimes against state power.

В действующий период российской государственности мы пришли к тому, что государственной властью в целом и Президентом Российской Федерации – как главой государства и гарантом Конституции РФ – противодействию любыми законными средствами коррупции и коррупционным проявлениям в стране придается важнейшее значение в рамках национальной правовой и организационной системы. В первую очередь данный вывод подтверждается тем, что коррупция как таковая – одна из самых обсуждаемых тем не только среди практических работников, но и в среде ученых, разрабатывающих меры по противодействию таковой, среди журналистов, социологов и политологов, а также среди населения в целом.

Прежде всего, следует отметить, что коррупция как негативное социальное явление, а также меры по пресечению таковой и противодействию последней стали предметом рассмотрения и регулирования значительного количества нормативных правовых источников. Так, отметим, что данное обстоятельство подтверждается тем, что борьба с коррупцией и ее проявлениями на всех уровнях стала предметом программных нормативных правовых актов, которые отражают направление движения Российского государства, его перспективы развития. Так, например, в Указе Президента РФ от 2 июля 2021

г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (п. 45) прямо говорится о том, что «на фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, ... усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества, в проведении не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики в органах публичной власти и организациях с государственным участием»[1]. Формируя и выражая такую позицию, Президент РФ как гарант Конституции и высшее должностное лицо российского государства обращает внимание на важнейшие аспекты, которые и подлежат рассмотрению в дальнейшем.

Прежде всего, на законодательном уровне борьбе с коррупцией различными методами – от правовых до организационных, - придается существенное значение. Особо следует подчеркнуть, что коррупции и противодействию данному негативному социальному явлению посвящен отдельный самостоятельный нормативно-правовой акт - Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[2]. Также нельзя не отметить, что законодатель постоянно пытается усовершенствовать методику противостояния данному явлению и, прежде всего, на нормативном уровне. Текст указанного выше нормативного правового акта определяет понятие коррупции, пусть и несколько казуистично, но все же на законодательном уровне дается хотя бы попытка определения данного негативного социального явления.

Проанализировав определения коррупции, которые в настоящее время сформулированы в законе и в трудах ученых, мы приходим к выводу о том, что, в целом, они различаются перечнем и характером преступлений, включаемых в массив коррупционных. И по данному основанию можно выделить три основные группы позиций.

Так, с точки зрения представителей первой позиции, коррупция отождествляется исключительно с продажностью представителей власти. Инициатором и основным выгодоприобретателем коррупционной сделки в виде подкупа может быть как чиновник (взяточполучатель), так и представитель бизнеса, или гражданин (взятодатель). А.И. Долгова приводит следующее объяснение столь узкой трактовки коррупции: «...Чрезмерно широкое толкование коррупции практически означало объединение под одним термином очень разных по своей криминологической характеристике явлений: и хищений, и должностных преступлений, и коррупции в собственном смысле слова как подкупа-продажности»[3, с. 361]. Аналогичная позиция выражалась и Н.Ф. Кузнецовой, в соответствии с мнением которой более широкое понимание коррупции, чем подкуп одних лиц другими, «не только нецелесообразно, но не согласуемо с принципом дифференциации вины, ответственности и дифференциации наказания. В уголовном праве это весьма осложнило бы законодательную регламентацию хозяйственных и должностных преступлений, внесло бы путаницу в квалификацию преступлений и их наказуемость»[4, с. 21].

Вторая точка зрения на понятие коррупции значительно шире, поскольку включает в понятие коррупции любое поведение чиновника, имеющее корыстную подоплеку или направленность. Придерживаясь указанной позиции, Б.В. Волженкин, в частности, отмечал, что коррупция представляет собой «социальное явление в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус, авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах»[5, с. 47]. Аналогичного мнения по вопросу определения понятия коррупции придерживался и Г.Н. Борзенков, отмечая, что коррупция есть «разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях» [6, с. 31]. Однако некоторыми исследователями в настоящее время в литературе отмечается, что «недостатком подобного подхода является локализация коррупции исключительно в сфере государственного и муниципального управления»[7, с. 53].

Третья точка зрения в вопросе определения понятия коррупции предполагает расширение списка субъектов коррупционной деятельности, а, следовательно, и перечня преступлений, которые составляют понятие коррупции. Так, в частности, к субъектам коррупционной деятельности представителями указанной позиции причисляются не только представителя государственных и муниципальных, но также и представители коммерческих и иных структур, использующих должностное положение в це-

лях извлечения личной выгоды. Поддерживая данную точку зрения, С.В. Максимов пишет, что «коррупция - это использование государственными, муниципальными и иными публичными служащими (в том числе депутатами и судьями) либо служащими коммерческих и иных организаций (в том числе международных) своего статуса для незаконного получения каких-либо благ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера) либо предоставление последним таких преимуществ»[8, с. 10].

Мы видим, что российский законодатель пошел по пути казуистично-оценочного характера – коррупция сформулирована как перечень деяний, а также в него включаются и все иные деяния, которые не указаны в этом перечне, но носят сходный по своей сущности характер. При этом анализ определения коррупции, установленного в Федеральном законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», позволяет сделать вывод о том, что законодатель придерживается третьей из приведенных нами ранее позиций ученых, включая в понятие коррупции и субъектов, не облеченных государственной или муниципальной властью.

Однако, на наш взгляд, в криминологическом плане данное определение трудноприменимо, поскольку, «коррупция - скорее синтетическое криминологическое и социально-психологическое понятие, которое следует рассматривать как совокупность родственных видов деяний, а не как конкретный состав преступлений»[9, с. 300]. Именно учитывая сказанное, мы полагаем, что коррупцию нельзя определить как перечень преступлений, поскольку она, как и преступность в целом, представляет собой социально-правовое явление, обусловленное социально-экономическими процессами и функционирующее по определенным законам, а не просто сумму определенных составов преступлений. Поскольку коррупция представляет собой форму преступного проявления, то мы будем рассматривать ее как часть преступности. Как известно, преступность представляет собой сложное социально-правовое явление, исторически изменчивое, негативное, представляющее систему преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени. Поскольку коррупция также – продукт социума, имеет достаточно «разветвленную» внутреннюю структуру и подвергнуто правовому регулированию, то, на наш взгляд, коррупцию следует определять как исторически изменчивое негативное сложное социально-правовое явление, представляющее собой систему преступлений, связанных с использованием публичными служащими либо служащими коммерческих и иных организаций своего статуса и преимуществ, обусловленных этим статусом, для незаконного получения каких-либо благ имущественного характера предоставление таких преимуществ, совершенных на определенной территории за определенный период времени.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что:

1. В настоящее время понятие коррупции существует на законодательном уровне, однако оно носит весьма казуистичный характер, что проявляется в простом перечислении законодателем тех преступлений, которые законодатель относит непосредственно к коррупционным.
2. Следует сформировать общее понятие коррупции не как перечня уголовно-наказуемых деяний в действующем уголовном законе, но и как социального явления, имеющего достаточно разветвленный причинно-следственный комплекс.

Список источников

1. Российская Федерация. Президент. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07. 2021 г. № 400 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
2. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Под редакцией профессора Долговой А.И. М., 2015. С. 361.
4. Кузнецова, Н.Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 21.

5. Волженкин, Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2008. С. 47.
6. Борзенков, Г.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 30-31.
7. Балог, М.М., Троян, В.В. Основные подходы в вопросах определения и измерения коррупции // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. №2. С. 53.
8. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность // 2-е изд., переработ. и доп. М., 2008. С. 10.
9. Васильев, В.Л. Психологический анализ генезиса коррупции, теневой экономики и организованной преступности в России. Коррупция и борьба с ней / Под ред. А.И. Долговой. М., 2016.

УДК 343.9.018

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРПОРАТИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ГУСЯТНИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ

к. ф.-м. н., аспирант

Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева
старший управляющий партнёр юридической компании PG Partners

Аннотация: В работе рассматривается проблема корпоративной преступности в России, её постоянный рост и особенности. Описываются наиболее распространенные виды корпоративных преступлений и обозначается важная проблема недоверия российского бизнеса к квалификации следователей и дознавателей, что приводит к появлению корпоративных детективов. Также анализируется криминологическая характеристика личности типичного корпоративного преступника.

Ключевые слова: корпоративное преступление, корпоративное мошенничество, корпоративная криминология, корпоративное расследование, корпоративный детектив, корпоративная преступность, корпоративная криминалистика.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CORPORATE CRIMES

Gusyatnikov Petr Petrovich

Abstract: The problem of corporate crime in Russia, its constant growth and features are examined. It describes the most common types of corporate crimes and identifies an important problem of Russian business distrust of the qualifications of investigators and interrogators, which leads to the emergence of corporate detectives. The criminological characteristics of the personality of a typical corporate criminal are also analyzed.

Key words: corporate crime, corporate fraud, corporate criminology, corporate investigation, corporate detective, corporate criminality, corporate criminalistics.

Корпоративным преступлением является преступление, причинившее материальный и/или нематериальный ущерб юридическому лицу (корпорации, в широком смысле этого слова, то есть организации, независимо от её организационно-правовой формы), которое совершено с участием её сотрудников путем обмана или злоупотребления доверием [1, с. 99].

Корпоративные преступления часто являются проявлениями тех или иных видов хищений, однако не ограничиваются ими. К примеру, Т. Е. Татаровская и В. О. Пантелей определяют корпоративное преступление как «различные способы присвоения активов и манипулирования отчетностью с целью введения в заблуждение инвесторов» [2, с. 264], относя к таким преступлениям не только хищения, но и искажение или фальсификацию бухгалтерской, налоговой и управленческой отчетности организации.

В последние годы статистика фиксирует устойчивый рост корпоративной преступности, в результате чего Россия еще в 2018 году вошла в топ-5 стран мира, в которых бизнес чаще всего страдает от вреда, причиняемого корпоративными преступлениями. Всего за 2 года доля компаний, столкнувшихся с такими преступлениями, выросла почти в полтора раза – с 48% до 66%. Согласно проведенному компанией PricewaterhouseCoopers исследованию, наиболее распространенными видами корпоративных преступлений, с которыми сталкиваются предприниматели, являются незаконное присвоение активов организаций (53%), взяточничество и коррупция (41%), корпоративное мошенничество (35%) [3].

При этом, несмотря на столь существенный рост корпоративной преступности, российский биз-

нес откровенно не доверяет квалификации следователей и дознавателей, осуществляющих расследование преступлений. Согласно опросу, проведенному Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в 2021 году, всего лишь 32% опрошенных бизнесменов, то есть менее одной трети (!) полагали ее достаточной для эффективного раскрытия преступлений [4]. Спустя год, в 2022 году ситуация только ухудшилась, и следователей правоохранительных органов посчитали компетентными только 25% респондентов, то есть всего лишь четверть из опрошенных предпринимателей [5].

Такая ситуация не могла не привести к появлению корпоративных детективов – лиц, которые на постоянной основе проводят корпоративные расследования, т.е. расследования корпоративных преступлений на стадии до обращения в правоохранительные органы с сообщением о преступлении. В результате такого расследования корпоративным детективом формируется доказательственная база, достаточная для успешного возбуждения уголовного дела. Обычно корпоративный детектив имеет статус адвоката или частного детектива. Изучением непосредственно самих средств, приемов и методов оптимального расследования корпоративных преступлений занимается корпоративная криминалистика.

Однако невозможно эффективно раскрывать корпоративные преступления, не изучив их криминологические особенности. Если обратиться к исследованиям PricewaterhouseCoopers, то наиболее распространенными корпоративными преступлениями являются следующие (классификация приводится в порядке убывания соответствующего вида корпоративных преступлений в России, а соответствующий процент означает долю предпринимателей, столкнувшихся с тем или иным проявлением криминальной активности):

- 1) Незаконное присвоение активов (53% в России и 45% в мире);
- 2) Взятничество и коррупция (41% в России и 25% в мире);
- 3) Мошенничество при закупках товаров и услуг (35% в России и 22% в мире);
- 4) Мошенничество, совершенное клиентом (32% в России и 29% в мире);
- 5) Киберпреступления (24% в России и 31% в мире);
- 6) Нарушение принципов делового поведения (23% в России и 28% в мире);
- 7) Манипулирование данными бухгалтерского учета (19% в России и 20% в мире);
- 8) Мошенничество в сфере управления персоналом (19% в России и 12% в мире);
- 9) Легализация доходов, полученных преступным путем (15% в России и 9% в мире);
- 10) Налоговое мошенничество (15% в России и 5% в мире).

Более свежие исследования российской корпоративной преступности компанией PricewaterhouseCoopers не проводились, однако аналогичный отчет о ситуации с корпоративными преступлениями в России в настоящее время ежегодно составляется российской компанией «Технологии Доверия» [6].

Согласно отчету за 2022-2023 год, основанному на опросе 98 респондентов 20 отраслей экономики, можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся корпоративные преступления, а также отметить существенное изменение структуры корпоративной преступности в Российской Федерации за период с 2016-2017 по 2022-2023 годы (при этом названия корреспондирующих видов преступлений приведены в соответствие с первоначальной классификацией PricewaterhouseCoopers, а категории преступлений, отсутствующие в ней, выделены курсивом):

- 1) Незаконное присвоение активов (64%, рост +11%);
- 2) Мошенничество при закупках товаров и услуг (50%, рост +15%);
- 3) Взятничество и коррупция (43%, рост +2%);
- 4) Мошенничество в сфере продаж (36%);
- 5) Мошенничество в инвестиционно-строительной сфере (36%);
- 6) Манипулирование данными бухгалтерского учета (29%, рост +10%);
- 7) Мошенничество с использованием методов инсайдерской торговли (29%);
- 8) Кража/утечка инсайдерской информации (29%);
- 9) Недобросовестная конкуренция / Нарушение антимонопольного законодательства (21%);
- 10) Мошенничество в сфере управления персоналом (21%, рост +2%);
- 11) Киберпреступления (14%, падение -10%);

- 12) Мошенничество с финансовыми инструментами (14%);
- 13) Легализация доходов, полученных преступным путем (14%, падение -1%);
- 14) Мошеннические/незаконные операции, связанные с недвижимостью (7%);
- 15) Мошенничество в сфере производства (7%).

Проанализировав приведенные статистические изменения для наиболее распространенных видов корпоративных преступлений, можно сделать обоснованный вывод о том, что за прошедшие несколько лет корпоративная преступность продемонстрировала существенный рост – все больше предпринимателей сталкиваются с угрозами безопасности, в первую очередь, экономическими, так как почти все перечисленные виды преступлений относятся, по большей части к хищениям актив (в основном, мошенничествам).

Также нельзя не остановиться и на криминологической характеристике личности типичного корпоративного преступника. Забегая вперед, можно с уверенностью сказать, что за последние 70-80 лет, со времен первых работ Э. Сатерленда существенных изменений так и не произошло. Данный автор ещё в 1949 году охарактеризовал корпоративную преступность следующим образом: «преступная активность уважаемых лиц с высоким социальным статусом в процессе их профессиональной деятельности» [7, с. 11].

Личность корпоративного преступника неразрывно связана с причинами, которые заставляют его совершать мошеннические действия в отношении компании, в которой он работает. Эти причины были определены Дональдом Кресси еще в 1950-х годах под названием «треугольника мошенничества» [8, с. 54], вершинами которого являются:

- 1) **давление** – те обстоятельства, которые подталкивают на совершение мошеннических действий (это могут быть финансовые проблемы, долги, кредиты, трудные семейные обстоятельства и т.д.);
- 2) **возможность** совершить корпоративное преступление и скрыть факт его совершения (например, в силу должностного положения);
- 3) **рационализация** – способность оправдать совершенное преступление с моральной точки зрения (например, потому что «все так делают» или потому что «начальство мне недоплачивает»).

Основные параметры современного корпоративного преступника наиболее детально определили специалисты международной компании КПМГ в своем исследовании «Портрет современного корпоративного мошенника» [9].

В соответствии с данным обзором, можно выделить самые значимые с криминологической точки зрения характеристики наиболее распространенной личности корпоративного преступника:

- это мужчина в возрасте 36-45 лет;
- его стаж работы в организации – более 6 лет;
- является сотрудником компании, занимающим руководящую должность.

Данные криминологические характеристики легко объясняются: мужчины в таком возрасте обычно состоялись в своей профессии, имеют определенный уровень дохода и желание его повысить, при этом занимаемая ими должность в силу достаточно высокого положения в компании открывает возможности для злоупотреблений и сокрытия совершенного преступления.

Список источников

1. Гусятников П.П. Система криминалистического обеспечения корпоративного расследования // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева. – 2024. – №4 (75). – С. 99-106.
2. Т.Е. Татаровская, В.О. Пантелей Корпоративные преступления и корпоративные финансовые расследования // Право, экономика и управление: теория и практика. – 2020. – С. 264-267.
3. PricewaterhouseCoopers. Исследование «Российский обзор экономических преступлений за 2018 год. Противодействие мошенничеству: какие меры принимают компании?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://web.archive.org/web/20220120171447/https://www.pwc.ru/ru/forensic-services/assets/PwC-recs-2018-rus.pdf> (08.03.2025).

4. Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Приложение к докладу Президенту Российской Федерации. 2021. Уголовное преследование предпринимателей. Результаты социологического опроса «Мнение экспертов о защите прав предпринимателей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/4.pdf> (08.03.2025).
5. Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Приложение к докладу Президенту Российской Федерации. 2022. Результаты социологического опроса «Защита прав предпринимателей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2022/5-22.pdf> (08.03.2025).
6. Технологии Доверия. Исследование «Внутрикорпоративные расследования: 2024» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tedo.ru/internal-corporate-investigations-2024> (08.03.2025).
7. Edwin Sutherland. White-Collar Crime. – New York: Dryden Press. – 1949.
8. Donald Ray Cressey. Other People's Money: A Study in the Social Psychology of Embezzlement. – Free Press. – 1953.
9. Исследование КПМГ «Портрет современного корпоративного мошенника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/kz/pdf/ru-ru-profiles-of-the-fraudster-russia-and-the-cis.pdf> (08.03.2025).

УДК 343.132

РАЗНООБРАЗИЕ СИТУАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСГУМАЦИИ

КАЗАНЦЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

магистрант

Центрального филиала ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»

Научный руководитель: Маслов Александр Вячеславович

К.Ю.Н

доцент Центрального филиала ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»

Аннотация: Каждое уголовное дело уникально и своеобразно, а алгоритм расследования каждого из них не похож на другой. В статье рассматривается проблема разнообразия ситуационных факторов при производстве эксгумации в рамках расследования уголовного дела, а также анализируется возможность расширения понятия «эксгумация» для более полного отражения различных вариаций проведения данного следственного действия.

Ключевые слова: эксгумация, определение, труп, понятие, ситуационные факторы, расследование, следственное действие.

DIVERSITY OF SITUATIONAL FACTORS IN THE PRODUCTION OF EXHUMATION

Kazantseva Irina Vladimirovna*Scientific adviser: Maslov Alexander Vyacheslavovich*

Abstract: Each criminal case is unique and peculiar, and the investigation algorithm for each of them is not similar to the other. The article examines the problem of the diversity of situational factors in the production of exhumation as part of a criminal investigation, and also analyzes the possibility of expanding the concept of "exhumation" to more fully reflect the various variations in the conduct of this investigative action.

Keywords: exhumation, definition, corpse, concept, situational factors, investigation, investigative action.

При изучении и анализе любого нормативно правового акта не стоит забывать, что законодатель лишён возможности предусмотреть то множество обстоятельств, условий и переменных, которое существует в реальной жизни.

Благодаря накапливающейся годами практике специалисты правотворчества могут урегулировать коллизии, возникшие из-за нахождения основной нормы права в своеобразном вакууме, т.е. идеальных теоретических условиях, без учёта ситуационных особенностей. При этом, нормы, касающиеся следственных действий, частенько остаются без внимания и не удостоиваются даже развёрнутого комментария, не говоря уже об отдельном, обособленном разъяснении или целом правовом акте. К такому относится и эксгумация, которая регламентируется статьёй 178 УПК РФ.

Разнообразие факторов, с которым сталкивается следователь при производстве такого следственного действия, как эксгумация, огромно. Из-за этого, работник следственного комитета, равно как и судебные эксперты нередко сталкиваются с рядом затруднений. На наш взгляд эксгумация остаётся одним из самых недооценённых мероприятий на стадии расследования уголовного дела, хотя нередко именно извлечение трупа открывает следователю абсолютно новые обстоятельства, которые, в свою

очередь, могут повлиять не только на качество раскрываемости, но и на правильность квалификации того или иного противоправного деяния, неотъемлемо связанную с таким основополагающим принципом уголовного процесса, как справедливость. Например, в интервью руководителя СУ СК России по Воронежской области Николая Третьякова газете "Московский комсомолец. В Воронеже", опубликованном на официальном сайте СУ СК РФ по Воронежской области, говорится о случае, в котором эксгумация сыграла решающую роль в верном рассмотрении дела. Так, гражданин В. вышел из своего дома поздно вечером в состоянии сильного алкогольного опьянения. Обратившись в Воронеж, гражданин не вернулся, так как его тело было найдено с многочисленными травмами и черепно-мозговой травмой. «Первоначальные следственные действия проводили сотрудники местного РОВД, нашего следователя не уведомив. Исследование тела производил эксперт, не участвовавший в осмотре места происшествия, и сделал заключение: травмы получены при падении с высоты. Выводы следствия - несчастный случай», - рассказал Третьяков. Катализатором дальнейшего расследования стал журналист, обвинивший сотрудников правоохранительных органов в некомпетентности. Получив громкое, порочащее честь сотрудников заявление СМИ, следователи развернули новый этап расследования, в ходе которого и была проведена эксгумация. Эксперты из Белгорода сделали неутешительные выводы – смерть мужчины носит криминальный характер, предварительная версия – убийство. Следователь и руководитель отдела, неоднократно проверявший материал, оказались в плену ошибочной первоначальной версии о несчастном случае. Необоснованное решение о прекращении уголовного дела было отменено [1].

При этом, отметим, что понятие «официальное захоронение» не определено в Российском законодательстве. Согласно Федеральному закону от 12.01.1996 N 8-ФЗ "О погребении и похоронном деле" «Местами погребения являются отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших, далее - прах), крематориями для предания тел (останков) умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших» [2].

Несмотря на такое определение всё те же СМИ публикуют статьи с кричащими заголовками, уведомляют граждан о проведении эксгумации несмотря на то, что тела были извлечены совсем не из «официального места захоронения». Примером является громкое дело Пензенских затворников, всколыхнувшее общество в 2008 году. «Проведена эксгумация пензенских затворников», «В пензенской пещере эксгумировали тела двух затворников» - пестрили заголовки. Напомним, что группа сектантов ушла в пещеры в ноябре 2007 года. Покидать убежище граждане Беларуси не собирались до наступления «конца света», который, якобы должен был случиться на Пасху 2008 года. Во время самовольного заточения в пещере скончались две женщины – одна от соблюдения сухого поста (она ничего не пила и не ела на протяжении продолжительного времени), а вторая от рака. После того, как затворники начали выходить на поверхность из-за обрушений стен пещеры и других факторов, следователи приступили к извлечению оставленных под землёй тел. По свидетельствам журналистов, трупы были присыпаны землёй на небольшой глубине внутри пристанища общинников, при этом под характеристику «официального места захоронения» такое погребение не подходит [3].

Проанализировав данный случай можно смело задаться вопросом, почему, например, извлечение тела, из воды или бетонного фундамента оформляется под видом осмотра места происшествия или осмотра трупа, если в рассматриваемом нами случае была проведена «эксгумация». Нет сомнений, что возникновение такого рода вопроса говорит о пробеле в российском уголовно-процессуальном законодательстве и отсутствие достаточного и всеобъемлющего понятия эксгумации, как следственного действия. Нам видится необходимым исключение из определения понятия «официальное место захоронения» и расширение области, которая бы попадала под сферу регламентации рассматриваемого нами следственного действия.

Но, мы хотим акцентировать внимание на том, что при таком варианте модификации современного законодательства, в конкретных ситуациях теряется смысл получения от родственников согласия на проведение эксгумации. Данная процедура должна либо остаться только при проведении следственного действия в местах официального захоронения, либо исчезнуть вовсе. Если под понятие экс-

гумации будет подходить любое извлечение тела из места захоронения, будь то почва, водная среда или, скажем бетон, то родственников уведомить получится не во всех случаях, так как следователь очень редко может точно установить, что в той или иной импровизированной могиле лежит тело конкретного человека.

На сегодняшний день наиболее точную систему следственных ситуаций при производстве эксгумации дал в своей работе Кригер А.Е. Он утверждает, что существует четыре блока:

- 1) связанный с извлечением трупа из земли;
- 2) не связанный с извлечением трупа из земли;
- 3) связанный с извлечением трупа и его останков;
- 4) не связанный с извлечением трупа и его останков.

При этом, к первому блоку автор отнёс эксгумации с общественных,

вероисповедальных, воинских кладбищ, эксгумация из семейных, родовых, старых и ранее неизвестных захоронений. Ко второму блоку, согласно исследованию, относится эксгумация из стен скорби – прах покойного. К третьему блоку необходимо относить эксгумации, указанные в первом блоке, а к четвертому - стены скорби, т.к. объектом эксгумации является прах покойного [4, 177]. Проанализировав эти данные можем отметить, что эксгумацией учёный считает лишь извлечение тела из почвы, в том числе из неизвестных захоронений, под которые попадают и скончавшиеся «пензенские затворники», а также стены скорби, крематории же, ввиду специфики работы, в список не попадают. В перечне не нашлось места и другим местам захоронения, например домовым фундаментам, которые также становятся последним пристанищем для жертв преступлений.

Для наглядности вспомним дело, которое привело в ужас россиян в 2020 году. 4 марта 12-летний мальчик из Астрахани, якобы, вышел из дома в школу, но обратно так и не вернулся. Мать ребёнка забила тревогу. Поиски шли долгое время, женщина неоднократно сообщала следователям, что её сына видели в городе, а иногда даже на родной улице. Надеясь, что мальчик жив, правоохранители вели расследование, но летом сотрудниками следственного комитета была сделана неутешительная находка – тело было замуровано в бетоне. Оказалось, что ребёнок вернулся домой уже на следующий день. Главной подозреваемой по делу стала мать, которая могла не рассчитать силы во время ссоры и забить школьника до смерти. Тело было замуровано в бетонном фундаменте дома старшего брата жертвы [5]. В июне 2020 года астраханские следователи опубликовали ролик, на котором был запечатлена часть процесса извлечения тела, при этом эксгумацией проведённое следственное действие не считается. Разберём детали: специалисты извлекли труп из места захоронения для проведения дальнейшего осмотра и экспертизы в рамках расследования уголовного дела, а значит от эксгумации, понимаемой уголовным законодательством, данный процесс отличается лишь по признаку территориальному. Вместо привычной почвы, стандартной могилы или стены скорби, тело было «выбито» из твёрдого застывшего вещества. Таким образом мы можем сделать вывод, что понятие эксгумации в уголовном процессе недостаточно обширно и точно отражает стороны этого следственного действия, а также упускает ряд ситуационных факторов, которые могут возникнуть при расследовании того или иного уголовного дела. Подобные выводы можно сделать, рассуждая и об извлечении останков со дна водоёма. Водная толща становится слоем природного материала, под которым похоронено тело, не исключено, что при поднятии выяснится факт того, что останки замурованы в гроб, пусть и не всегда стандартной формы. Неизменным остаётся сам процесс, который должен пониматься никак иначе, как эксгумация. В таком случае следователи смогут избежать ряда процессуальных и тактических проблем в ходе расследования.

Таким образом, современное российское уголовное законодательство предоставляет нам неполное, несовершенно и устаревшее понятие эксгумации. Нормы, содержащиеся в нормативно правовых актах, не способны минимизироваться проблемы, которые могут возникнуть из-за многообразия возможных ситуационных факторов. Преобразование упомянутого определения приведёт к упрощению работы следователей и совершенствованию процесса расследования уголовных дел.

Список источников

1. Интервью руководителя СУ СК России по Воронежской области Николая Третьякова газете "Московский комсомолец. В Воронеже" / [Электронный ресурс] // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области : [сайт]. — URL: <https://voronezh.sledcom.ru/folder/878887/item/878889> (дата обращения: 28.11.2024).
2. Закон Российской Федерации "Федеральный закон "О погребении и похоронном деле"" от 12.01.1996 № N 8-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. - Ст. 4 с изм. и допол. в ред. от 06.04.2024.
3. Яд крошечный // Газета.Ru URL: <https://www.gazeta.ru/social/2008/05/16/2725721.shtml> (дата обращения: 29.11.2024).
4. Кригер А.Е. Проблемы производства эксгумации и использование её результатов при расследовании уголовных дел: дис. канд. юр. наук: 12.00.09. - Барнаул, 2006.
5. Тело замурованного мальчика извлекают из бетона // РЕН ТВ URL: <https://ren.tv/news/kriminal/713589-video-telo-zamurovannogo-malchika-izvlekaiut-iz-betona> (дата обращения: 05.12.2024).

© И.В. Казанцева

УДК 343.851.5

ВООРУЖЕННЫЕ НАПАДЕНИЯ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ: УРОКИ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

ВТОРУШИНА ВЕРОНИКА ВИТАЛЬЕВНА

аспирант

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация: Статья посвящена анализу вооруженных нападений на образовательные учреждения, которые стали одной из наиболее серьезных угроз для безопасности учащихся и педагогов. В работе рассматриваются случаи вооруженных нападений на образовательные учреждения, произошедшие в различных странах, уделяется внимание причинам подобных трагедий, личности преступника.

В статье предлагаются рекомендации по улучшению системы безопасности в школах, включая подготовку персонала образовательных учреждений и взаимодействие с правоохранительными органами. Освещаются также важность создания комфортной и безопасной образовательной среды, где учащиеся смогут развиваться без страха за свою жизнь.

Подчеркивается необходимость комплексного подхода к решению проблемы, включая профилактику насилия в обществе, работу с молодежью и развитие программ, направленных на социализацию и эмоциональную поддержку детей и подростков.

Ключевые слова: вооруженные нападения на образовательные учреждения, скулшутинг, школа «Колумбайн», безопасность, буллинг.

ARMED ATTACKS ON EDUCATIONAL INSTITUTIONS: LESSONS THAT CANNOT BE FORGOTTEN

Vtorushina Veronika Vitalievna

Abstract: The article is devoted to the analysis of armed attacks on educational institutions, which have become one of the most serious threats to the safety of students and teachers. The work examines cases of armed attacks on educational institutions that occurred in various countries, paying attention to the causes of such tragedies, the identity of the perpetrator.

The article offers recommendations for improving the security system in schools, including training of educational institution personnel and interaction with law enforcement agencies. The importance of creating a comfortable and safe educational environment where students can develop without fear for their lives is also highlighted.

The need for a comprehensive approach to solving the problem is emphasized, including the prevention of violence in society, work with youth and the development of programs aimed at socialization and emotional support for children and adolescents.

Key words: armed attacks on educational institutions, school shooting, Columbine School, security, bullying.

В последние десятилетия наблюдается тревожная тенденция — рост числа вооружённых нападений на образовательные учреждения. Эти инциденты затрагивают тысячи людей, и их последствия ощущаются на уровне семей, сообществ и государств. Эти события не только уносят жизни, но и

оставляют глубокие психоэмоциональные травмы у выживших, превращая учебные заведения — символы знаний и надежды — в места страха и горя. Необходимо обеспечить безопасность в образовательных учреждениях, чтобы они оставались безопасным пространством для обучения и развития.

Вооруженные нападения на образовательные учреждения происходят в различных странах мира и получили название «скулшутинг» (от английского «school shooting» - школьная стрельба) или «колумбайн» (по названию школы, где произошла одна из самых известных и трагичных перестрелок).

Одна из наиболее широко освещаемых школьных перестрелок в истории произошла в средней школе «Колумбайн», (Колорадо, США). 20 апреля 1999 года двое учеников открыли стрельбу в школе, убив 13 человек и ранив более 20 человек, прежде чем покончить с собой.

Этот инцидент шокировал общество, стал символом социальных и психологических проблем, включая насилие, недостаточную безопасность в учебных заведениях, а также вопросы психического здоровья и доступа к огнестрельному оружию и вызвал широкие дискуссии о безопасности в учебных заведениях, психическом здоровье молодежи и культурных факторах.

17 октября 2018 года в Керченском политехническом колледже (г. Керчь, Россия) 18-летний студент заложил взрывное устройство в буфете учебного заведения, открыл стрельбу по учащимся и работникам колледжа из помпового ружья, а затем застрелился в библиотеке колледжа. В результате нападения погибло более 20 человек, ранено 67 человек.

11 мая 2021 года 19-летний бывший ученик открыл стрельбу из гладкоствольного ружья в гимназии № 175 (г. Казань, Россия), а также взорвал самодельное взрывное устройство. В результате нападения погибли 9 человек, 32 человека пострадали.

20 сентября 2021 года 18-летний студент Пермского государственного университета (г. Пермь, Россия) открыл стрельбу из помпового ружья на территории университета. В результате нападения погибли 6 человек, около 60 человек пострадали.

24 мая 2022 года в начальной школе «Робб», (Техас, США), 18-летний бывший ученик этой школы, застрелил 19 учеников и двух учителей, а также ранил ещё 18 человек.

26 сентября 2022 года в школе № 88 г. Ижевска (Республика Удмуртия, Россия) 34-летний бывший ученик, открыл стрельбу и убил 18 человек, ранил 23 человека и покончил с собой.

21 декабря 2023 года в Праге (Чешская республика) 24-летний студент философского факультета Карлова университета открыл стрельбу, в результате которой погибло 15 человек, включая нападавшего, ранено 25 человек.

Исследователями выделен ряд обязательных условий, которые характеризуют скулшутинг. Например, совершение преступлений в организациях системы образования; направленность умысла преступника на причинение вреда жизни и (или) здоровью неограниченного круга лиц; применение в качестве способа совершения преступлений стрелкового оружия и/или взрывных устройств [1, с. 453]. Также можно выделить личность самого «преступника-скулшутера». Им часто является ученик или студент школы, колледжа, университета, или лицо ранее обучающиеся в образовательной организации.

Наханцков Б. Ч. считает, что скулшутинг имеет специфические признаки, которые позволяют выделить его как самостоятельный криминологический феномен. Ключевой особенностью скулшутинга является то, что стрелок выбирает в качестве жертв людей, которые не были его первоначальной целью в плане персонифицированной жертвы криминального насилия. Это отличает скулшутинг от убийств, совершённых в ходе межличностных конфликтов, когда жертва заранее определена. От террористического акта скулшутинг отличается целями совершения преступления. В то время как целью террористического акта является дестабилизация обстановки и создание атмосферы страха, целью «скулшутера» может быть желание быть замеченным, утвердиться в глазах окружающих или отомстить [2, с. 115].

Существует множество факторов, способствующих росту насилия в образовательных учреждениях и совершению вооружённых нападений на образовательные учреждения. В целом, причины возникновения деструктивных явлений, в том числе вооружённых нападений на образовательные учреждения, являются комплексными. В том числе, социально-экономические проблемы: бедность, безработица и неравенство могут приводить людей, особенно молодежь, к насилию; психологические особенности: многие нападавшие страдали от психических расстройств, недовольства жизнью или были жертва-

ми буллинга; культура насилия: влияние средств массовой информации, видеоигр и окружающей среды может создавать у молодежи искаженное восприятие насилия как средства решения проблем.

Лица, совершающие расстрелы в школах, часто находятся под влиянием изнуряющих факторов, которые могут включать различные формы жестокого обращения, дисфункцию семьи, психическое заболевание или другие психологические проблемы. Распространенными источниками мотивации для стрелков могут быть депрессия, мысли о самоубийстве, чувство преследования, месть за издевательства или романтическое отвержение, или желание внимания или признания.

В большинстве случаев лица, совершившие нападения в учебных заведениях, обладают чертами характера или поведенческими особенностями, которые не типичны для большинства людей в обществе. Однако выявить такие отклонения удается не сразу.

Как отмечают некоторые исследователи, к совершению скулшутинга более склонны лица мужского пола, возраст которых варьируется от 12 до 19 лет [3, с. 36].

При этом, приходится констатировать, что при возрастающей тенденции к увеличению числа вооруженных нападений на образовательные учреждения, акту скулшутинга совершаются и девушками, а возрастную границу «школьных стрелков» можно расширить до 35 лет.

Несовершеннолетние подростки находятся на незавершённой стадии социализации. В этот период у них проявляются максимализм, эмоциональность и отсутствие стрессоустойчивости. Это связано с формированием психики, поиском себя и своего места в обществе. Из-за этого возникают агрессия, конфликты и несоблюдение правил.

Одним из факторов, способствующих развитию интереса к незаконным действиям, является вступление в деструктивные сообщества в социальных сетях. В таких сообществах распространяется контент с девиантными идеями, который может привести к радикальным действиям. Это может включать в себя участие в протестах, экстремистских группировках или других незаконных действиях.

Важно понимать, что подростки могут быть уязвимы к влиянию таких сообществ из-за своей эмоциональной нестабильности и стремления к самоутверждению.

При этом, в феврале 2022 года Верховным судом Российской Федерации по результатам рассмотрения административного искового заявления Генерального прокурора Российской Федерации международное молодежное движение «колумбайн» (по названию школы «Колумбайн» в США, где произошло массовое убийство в 1999 году) признано террористической организацией, его деятельность запрещена на территории страны.

Как установлено прокуратурой и подтверждено в судебном заседании, названная террористическая организация основана на идеологии насилия и преследует цели массовой гибели людей, устрашения населения и дестабилизации обстановки в стране путем реализации масштабных насильственных акций. Ее участники отрицают общепринятые моральные принципы и нравственные ценности, пропагандируют девиантное поведение, суицид и насилие как норму жизни и способ достижения своих целей. Под воздействием насильственной идеологии «колумбайна», а также массивной пропаганды «скулшутинга» его участниками совершаются резонансные преступления террористической и общеуголовной направленности.

В апреле 2022 г. Росфинмониторинг внес движение «колумбайн» в реестр террористических и экстремистских организаций.

Абрамов А.Ю. справедливо отмечает, что изначально подросток сталкивается с деструктивным контентом, который распространяют деструктивные сообщества в соцсетях. Со временем он начинает искать «точки соприкосновения» с участниками прошлых нападений и целенаправленно просматривать такой контент. Он устанавливает контакты с подростками, проживающими в других городах и подвергающимися буллингу. Это усиливает его мотивацию и формирует идентичность, соответствующую феномену скулшутинга [4, с. 41].

Исследователями приведены некоторые типичные символы, сформированные на основе культуры личности наиболее популярных скулшутеров. Так, «классическими элементами внешности являются бейсболки, солнечные очки, черные плащи, однотонные футболки белого или черного цвета с надписями («Natural selection», «Wrath», «Shouting», Humanity is overrated», «Delete my life», «Ненависть»,

«Естественный отбор», «Нечего терять»), черные штаны, высокие ботинки на шнуровке, тактические перчатки, прически, как у наиболее известных нападавших [5, с. 232].

Последствия вооруженных атак на образовательные учреждения глубокие и многообразные. Во-первых, они нарушают доступ к образованию. После таких инцидентов многие обучающиеся и преподаватели испытывают страх за свою безопасность, что негативно сказывается на учебном процессе.

Во-вторых, такие нападения усиливают страх и дестабилизируют общество, создавая атмосферу недоверия среди граждан и подрывая социальные связи. Нападения могут усугублять социальные конфликты и разделять сообщества.

В-третьих, выжившие, свидетели и семьи жертв могут столкнуться с психическими травмами. Дети, пережившие такие трагедии, часто страдают от посттравматического стрессового расстройства, что может отразиться на их будущем.

Существует несколько подходов к улучшению безопасности образовательных учреждений и предупреждению совершения вооруженных нападений на образовательные учреждения. В том числе, установка камер видеонаблюдения, контроль доступа, привлечение охранных служб. Образовательные учреждения должны быть защищены от потенциальных угроз. Это включает в себя физическую безопасность зданий, а также обучение сотрудников и обучающихся действиям в случае экстремальных ситуаций. Важно также внедрить программы, обучающие школьников и студентов навыкам разрешения конфликтов и ненасильственного общения.

При этом важна как общая профилактика по снижению уровня насилия, созданию благоприятного психологического климата, так и индивидуальная профилактика, ориентированная на учащихся, проявляющих склонность к асоциальному поведению. Администрации образовательных учреждений может быть недостаточно для решения этой проблемы, поэтому необходимо привлекать специализированные органы, в первую очередь правоохранительные.

Педагог, включая школьного психолога и социального педагога, играет важную роль в предупреждении преступлений среди несовершеннолетних. Именно образовательное учреждение становится местом, где происходят вооруженные нападения. Педагог имеет возможность ежедневно взаимодействовать с учащимися и выявлять отклонения в их поведении, такие как депрессия, конфликты, трудности в общении и изменения в отношении к учёбе. Благодаря этому, педагог может своевременно корректировать эти отклонения и предотвращать дальнейшее развитие проблем у подростков.

Для эффективной борьбы с проявлениями скулшутинга требуется взаимодействие образовательных учреждений России и органов правопорядка, направленное на улучшение воспитательной работы и психологического сопровождения в учебных заведениях. Это включает в себя создание системы противодействия буллингу в коллективе, а также централизованного подхода к профилактике и борьбе с преступностью в учебных учреждениях страны. Также правоохранительным органам следует усилить работу по противодействию распространению колумбайн-тематики в Интернете и мониторить участие подростков в связанных сообществах в социальных сетях.

Вооруженные нападения на школы и университеты представляют собой серьезную угрозу для безопасности и благополучия общества в целом. Образование – это основа будущего, и необходимы совместные усилия со стороны государственных органов, учебных заведений и сообществ, чтобы предотвратить насилие и создать безопасную среду для обучения. Каждая жизнь важна, и общество должно сделать все возможное, чтобы защитить будущие поколения от насилия.

Список источников

1. Спектор Л.А., Малютин А.Д. «Криминологические особенности личности несовершеннолетних преступников и причины совершения скулшутинга и способы предотвращения» // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 9. – С. 451-455.
2. Наханцаков Б.Ч. «Скулшутинг»: криминологические и виктимологические проблемы» // Криминологические чтения: сб. ст. по материалам XVI Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 300-летию Прокуратуры России. Улан-Удэ, 2021. С. 112-118.

3. Данюкова А.В., Фантров П.П. «Психологический портрет личности молодого преступника, совершившего сулшутинг» // «Психология. Спорт. Здравоохранение»: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2021. С. 35-37.

4. Абрамов А.Э. «Сулшутинг в образовательных организациях как особо опасный феномен современности профилактика и противодействие безмотивным террористическим акциям» // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 3. – С. 39-45.

5. Пучнин А.В., Пучнина М.Ю. «Механизм деятельности сторонников деструктивных интернет-сообществ и портрет их типичного участника (на примере «групп смерти» и движения «колумбайн»)» // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 229-234.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

КАЗАК АЛЕКСАНДР МАКСИМОВИЧ

магистрант

УО «Белорусский государственный экономический университет»

*Научный руководитель: Шарапа Инга Александровна**к.ю.н., доцент**УО «Белорусский государственный экономический университет»*

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу международных механизмов защиты прав интеллектуальной собственности, таких как соглашение TRIPS. Рассматриваются их эффективность и проблемы, возникающие в условиях глобализации и цифровизации. Особое внимание уделено проблемам пиратства и нелегального копирования, а также предлагаются рекомендации для совершенствования правоприменительной практики, чтобы обеспечить более надежную защиту интеллектуальной собственности в современных условиях.

Ключевые слова: Международное право, интеллектуальная собственность, защита прав, глобализация, цифровизация, TRIPS, пиратство, правоприменение.

INTERNATIONAL ASPECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION

Kazak Alexander Maksimovich*Scientific adviser: Sharapa Inga Aleksandrovna*

Abstract: The present article is devoted to the analysis of international mechanisms of intellectual property rights protection, such as TRIPS agreement. Their effectiveness and gaps arising in the conditions of globalization and digitalization are considered. Particular attention is paid to the problems of piracy and illegal copying, and recommendations are offered to improve law enforcement practice in order to provide better protection of intellectual property in modern conditions.

Keywords: International law, intellectual property, protection of rights, globalization, digitalization, TRIPS, piracy, enforcement.

Интеллектуальная собственность (ИС) играет ключевую роль в стимулировании инноваций и экономического роста. В условиях глобализации границы между странами стираются, что создает как возможности, так и вызовы для защиты ИС. Цифровизация усиливает эти вызовы, делая информацию и контент более доступными и уязвимыми для незаконного использования. Международное право, в частности соглашение TRIPS, направлено на создание унифицированных стандартов защиты ИС, однако его эффективность требует дальнейшего анализа и совершенствования.

Международные механизмы защиты интеллектуальной собственности

Международные механизмы защиты интеллектуальной собственности (ИС) играют критически важную роль в формировании глобальной правовой среды, которая способствует инновациям и экономическому развитию. Они создают основу для взаимопонимания и сотрудничества между странами, обеспечивая защиту прав обладателей интеллектуальной собственности на международной арене.

Одним из центральных документов в этой области является соглашение TRIPS (Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights), принятое в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) в 1994 году. TRIPS представляет собой попытку унифицировать стандарты защиты ИС среди стран-участниц ВТО, обеспечивая минимальные стандарты для всех форм интеллектуальной собственности, включая авторские права, патенты, товарные знаки и промышленные образцы.

Главной целью TRIPS является устранение торговых барьеров, вызванных различиями в уровне защиты ИС между странами. Соглашение обязывает государства-участники приводить свое национальное законодательство в соответствие с определенными стандартами, что способствует гармонизации правовых норм в глобальном масштабе[1, с.117]. Одним из важных аспектов TRIPS является предоставление прав обладателям ИС на недискриминационной основе, что означает, что иностранные владельцы ИС должны пользоваться теми же правами и защитой, что и местные.

Однако TRIPS — это не единственное международное соглашение в области защиты ИС. Парижская конвенция по охране промышленной собственности и Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений также играют ключевую роль в формировании международных норм в этой области. Парижская конвенция, принятая в 1883 году, фокусируется на защите прав промышленной собственности и установлении принципа национального режима, который требует, чтобы иностранные заявители получали такие же права, как и национальные заявители.

Бернская конвенция, действующая с 1886 года, устанавливает стандарты защиты авторских прав на литературные и художественные произведения, включая книги, музыку, живопись и скульптуру[2, с. 45]. Она гарантирует, что произведения, созданные в одной стране-участнице, защищены в других странах-участницах на тех же условиях, что и национальные произведения.

Несмотря на наличие этих международных механизмов, их эффективность в значительной степени зависит от национальных правоприменительных практик. Страны с различными уровнями экономического развития и правовыми традициями могут интерпретировать и применять международные стандарты по-разному, что создает разрывы в защите ИС на глобальном уровне [3, с. 155]. Это требует эффективного сотрудничества и координации между странами для решения возникающих проблем и обеспечения надлежащей защиты ИС.

В заключение, международные механизмы защиты интеллектуальной собственности являются краеугольным камнем в обеспечении инновационного развития и экономического роста. Однако их успешная реализация требует постоянной адаптации и совершенствования, чтобы соответствовать новым вызовам, возникающим на фоне глобализации и цифровизации.

Эффективность и пробелы в правоприменении

Несмотря на существование международных соглашений, таких как TRIPS, их практическое применение и эффективность сталкиваются с рядом серьезных проблем. Одной из главных трудностей является разнообразие правовых систем и уровней экономического развития стран-участниц. Это приводит к значительным различиям в правоприменительной практике и эффективности защиты интеллектуальной собственности.

Одна из ключевых проблем заключается в том, что многие развивающиеся страны, хотя и обязаны соблюдать международные стандарты, часто не имеют достаточных ресурсов и инфраструктуры для их эффективного внедрения, и контроля. Это приводит к слабой защите прав интеллектуальной собственности и создает благоприятные условия для пиратства и нелегального копирования, особенно в цифровой сфере.

Проблемы пиратства остаются актуальными, особенно в развивающихся странах. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, ежегодные потери в результате пиратства составляют миллиарды долларов, что наносит значительный ущерб правообладателям и экономике в целом. Важную роль в решении этих проблем играют национальные правительства, которые должны внедрять более строгие меры правоприменения и повышать уровень осведомленности о важности защиты интеллектуальной собственности.

Цифровизация создает новые формы нарушения прав интеллектуальной собственности, такие как онлайн-пиратство и незаконное распространение контента. Интернет и цифровые технологии, с

одной стороны, открывают новые возможности для распространения и потребления контента, с другой стороны, увеличивают риски нелегального использования и копирования [4, с. 210]. Это требует от международного сообщества разработки новых стратегий и технологий для мониторинга и предотвращения таких нарушений.

Эффективность международных механизмов защиты интеллектуальной собственности также зависит от уровня сотрудничества между государствами. Многие проблемы можно решить только через совместные усилия, обмен опытом и лучшими практиками. Например, международные организации, такие как ВТО и WIPO, играют важную роль в координации таких усилий и разработке глобальных стратегий по улучшению защиты интеллектуальной собственности [5, с. 50].

В заключение, для повышения эффективности международных механизмов защиты интеллектуальной собственности необходимо не только совершенствование правовых норм, но и реализация комплексных мер, направленных на укрепление национальных систем защиты ИС, развитие международного сотрудничества и адаптацию к новым вызовам цифровой эпохи.

Влияние цифровизации

Цифровизация оказывает глубокое влияние на защиту интеллектуальной собственности, открывая новые горизонты для инноваций, но также создавая значительные вызовы для правообладателей. Развитие интернета и цифровых технологий радикально изменило способы создания, распространения и использования интеллектуальных продуктов

Одним из ключевых аспектов цифровизации является упрощение доступа к информации и контенту. Это, с одной стороны, способствует распространению знаний и креативных идей, но с другой стороны, увеличивает риски нелегального копирования и пиратства. По оценкам Международной федерации фонографической индустрии (IFPI), онлайн-пиратство продолжает оставаться серьезной проблемой для музыкальной индустрии, приводя к значительным экономическим потерям.

Традиционные методы защиты интеллектуальной собственности часто оказываются неэффективными в условиях цифровой среды. Это требует разработки новых стратегий и инструментов, которые могли бы более эффективно реагировать на вызовы цифровой эпохи. Одним из таких инструментов является использование технологий блокчейн для отслеживания прав собственности и контроля за использованием контента. Блокчейн позволяет создавать прозрачные и надежные системы учета прав, что может значительно снизить уровень мошенничества и нелегального использования.

Еще одним важным аспектом является использование искусственного интеллекта (ИИ) для мониторинга и обнаружения нарушений прав интеллектуальной собственности. ИИ может анализировать огромные объемы данных и выявлять случаи нелегального использования контента, что позволяет правообладателям более эффективно защищать свои права [6, с. 112].

Цифровизация также требует пересмотра международных правовых норм и стандартов. Международные организации, такие как Всемирная организация интеллектуальной собственности, активно работают над адаптацией существующих соглашений к новым реалиям цифровой эпохи, предлагая более гибкие и современные подходы к защите интеллектуальной собственности.

Рекомендации и перспективы

Для повышения эффективности защиты интеллектуальной собственности в условиях глобализации и цифровизации необходимы комплексные меры, которые включают как совершенствование международного правового регулирования, так и внедрение современных технологий. Эти меры должны учитывать динамичное развитие цифровой экономики и возникающие вызовы.

Во-первых, национальные правительства и международные организации должны усилить сотрудничество в области защиты интеллектуальной собственности. Это включает обмен передовым опытом и лучшими практиками, а также разработку совместных стратегий для борьбы с пиратством и нелегальным копированием. Международная торговая палата (ICC) подчеркивает важность глобального сотрудничества для эффективного контроля и защиты интеллектуальной собственности.

Во-вторых, необходимо пересмотреть и обновить международные соглашения, такие как TRIPS, чтобы они отражали современные реалии цифровой экономики. Это требует более гибких правовых рамок, способных адаптироваться к новым формам нарушения прав интеллектуальной собственности.

Третьим важным аспектом является внедрение новых технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, в процессы защиты и управления интеллектуальной собственностью. Эти технологии могут обеспечить более прозрачное и надежное отслеживание прав собственности и предотвращение нарушений. Они также могут помочь автоматизировать и улучшить процессы выявления и пресечения нарушений.

Образовательные программы и кампании также играют ключевую роль в повышении осведомленности о важности защиты интеллектуальной собственности. Они должны быть направлены как на правообладателей, так и на пользователей, чтобы формировать культуру уважения к интеллектуальной собственности и соблюдения прав.

В заключение, для обеспечения надежной защиты интеллектуальной собственности в условиях глобализации и цифровизации необходим комплексный подход, сочетающий правовые, технологические и образовательные меры. Это позволит не только улучшить защиту прав обладателей интеллектуальной собственности, но и стимулировать инновационное развитие в глобальном масштабе.

Защита прав интеллектуальной собственности в условиях глобализации и цифровизации является сложной и многогранной задачей, требующей согласованных усилий на международном уровне. Совершенствование правоприменительных механизмов и адаптация к цифровым вызовам станут ключевыми факторами в обеспечении эффективной защиты ИС в будущем.

Список источников

1. Gervais, D. The TRIPS Agreement: Drafting History and Analysis / D. Gervais. – 2nd ed. – London : Sweet & Maxwell, 2012. – 645 p.
2. WIPO. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works. – Geneva : WIPO, 1886. – 128 p.
3. Maskus, K. E. Intellectual Property Rights in the Global Economy / K. E. Maskus. – Washington, DC : Institute for International Economics, 2000. – 292 p.
4. Yu, P. K. Intellectual Property and Information Wealth: Issues and Practices in the Digital Age / P. K. Yu. – Westport : Praeger, 2011. – 396 p.
5. Sell, S. K. Private Power, Public Law: The Globalization of Intellectual Property Rights / S. K. Sell. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 234 p.
6. Chesbrough, H. W. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology / H. W. Chesbrough. – Boston : Harvard Business School Press, 2020. – 227 p.

© А.М. Казак, 2025

УДК 341

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В АСПЕКТЕ ВЗЫСКАНИЯ ВНЕШНЕЙ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

НЕКРАШЕВИЧ СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА

магистрант

УО «Белорусский государственный экономический университет»

Научный руководитель: Шарпа Инга Александровна

к.ю.н., доцент

УО «Белорусский государственный экономический университет»

Аннотация: Настоящая статья посвящена влиянию цифровых технологий на прокурорскую деятельность в условиях 21 века, акцентируя внимание на их роли в повышении эффективности надзора за исполнением законодательства, особенно в сфере внешнеэкономической деятельности. Статья анализирует проблемы, возникающие при осуществлении прокурорского надзора, включая недостаточный контроль за выполнением договорных обязательств и сложности в уведомлении иностранных контрагентов. Учитывая вышеизложенное, подчеркивается необходимость внедрения цифровых технологий для оптимизации прокурорской деятельности, повышения дисциплины расчетов и реального возврата валютной выручки в страну. В заключение, авторы предлагают рассмотреть пути цифровизации надзорной деятельности прокуратуры как средство повышения ее эффективности и обеспечения законности в сфере внешнеэкономических отношений.

Ключевые слова: Прокурорский надзор, внешняя дебиторская задолженность, иностранные контрагенты, претензионно-исковая работа, цифровизация, проверки, судебный порядок.

IMPROVEMENT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE ASPECT OF COLLECTING EXTERNAL ACCOUNTS RECEIVABLE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Nekrashevich Svetlana Anatolevna*Scientific adviser: Sharpa Inga Aleksandrovna*

Abstract: This article is devoted to the impact of digital technologies on prosecutorial activities in the 21st century, focusing on their role in improving the effectiveness of supervision over the implementation of legislation, especially in the field of foreign economic activity. The article analyzes the problems that arise in the implementation of prosecutorial supervision, including insufficient control over the fulfillment of contractual obligations and difficulties in notifying foreign counterparties. Taking into account the above, the need for the introduction of digital technologies is emphasized in order to optimize prosecutorial activities, increase the discipline of calculations and the real return of foreign exchange earnings to the country. In conclusion, the authors propose to consider ways to digitalize the supervisory activities of the prosecutor's office as a means of increasing its effectiveness and ensuring legality in the field of foreign economic relations.

Keywords: Prosecutor's supervision, external accounts receivable, foreign counterparties, claims and claims work, digitalization, inspections, judicial procedure.

Особую роль в общественной жизни в 21 веке занимают цифровые технологии, которые, в свою очередь, делают более эффективной любую деятельность ранее не представленной в цифровой среде. Они позволяют сократить время рассмотрения стоящих перед обществом вопросов, проблем и достигнуть новых результатов во всех сферах жизни.

Процесс цифровизации коснулся уже многих сфер общественной жизни, не исключением является система органов прокуратуры в том числе. Вместе с тем, цифровизация прокурорской деятельности сопряжена с рядом сложностей и проблем, что и предопределило тему исследования. Внедрение цифровых технологий в более узкие сферы прокурорского надзора позволит повысить эффективность обеспечения законности на территории Республики Беларусь, кроме того, это повысит эффективность и скорость реагирования прокуратуры на современные вызовы и проблемы [1, с. 216].

Так, в последние годы надзор за исполнением законодательства при осуществлении внешнеторговой деятельности стал одним из направлений надзорной деятельности прокуроров. Его целью является повышение дисциплины расчетов, сокращение просроченной внешней дебиторской задолженности, возврат валютной выручки в страну.

Практика прокурорского надзора свидетельствует о том, что образование и рост просроченной внешней дебиторской задолженности (сумма неоплаченной контрагентом по договору стоимости поставленной продукции, выполненных работ, оказанных услуг, не поставленного на сумму внесенного аванса (предоплаты) оборудования, комплектующих или товара) нередко являются следствием ненадлежащей организации на предприятиях преддоговорной, договорной и претензионно-исковой работы, принятия руководителями предприятий решений по внешнеторговым сделкам с превышением полномочий, определенных уставными и распорядительными документами.

Белорусскими организациями не всегда в полной мере обеспечивается контроль за эффективностью деятельности субъектов товаропроводящих сетей, выполнением договорных обязательств, не исключаются условия, способствующие образованию просроченной задолженности и принятию решений, противоречащих национальным интересам. Зачастую товаропроводящие сети играют роль инструмента для достижения доведенных показателей по разгрузке складов и экспорту. Актуальным вопросом также является надлежащее уведомление иностранного контрагента и возможность направления корреспонденции в его адрес. При проведении претензионной работы, которая предусмотрена почти абсолютным количеством договоров, заключенных между белорусскими организациями и зарубежными контрагентами, возникают сложности удостоверения в получении претензии и других документов, что вынуждает в дальнейшем отечественные организации обращаться в суд, что влечет дополнительные материальные издержки.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами деятельность прокурора при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере внешнеэкономической деятельности должна быть направлена на выявление нарушений, обеспечение взыскания просроченной задолженности в судебном порядке, принятие мер реагирования, способствующих реальному возврату валютной выручки в страну, а также привлечение лиц, виновных в образовании просроченной дебиторской задолженности, к установленной законодательством ответственности. С этой целью видится необходимым рассмотреть вариант цифровизации данного направления надзора в деятельности органов прокуратуры.

Для определения понятия «цифровизация» обратимся к С.М. Зубареву, который в своих исследованиях цифровизации как правового феномена, отмечает, что «цифровизацию можно рассматривать как процесс применения цифровых технологий в различных сферах, тогда как цифровая трансформация предполагает наступление конкретных результатов от их применения. Именно в таком контексте дано определение указанного понятия в решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. №12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»: «Цифровая трансформация» – проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принципах

пильном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов» [2, с. 15].

Процесс цифровизации и цифровая трансформация не могут не затронуть и сферу государственного управления.

Так, на Форуме Союза юристов «Право в современном мире» профессиональное юридическое сообщество обсуждало наиболее актуальные вопросы в сфере права, в том числе связанные с развитием цифровых технологий. Выступающими был поднят вопрос о правовых основах создания и функционирования системы государственного управления в сфере цифрового развития.

Отмечено, что основные правовые акты, которые сегодня регулируют вопросы цифровизации, – это Указ от 07.04.2022 №136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» (далее – Указ №136) и Указ от 29.11.2023 №381 (ред. от 14.03.2024) «О цифровом развитии» (вместе с «Положением о порядке реализации и финансирования мероприятий в сфере цифрового развития, осуществления государственных закупок в данной сфере», «Положением о порядке реализации и финансирования пилотных проектов в сфере цифрового развития») (далее – Указ №381). Именно эти документы определяют основные направления и систему управления в сфере цифрового развития.

Согласно Указу №136 введена система государственного управления в сфере цифрового развития, которая четко распределяет функции и обязанности между регуляторами. Сегодня сформировано три регулятора:

- 1) Министерство связи – выступает координатором деятельности госорганов и государственных организаций;
- 2) Национальный банк Республики Беларусь – отвечает за цифровизацию банковского сектора;
- 3) ОАЦ – регулирует сферу защиты информации и вопросы использования межведомственных государственных информационных систем.

Указ №136 прописывает систему государственного управления. Она включает Минсвязи, госорганы и государственные организации, в составе которых определены должностные лица, ответственные за вопросы цифрового развития. Также определены «офисы цифровизации». Фактически это существующие государственные организации, которые должны, взять на себя роль IT-разработчиков, закрывающих все вопросы, связанные с цифровизацией отрасли.

В рамках Указа №381 установлены основные направления цифрового развития в Республике Беларусь до 2030 года:

- 1) развитие отечественных программно-технических средств, информационных и других передовых технологий;
- 2) внедрение информационных и других передовых технологий, включая создание и использование государственных цифровых платформ, масштабирование результатов пилотных проектов в сферах промышленности, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, транспорта и связи, строительства, торговли, государственной статистики, экологии, жилищно-коммунального хозяйства, государственного управления, а также в социально-трудовой сфере;
- 3) организация обмена данными в рамках Евразийского экономического союза;
- 4) региональное цифровое развитие, включая создание государственной цифровой платформы «Умный город (регион)»;
- 5) совершенствование оказания государственными органами и государственными организациями, а также хозяйственными обществами, в отношении которых Республика Беларусь либо административно-территориальная единица, обладающая акциями (долями в уставных фондах), может определять решения, принимаемые этими хозяйственными обществами (далее, если не определено иное, – государственные органы и организации), электронных услуг и осуществления административных процедур в электронной форме в проактивном формате;
- 6) перевод не менее 75 процентов административных процедур в электронную форму.

По нашему мнению, цифровизация государственного управления – это процесс внедрения в деятельность государственных органов цифровых технологий, позволяющих осуществить качественные

преобразования в реализации государственных функций и оказании государственных услуг, обеспечить эффективное взаимодействие граждан и государства. При этом цифровая трансформация предполагает наступление конкретных социально значимых результатов от применения цифровых технологий в государственном управлении».

Танимов О.В. отмечает, что «в настоящий момент не существует единого понятия цифровизации. В контексте права цифровизацию можно рассмотреть как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы. Она, можно сказать, стирает грани между отраслями права, ведь информация и технологии присутствуют уже в каждой отрасли. Они постепенно становятся общим знаменателем и способны определять единую логику права. Термин «цифровизация» в последнее время стал часто появляться не только в материалах специализированных исследований, но и в официальных документах государственных органов. Он имеет различные значения [3, с. 13].

Внедрение в деятельность прокурора информационных систем обусловлено развитием технологий, общества и государства. Вместе с тем сейчас этот процесс не так совершенен.

Таким образом, с целью совершенствования прокурорского надзора наблюдается перспектива внедрения новых алгоритмов машинного обучения, а также автоматизированных систем, государственных цифровых платформ, которые вместе с тем соответствуют одному из направлений цифрового развития Республики Беларусь. Цифровые системы позволили бы обрабатывать большие объёмы данных, предоставляемых организациями о состоянии внешней дебиторской задолженности, а также могли бы улучшить качество проводимых проверок. Автоматизированные системы могут взаимодействовать с другими источниками для получения от них информации, что определенно положительно повлияет на механизм проведения проверок в целом. Прокурор в таком случае будет обладать всей информацией целиком, что положительно скажется на результатах проведенных проверок.

Так, из анализа вышеизложенных фактов установлена необходимость в разработке цифровой платформы, которая будет соответствовать требованиям цифровых технологий. В первую очередь, одной из задач платформы будет сбор и обработка информации по наличию внешней дебиторской задолженности, в том числе по состоянию на каждый месяц, с возможностью автоматизированного обновления данных, что позволит качественно и на новом уровне подходить к процедуре взыскания задолженности.

Необходимо, чтобы цифровая система в своем функционале имела опцию составления (формирования) отчетов, в том числе в виде таблиц и других форм, упрощающих восприятие информации. Кроме того, системой должна быть обеспечена возможность изменения и настройки столбцов, строк, граф или других разграничительных факторов для формирования отчета по заданным параметрам в зависимости от этапа и стадии проведения проверки.

Таким образом, можно резюмировать, что ежедневно роль цифровизации во всех сферах жизни растет, следовательно, возрастает необходимость оптимизации процессов, связанных в том числе с прокурорским надзором в части проверок внешней дебиторской задолженности.

Основной целью внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры является достижение более эффективных результатов проведенных проверок, а также в соблюдении законности организациями при ведении работы с внешней дебиторской задолженностью, а также повышение качества проводимых процедур и совершаемых белорусскими организациями действий, направленных на коммуникацию с зарубежными контрагентами. Цифровизация деятельности прокуратуры, в частности проверок внешней дебиторской задолженности, – сложный и многоэтапный процесс, но автоматизированные программы и электронный документооборот помогут повысить качество, уровень и скорость работы правоохранительных органов, что будет способствовать повышению законности и результативности прокурорской деятельности.

Список источников

1. Yumagulova, N.A. Prosecutorial activity in the context of digitalization / N.A. Yumagulova // Young Scientist. – 2022. – № 1 (396). – Pp. 215-218.
2. Zubarev, S.M. Digital technologies in the system of state and public control. Theoretical and legal

aspects / S.M. Zubarev, S.V. Sabayeva, E.A. Lebedeva, A.V. Sladkova. – Moscow : Prospekt, 2023. – 184 p.

3. Tanimov O.V. Transformation of legal relations in the context of digitalization / O.V. Tanimov // Actual problems of Russian law. - 2020. – No. 2. – pp. 11-18.

© С.А. Некрашевич, 2025

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

ЕВТУХОВА АННА СЕРГЕЕВНА,
ОКСЕНЕНКО ИВАН ВАЛЕРЬЕВИЧ

слушатели

«Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина»

Научный руководитель: Щукин Владимир Иванович

профессор кафедры криминалистики, к.ю.н., доцент

«Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина»

Аннотация: Убийства, совершенные в состоянии аффекта, являются дискуссионным вопросом в области расследования преступлений против личности. В данной статье рассматривается методика раскрытия убийств, совершенного в состоянии аффекта, субъективная и объективная сторона данного деяния.

Ключевые слова: состояние аффекта, органы внутренних дел, методика, убийство, субъективная и объективная сторона.

THE METHODOLOGY OF INVESTIGATING MURDERS COMMITTED IN A STATE OF PASSION

Evtuhova Anna Sergeevna,
Oksenenko Ivan Valerievich

Scientific adviser: Shukin Vladimir Ivanovich

Abstract: Murders committed in a state of passion are a controversial issue in the field of investigating crimes against the person. This article discusses the method of solving murders committed in a state of passion, the subjective and objective side of this act.

Key words: state of passion, internal affairs bodies, methodology, murder, subjective and objective aspects.

В настоящее время убийство, совершенное в состоянии аффекта, имеет сложный и неоднозначный характер. Методика расследования данного вида преступления представляет определённую трудность для сотрудников органов внутренних.

Прежде чем выявить основные способы расследования опасного виновного деяния, обратимся к такому понятию, как «состояние аффекта». Состояние аффекта – это сильное эмоциональное переживание, душевное волнение, которое вызвано конкретной стрессовой ситуацией. Находиться в состоянии аффекта значит быть «не в себе», не отдавать отчёт своим действиям и не предавать значимость поступкам, а также последствиям, которые наступят после их совершения.

На основании статьи 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, убийство, совершённое в состоянии аффекта, представляет собой деяние, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Все факторы, которые представлены в определении име-

ют значение для выбора методики расследования убийств, совершённых в состоянии аффекта. В зависимости от влияния потерпевшего на будущего субъекта данного вида преступления будет выстраиваться план раскрытия и выдвижение следственных версий.

Методика основывается, в первую очередь, на криминалистической характеристике преступления. Она зависит от способа совершения, способа сокрытия, обстановки совершения и характеристики личности преступника и потерпевшего. Что касается способа совершения деяния, предусмотренного статьей 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, по общему правилу оно совершается внезапно и неожиданно. В большинстве случаев, это ответная реакция на противоправные действия потерпевшего. Но не являются исключением такие ситуации, когда ответную реакцию виновный реализует спустя какой-то промежуток времени. Например, если обратиться к сфере семейно-бытовых преступлений в отношении женщин, которые испытывают регулярное психологическое и физическое насилие от своего супруга. Первоначально, они не осознают полное отрицательное влияние на них и не понимают те последствия, которые могут наступить с их стороны в отношении лица, которое над ними истязается. По статистике орудием их преступления выступают те предметы, которые не предназначены для причинения смерти, преимущественно предметы бытового назначения: нож, топор, галстук, камень, полотенце.

Следующий фактор, который влияет на методику расследования, это способ сокрытия преступления. Так как данные деяния совершаются вследствие неправильной оценки своих действий, виновные обращаются в территориальные органы внутренних дел путем явки с повинной и деятельным раскаянием, ибо они чувствуют свою вину и готовы нести наказание за свои поступки. В убийстве, совершённом в состоянии аффекта, как правило, способы явного сокрытия преступления отсутствуют.

Не маловажную роль при расследовании данного вида убийств играет обстановка совершения преступления. Такие деяния происходят по месту жительства обвиняемого или потерпевшего, у родственников или близких знакомых. Органам предварительного следствия при обследовании обстановки важно понимать, при каких внешних обстоятельствах наступило состояние аффекта виновного.

Так же нужно уделить особое внимание характеристике личности преступника и потерпевшего. Существует два вида виктимного поведения – действие или бездействие, как фактор возникновения аффекта у субъекта преступления. В первом случае, это противоправное поведение, к которому можно отнести регулярное физическое насилие, тяжкие оскорбления, издевательства и унижения. Во втором случае, это аморальное поведение, например, супружеская измена и колоссальная ревность. Все эти виды являются внешними раздражителями и приобретают характер агрессивных вспышек, в будущем создающих сильное душевное волнение обвиняемого.

Учитывая все выше приведённые характеристики, выстраиваются методики расследования. При раскрытии убийств, совершённых в состоянии аффекта, чётко устанавливается объективная сторона, исследуются психологические стороны лица, совершившего преступление. При раскрытии данного вида проводятся следственные действия и комплекс оперативно – розыскных мероприятий, которые направлены на выявление объективной и субъективной стороны. В ходе предварительного следствия должны быть найдены ответы на такие вопросы, как, являлось ли убийство действительно совершенным в состоянии аффекта, было ли какое-либо влияние на виновного со стороны потерпевшего, из-за чего наступило сильное душевное волнение у обвиняемого: насилие, истязательство или длительные психологические травмы.

Так же важно определить промежуток времени, начиная с момента провокации потерпевшим виновного и до момента совершения убийства. Такую информацию следователь может получить в ходе допроса свидетелей, очной ставки или путем проведения оперативно – розыскных мероприятий, таких как опрос, наблюдение.

Для успешного раскрытия данного вида преступления необходимо выстроить правильный план расследования. На первом этапе необходимо провести осмотр места происшествия для дальнейшего анализа обстоятельств дела. Не маловажно тщательно осмотреть труп на месте его обнаружения, привлекая специалистов в области судебной медицины. Так же, чтобы выдвинуть первоначальные следственные версии, требуется осуществить допрос соседей, близких знакомых, возможно, родствен-

ников обвиняемого и потерпевшего. При расследовании убийств, совершенных в состоянии аффекта, такое следственное действие как допрос является основополагающим, так как виновный мог делиться своими душевными переживаниями с другими лицами, чтобы перебороть свою агрессию и склонность к совершению преступления.

Следователь должен провести личный обыск виновного для обнаружения предмета, которым было совершено убийство, обратить внимание на принадлежность данного орудия к виду преступления.

На втором этапе следует допросить виновного, поставив ему те вопросы, которые будут относиться к квалификации дела. Важный момент, что при допросе должен присутствовать специалист в области психиатрии, чтобы в полной мере оценить эмоциональное состояние преступника.

В дальнейшем необходимо осуществить проверку показаний на месте, где ранее допрошенное лицо воспроизводит обстановку и обстоятельства события, демонстрирует определённые действия, которые совершил в отношении потерпевшего. В последующем необходимо провести криминалистические экспертизы вещественных улик, которые были обнаружены на месте преступления, для установления определённой доказательственной базы по уголовному делу.

Таким образом, подводя итоги данного исследования, можно сделать вывод, что вопрос расследования убийств, совершенных в состоянии аффекта является на настоящий период времени дискуссионным. Совершаются множественные ошибки сотрудниками органов внутренних дел при раскрытии данного вида преступлений. Для решения этой проблемы необходимо тщательно производить осмотр места происшествия, выдвигать более правильные следственные версии по уголовному делу и проводить судебную психиатрическую экспертизу, для определения психологического состояния виновного, и установления критерия по такому понятию, как состояние аффекта.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 – Текст: электронный.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)"
3. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024).
4. Мельниченко А.Б. Мотивы преступлений, совершаемых в состоянии аффекта // Проблемы уголовно – правовой борьбы с преступностью – 2017. – №11. – С. 45 – 46.
5. Шель Ю.А. Убийство в состоянии аффекта // Законность. – 2015. – №2 – С.11 – 12.

© А.С. Евтухова, И.В. Оксененко, 2025

УДК 343.121

ЗНАЧЕНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

ГАРЕЕВА ЭЛЬВИРА РИФОВНА

старший преподаватель

КУЗНЕЦОВ РОМАН АРКАДЬЕВИЧ

студент

Стерлитамакский филиал СФ УУНиТ Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: Настоящая статья посвящена особенностям привлечения подозреваемого в качестве обвиняемого, а также значению данного процессуального действия. Проведен анализ процессуальных актов, таких как, например, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а также их содержание.

Ключевые слова: обвиняемый, подозреваемый, процессуальный статус, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение.

THE IMPORTANCE OF ATTRACTING AS AN ACCUSED PERSON

**Gareeva Elvira Rifovna,
Kuznetsov Roman Arkadievich**

Abstract: This article is devoted to the peculiarities of bringing a suspect as an accused, as well as the significance of this procedural action. An analysis of procedural acts, such as, for example, a decision to bring as an accused, as well as their content, was carried out.

Keywords: accused, suspect, procedural status, decision to charge as an accused, indictment.

Одной из особенностей стадии предварительного расследования является наличие такого процессуального субъекта как обвиняемый.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, обвиняемым является лицо, в отношении которого предъявлено обвинение. В то же время, обвинение, согласно ст. 2 УПК РФ, это утверждение о совершении лицом преступления, выдвинутого в установленном законом порядке.

Обвинение может быть предъявлено только подозреваемому. Исходя из доктрины уголовного процесса, обвинение представляет собой более «точное и уверенное» представление о том, что расследуемое общественно-опасное деяние совершено конкретным лицом. Данная «уверенность» возникает в ходе выполнения первоначальных следственных действий, когда все больше улик указывают на причастность подозреваемого к совершенному преступлению. На это могут указывать показания потерпевшего и свидетеля, результаты осмотра места происшествия и обыска, просмотренные видеозаписи с камер наблюдения и т.п. [1, с. 204]

Тем самым, если причастность лица к совершенному преступлению не подтверждает и улики указывают на то, что в действиях подозреваемого отсутствуют признаки состава расследуемого преступления, то данному лицу обвинение не предъявляется.

Однако правоприменительная практика сильно отличается от изначально заложенного в уголовно-процессуального законодательства смысла. Предъявление обвинения подозреваемому фактически является неминуемым этапом трансформации подозреваемого в обвиняемого. Зачастую обвинение предъявляется подозреваемому незамедлительно и данный процесс превращается в некую формаль-

ность. Если следствие не уверено в причастности лица к совершенному деянию, то ему не присваивается статус подозреваемого, а уголовное дело возбуждается по факту совершения преступления, а не в отношении лица.

Подобное положение дел зачастую обусловлено тем, что присвоение лицу статуса подозреваемого дает ему в последующем право на реабилитацию, если в его действиях будут отсутствовать признаки состава расследуемого преступления. Предъявление обвинения подобных возможностей подозреваемому не дает, поскольку они уже у него имеются с момента получения статуса подозреваемого.

Помимо прочего, предъявление обвинения значимых изменений в статус лица, совершившего преступление, не вносит. Он также может пользоваться теми же процессуальными правами, что и подозреваемый. Наиболее значимое изменение заключается в том, что если подозреваемому, в отношении которого избрана мера пресечения не было предъявлено обвинение в течение 10 суток, то избранная мера пресечения отменяется [2]. Данное обстоятельство вынуждает следствие предъявлять обвинение в кратчайшие сроки. Подобный порядок предъявления обвинения в следственной практике получило название «дежурное обвинение». Затем после того, как следствие получит более полные сведения о совершенном преступлении, результаты ревизий, судебных экспертиз – предъявляется обвинение в окончательной редакции.

Предъявление обвинения осуществляется в специальной процессуальной форме в виде постановления о привлечении в качестве обвиняемого (если осуществляется следствие), обвинительного акта (дознание), или обвинительного постановления (сокращенное дознание).

Из указанных процессуальных актов, обвинительный и обвинительное постановление по своему содержанию имеют схожести с обвинительным заключением, которое по своей процессуальной природе представляет собой окончательный документ, где перечисляются показания свидетелей, результаты проведенных экспертиз и иных следственных действий, которые легли в основу обвинения.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого является более самостоятельным актом, поскольку его содержание отличается от вышеуказанных актов. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого содержит в себе установленные в ходе следствия факты о причастности подозреваемого к совершенному преступлению. Указывается время совершения преступления, либо установленный диапазон времени; состояние лица на момент совершенного деяния (алкогольное, иное опьянение), место совершения преступления, факт соучастия с иными лицами, а также момент возникновения умысла; конкретные действия подозреваемого, которые составляют объективную сторону расследуемого преступления; наступившие последствия с указанием на результаты судебных экспертиз. Указанные факты должны быть основаны на результатах проведенных следственных действий. Если обвинение основано на результатах экспертизы, то следователь должен дословно ссылаться на выводы эксперта.

Поскольку предварительное расследование в форме следствия производится по наиболее важным и значимым преступлениям, то и к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого предъявляются более строгие требования. Разумеется, в данном случае речь идет об окончательном обвинении, поскольку «дежурное обвинение» содержит в себе, как правило, сведения из описательной части постановления о возбуждении уголовного дела.

В большинстве случаев, содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого согласуется с руководителем следственного органа, а иногда и с прокурором, которому будет направлено уголовное дело с обвинительным заключением после выполнения требований ст. 217 УПК РФ [2]. Подобное, с одной стороны позволяет избегать ошибок в составлении процессуального акта, а также неправильных выводов по результатам предварительного расследования, но с другой стороны, данная практика нарушает принцип самостоятельности следователя при расследовании уголовного дела, который закреплен в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ [3, с. 269].

После привлечения в качестве обвиняемого, следователь осуществляет допрос обвиняемого. Цель допроса – получение полных правдивых показаний об обстоятельствах, имеющих значение для расследования уголовного дела [4,].

Ограничение самостоятельности следователя на практике является вынужденной мерой, поскольку во многих случаях причиной возвращения уголовного дела прокурором для дополнительного

расследования является содержание грубых ошибок в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Данный акт вручается подозреваемому и его защитнику после вручения обвинения, в связи с чем в указанный акт нельзя вносить исправления и дополнения. Нередко, в нарушении п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, следователь не вручает копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого подозреваемому, особенно если его защитником является адвокат по назначению. Это позволяет при необходимости вносить изменения в текст обвинения. Разумеется, подобная практика является нежелательной, поскольку может повлечь за собой более существенные нарушения прав указанного лица. Так, например, обвинение с изначальной статьи Особенной части УК РФ может быть квалифицировано на более тяжкое преступление той же статьи (например, с ч. 1 ст. 139 УК РФ на ч. 3 указанной статьи).

Таким образом, привлечение подозреваемого в качестве обвиняемого является закономерной процедурой при котором лицо, подозреваемое в совершении преступления приобретает статус обвиняемого. Факт привлечения подозреваемого в качестве обвиняемого указывает на то, что органы предварительного расследования уверены в причастности данного лица к совершенному преступлению и не намерены прекращать уголовное дело за отсутствием в его деянии состава преступления. Обвинительный акт (обвинительное постановление, постановление о привлечении в качестве обвиняемого) содержит в себе выводы органов дознания (следствия) о причастности к совершенному деянию и основываются на установленных в ходе расследования сведениях.

Список источников

1. Жумаканова Н.А. Обвинение как правовое явление в уголовном процессе России // Право, экономика и управление: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 09 июля 2021 года / БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. С. 203-206.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
3. Прокопенко М.Е. Государственное обвинение в уголовном процессе РФ: понятие, характер, значение // Молодежь и наука: шаг к успеху: Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 5-ти томах, Курск, 19–20 марта 2020 года / Ответственный редактор А.А. Горохов. Том 2. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 268-269.
4. Хамидуллина Р.Р., Гареева Э.Р. К вопросу о некоторых тактических приемах допроса подозреваемого (обвиняемого) лица // E-Scio. № 5 (68). 2022. С. 453-458.

УДК 343.9

ПОРЯДОК ВЫДВИЖЕНИЯ И ПРОВЕРКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ

ГАРЕЕВА ЭЛЬВИРА РИФОВНА

старший преподаватель,

ВАЛЕЕВ РУМИЛ АМИРОВИЧ

студент

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Аннотация: Настоящая статья посвящена особенностям выдвижения криминалистических версий, а также проблемам, которые возникают при их выдвижении. Методами исследования являются анализ, абстрагирование и индуктивный метод.

Ключевые слова: криминалистическая версия, предварительное расследование, преступление, обвиняемый, осмотр места происшествия.

PROCEDURE FOR PROMOTION AND CHECKING FORENSIC VERSIONS

**Gareeva Elvira Rifovna,
Valeev Rumil Amirovich**

Abstract: This article is devoted to the peculiarities of putting forward forensic versions, as well as the problems that arise when putting them forward. Research methods are analysis, abstraction and inductive method.

Keywords: forensic version, preliminary investigation, crime, accused, inspection of the crime scene.

Расследование преступлений представляет собой сложный многоступенчатый процесс, ход производства которого может пойти иным образом, чем изначально предполагало лицо, которое осуществляет следствие или дознание. Подобное обусловлено тем, что следователь вынужден исходя из имеющихся данных строить предположение о произошедшем событии. Могут быть разные предположения о том, что именно произошло, какое именно было совершено преступление и кто мог его совершить. Иными словами, лицо, осуществляющее предварительное расследование строит разные версии.

Криминалистическая версия представляет собой обоснованное материалами уголовного дела предположение о совершенном противоправном деянии, либо о произошедшем событии, которое может представлять собой преступление.

Лицо, осуществляющее предварительное расследование не может на пустом месте строить версии о произошедшем событии и необходимо иметь объективные основания полагать, что могло случиться то или иное событие, либо же преступление могло быть совершено конкретным лицом [1, с. 39]. Выдвижение тех или иных версий позволяет задавать ход предварительному расследованию и исходя из выдвинутой версии следователь определяет какие следственные и процессуальные действия следует выполнить в первую очередь.

Например, из больницы поступило сообщение, что пациент, которого привезла автомашина скорой медицинской помощи скончался, предположительно в результате закрытой черепно-мозговой травмы. Причину смерти устанавливает судебно-медицинский эксперт, однако до начала экспертизы может пройти много времени, в связи с чем, следователь, зарегистрировав сообщение о преступлении должен строить версии произошедшего и определить какие следственные действия ему необходимо совершить. Каждая вновь полученная информация может формировать новые версии и опровергать

ранее выдвинутые. Сам факт получения умершим закрытой черепно-мозговой травмы может говорить о том, что:

1. умерший ударился головой при падении с высоты собственного роста;
2. умерший ударился головой при его столкновении посторонним лицом, что указывает на признаки преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, то есть, причинение смерти по неосторожности;
3. умерший, получил травму в результате дорожно-транспортного происшествия;
4. умерший получил травму в результате нанесения удара по голове тупым предметом, что указывает на признаки преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, либо ч. 4 ст. 111 УК РФ;
5. предположения о закрытой черепно-мозговой травме преждевременны, поскольку судебно-медицинская экспертиза еще не была проведена.

Как видно, одно лишь сообщение о преступлении может породить несколько криминалистических версий [2, с. 126]. Задачей следователя в данном случае будет устранение наименее вероятных версий, поскольку проверка каждой версии может привести следователя в тупик, либо же при проверке наименее вероятных версий, следы преступления могут быть утрачены. В связи с этим, следователь, определяя приоритетные версии должен также исходить из того – не будут ли утрачены те, или иные улики. Так, например, имеет смысл провести допрос свидетеля, который собирается уехать на продолжительное время на заработки на вахту. Обязательным является проведение осмотра места происшествия, поскольку следы на месте преступления могут быть утрачены по прошествии времени, либо же преступник может принять меры по их устранению. Не стоит также забывать, что заинтересованные лица умышленно могут загнать следователя по ложному следу и он потратит много времени на осмотр квартиры, которая расположена на другом конце города, либо же допросить свидетелей, которые имеют лишь косвенную информацию.

В связи с этим, для проверки всех возможных версий, следователь должен направить поручение о производстве отдельных следственных действий, либо о производстве оперативно-розыскных мероприятий в орган дознания [3, с. 230]. В данном поручении следователь указывает на необходимость проверки тех или иных версий, либо же наоборот, производство данных мероприятий должно позволить выдвинуть более подходящую версию произошедшего события.

К примеру, если, допустим в вышеуказанном примере, нет никаких свидетелей произошедшего, а вызов в скорую помощь осуществил мимо проходящий человек, то достаточно сложно выстроить криминалистическую версию, поскольку будет иметься слишком много вариаций произошедшего. Когда речь идет о выдвигании версий, то следует понимать, что их количество должно быть в разумных пределах. В связи с этим, задачей органов дознания в данном случае будет поиск сведений, которые могут позволить сузить количество предположений и построить определенное количество версий, по которые органы предварительного расследования и будут осуществлять свою работу.

В некоторых случаях, истинная причина произошедшего может быть и не обозначена как криминалистическая версия, поскольку органы следствия могли и не предполагать подобный вариант. Например, человек мог получить закрытую черепно-мозговую травму в результате падения на лестничной площадке. Однако, причиной падения могли послужить резко обострившаяся ишемическая болезнь сердца, которая могла быть спровоцирована принятием яда. Ошибкой следствия в выдвигании версии в данном случае будет то, что следователи акцентировали внимание на закрытой черепно-мозговой травме и тем самым проверяли только факты совершения насильственного преступления, упустив из виду то, что подобная травма могла быть следствием, а не причиной произошедшего. В связи с этим, следователь при построении версий должен уметь абстрагироваться от событий, которые, по его мнению, являются определяющими.

Выдвижение новых версий может повлечь за собой необходимость в проведении повторных, или дополнительных следственных действий. Так, например, если появляется версия об отравлении умершего, то возникает необходимость в проведении дополнительного осмотра места происшествия, поскольку на месте могут быть жидкости, продукты питания, которыми мог отравиться умерший. Повторный осмотр может быть обусловлен тем, что один из понятых, который принимал участие в ходе следственного действия мог оказаться преступником. При таких обстоятельствах, следственное дей-

ствие может быть признано незаконным, поскольку оно осуществлялось с лицом, которое в соответствии с УПК РФ, не должен иметь заинтересованность в исходе дела.

Таким образом, криминалистические версии выдвигаются по ходу осуществления следственных действий в результате получения различных сведений. Проводя следственные действия, следователь проверяет ту, или иную криминалистическую версию, либо же в результате его проведения он начинает строить новую версию. Криминалистическая версия позволяет выработать тактику расследования преступления, что, в свою очередь, может помочь изобличить участника уголовного судопроизводства в даче ложных показаний, либо подтвердить причастность лица к совершенному преступному деянию.

Список источников

1. Ревенко, Н.И. Этапы построения криминалистических версий // Законодательство и практика. – 2013. – № 1(30). – С. 38-40.
2. Карданов Р.Р. Некоторые особенности построения следственных версий // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3(31). С. 125-129.
3. Долгов С.Ф., Гареева Э.Р. Проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Право и государство: теория и практика. № 3 (195). 2021. С. 229-231.

УДК 343.9

ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ

ГАРЕЕВА ЭЛЬВИРА РИФОВНА

старший преподаватель

ГЛУХОДЕД ДАНИЛА ВИТАЛЬЕВИЧ

студент

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Аннотация: Настоящая статья посвящена особенностям проведения следственных действий в отношении недееспособных свидетелей и потерпевших. Обозначены проблемы, которые могут возникнуть при производстве следственных действий и пути их разрешения.

Ключевые слова: недееспособное лицо, свидетель, потерпевший, допрос, следственное действие.

TACTICS OF INVESTIGATIVE ACTIONS INVOLVING INCOMPATIBLE PERSONS

Gareeva Elvira Rifovna,**Glukhoded Danila Vitalievich**

Abstract: This article is devoted to the specifics of conducting investigative actions in relation to incapacitated witnesses and victims. The problems that may arise during investigative actions and ways to resolve them are outlined.

Keywords: incapacitated person, witness, victim, interrogation, investigative action.

Недееспособность является гражданско-правовой категорией и означает неспособность лица в полном объеме осуществлять свои гражданские права и нести ответственность. В уголовном праве имеется понятие невменяемость, вследствие установления которой гражданин не будет нести уголовную ответственность.

Фактическим основанием признания гражданина недееспособным является психический недуг, который не позволяет ему объективно воспринимать реальность, взаимодействовать с окружающими и т.п. Юридическим основанием признания гражданина недееспособным является судебная процедура, установленная административно-процессуальным законодательством.

Формально, недееспособные лица приравниваются к малолетним детям [2, с. 44]. В гражданском законодательстве они обладают таким же объемом прав и ограничений и над ними также устанавливается опека. В уголовном процессе наблюдается похожая картина, однако в криминалистике подобное отождествление является недопустимым.

Также как и дети, недееспособные лица могут стать участниками преступления – они могут стать свидетелями происшествия, а также потерпевшими. Нередко, преступники пользуются их психологическим недугом и неспособностью рассказать о произошедшем событии.

В связи с этим, важное значение имеет построение правильной тактики следственных действий при работе с недееспособными. Прежде всего, следователю следует установить форму недуга, а также причины его возникновения. В определенных случаях, у гражданина имеются лишь проблемы при контактировании с собеседниками, тогда как они могут полноценно воспринимать объективную реальность и понимать суть происходящего. В других случаях, они обладают лишь повышенной вспыльчивостью. Сложнее обстоят дела, если недееспособный обладает врожденной недееспособностью. В этом слу-

чае, получить доказательства по уголовному делу будет достаточно сложным.

Помимо прочего, следователю следует выяснить, обладает ли хорошей памятью допрашиваемый и имеются ли у него склонности к гиперболизации произошедшего. Отсутствие данных проблем дает надежду следователю на получение сведений о расследуемом происшествии. Остается лишь проблема воспроизведения данной информации. В этом следователю может помочь участие психолога, который обладая специальной компетенцией может помочь с установлением взаимосвязи с допрашиваемым лицом [3, с. 260]. Нередко, психологи выстраивают «опосредованную методику», когда они сначала задают вопросы, которые не имеют значения для дела. Так, например, психолог может начать разговор о погоде, о любимом кинофильме, о воспоминаниях из детства, либо же наоборот, рассказать о себе, о своих увлечениях и т.п. В этом случае, следователю следует подыграть психологу. Установив контакт, можно будет начать процесс установления обстоятельств произошедшего. Однако, в данном случае следует продолжить опосредованно задавать вопросы, как бы «ходя вокруг да около». Очевидно, что следственное действие может крайне сильно растянуться. Однако, уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает особые временные ограничения, как в случае с несовершеннолетними, поэтому закон не должен стать преградой на пути установления истины.

Важно, однако помнить, что если причиной недееспособности стало какое-то происшествие (ранение в ходе боевых действий, или в автокатастрофе), то следует избегать определенных вопросов и ассоциаций, иначе у допрашиваемого может случиться нервный срыв, либо же он полностью сосредоточится на данных воспоминаниях.

Если недееспособный является потерпевшим, то необходимо коррелировать его показания со следами преступления на его теле. Это позволит установить достоверность показаний потерпевшего. Однако при этом, следователю необходимо установить – имеются ли у потерпевшего склонности к аутоагрессии, либо же проблемы с координацией движений. Телесные повреждения, тем самым, у потерпевшего могут возникнуть вследствие самобичевания, либо собственной неосторожности. Следователю при этом, необходимо будет разграничить телесные повреждения, которые он получил или нанес себе сам от телесных повреждений, которые он, получив в результате совершения в отношении него преступления.

Нередко, недееспособные потерпевшие, ставшие жертвами преступлений против половой неприкосновенности, не осознают значимости совершенного в отношении них деяния. Более того, если подобные деяния в отношении них совершаются систематически, то они даже не будут акцентировать на этом свое внимание во время допроса, полагая, что деяния обвиняемого не являются преступными. В связи с этим, во время дачи показаний, следователь не должен использовать юридическую терминологию и спрашивать о противоправности, или преступности деяний. В конце концов, не допрашиваемые дают оценку произошедшему. Задачей следователя является выяснить лишь произошедшее событие, не оценивая его ни с точки зрения права, ни с точки зрения морали, поскольку преступник может внушить недееспособному потерпевшему, что содеянное не является преступным или аморальным. Соответственно внушенный потерпевший будет отрицать все на допросе, или в ходе проверки показаний на месте.

Достаточно спорным является вопрос оценки доказательств, полученных в результате допроса недееспособного лица. Сторона защиты будет ходатайствовать перед судом об исключении показаний такого лица, указав на то, что они не способны воспринимать объективную действительность, описывать события произошедшего, либо данные показания получены под влиянием давления, или внушения. В связи с этим, мы считаем, что следователю, помимо прочего, необходимо осуществить допрос опекуна недееспособного лица, свидетелей, знакомых с данным лицом, а также психолога, с которым взаимодействовал недееспособный. Указанные лица могут указать на то, склонен ли недееспособный к внушению, гиперболизации, имеет ли проблемы с восприятием окружающего мира и т.п. Кроме того, следует помнить, что любые показания, независимо от того, является ли лицо дееспособным, или нет являются субъективными и обвинение, помимо прочего, должно также строиться на объективных доказательствах, полученных, например, в результате судебных экспертиз, осмотров, обысков и т.п.

Список источников

1. Плотникова, Э. Д. Проблемы допроса недееспособного лица в уголовном процессе // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты: Сборник статей по материалам международной студенческой научно-практической конференции, Новосибирск-Симферопль, 25 мая 2017 года / Под редакцией С.А. Полякова, М.А. Михайлова, Е.А. Ануфриевой, Т.В. Омельченко. – Новосибирск-Симферопль: Новосибирский государственный технический университет, 2017. – С. 206-211.
2. Кашапов Р.М. Кузнецова С.М., Кучин О.С. Допрос свидетеля, страдающего психическим расстройством: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – № 4(49). – С. 44-49.
3. Гареева Э.Р., Бикаева И. Р. Участие психолога в допросе несовершеннолетних // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Калининград, 30 марта 2024 года. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. С. 260-262.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 340

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ О ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ И КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

САЖИН КРИСТИНА

студентка магистратуры Института экономики, управления и права
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Аннотация: статья посвящена анализу нормативно-правовых актов (далее по тексту – НПА), роли государства в защите информации о здоровье детей, контроле над исполнением законодательства в этой сфере и предложению ряда решений правового характера. В статье подробно анализируется действующее законодательство, выявляются основные проблемы и предлагаются меры по совершенствованию НПА, способные обеспечить конфиденциальность в данной области, где основной акцент сделан на ужесточение контроля над обработкой данных и разработке актуальных механизмов обеспечения конфиденциальности медицинских данных детей, а также предлагаются эффективные пути ускорения решения данной проблемы.

Ключевые слова: персональные данные, конфиденциальность, информация о здоровье детей, безопасность информации, защита данных, законодательство РФ.

THE ROLE OF THE STATE IN PROTECTING INFORMATION ABOUT CHILDREN'S HEALTH AND MONITORING THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION

Sazhin Kristina

Abstract: The article is devoted to the analysis of regulatory legal acts (hereinafter referred to as NPAs), the role of the state in protecting information about children's health, monitoring the implementation of legislation in this area, and proposing a number of legal solutions. The article analyzes in detail the current legislation, identifies the main problems and suggests measures to improve the NPA that can ensure confidentiality in this area, where the main focus is on tightening control over data processing and developing relevant mechanisms to ensure the confidentiality of children's medical data, as well as effective ways to accelerate the solution of this problem.

Keywords: personal data, confidentiality, information about children's health, information security, data protection, legislation of the Russian Federation.

В современном обществе носитель информации о здоровье детей является одной из важнейших задач государства. Утечка медицинских данных может негативно сказаться на правах и интересах детей [1]. Несмотря на наличие в РФ обширной правовой базы, на практике её реализация сталкивается с серьезными проблемами, особенно в условиях тотальной цифровизации. Целью настоящей работы является анализ действующего законодательства, выявление проблем правового аспекта, его практического применения и предложение решений, направленных на улучшение системы защиты данных о здоровье детей [2].

Защита информации о здоровье детей требует особого внимания со стороны государства, так как утечка конфиденциальной информации может отрицательно отразиться на здоровье и благополучие детей. Важными аспектами данной проблемы являются нарушения правовых норм, отсутствие контроля над их соблюдением и нарушения НПА.

В России существует обширное комплексное законодательство о защите информации о здоровье детей, которое основывается на нескольких основных законодательных актах и дополняется инструкциями и разъяснениями различных ведомств. Но имеется и ряд существенных недоработок, позволяющих утечку конфиденциальной информации о здоровье детей, что ведет к нарушению их законных прав и интересов.

Основные нормативно-правовые акты и их анализ.

1. Основной закон Российской Федерации - Конституция, гарантирует право на неприкосновенность личной жизни, включая устройства информации о состоянии здоровья (статья 23). Этот документ является основополагающим и служит основой всех последующих законов и НПА.

Однако, отсутствие механизмов реализации этих положений приводит к нарушениям конфиденциальности, особенно при цифровой обработке данных.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (далее по тексту – ФЗ-152) «О персональных данных»: считается основополагающим в регулировании процесса обработки индивидуальной информации, в том числе и информацию о здоровье. Он устанавливает единые правила сбора, обработки, хранения, использования и истребования персональных данных. Согласие родителей и опекунов на обработку персональных данных детей, является обязательным, согласно данному закону. Нарушение распоряжений ФЗ-152 влечет за собой административную, гражданскую и уголовную ответственность.

Главной проблемой в данном случае является недостаточная информированность родителей (опекунов) о необходимости согласия на обработку персональных данных их детей. Как вариант, предлагается организация просветительной работы с родителями (опекунами).

3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «О совершенствовании системы охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ-323). Данный документ регулирует отношения в области защиты здоровья граждан, включая обработку сведений об их состоянии здоровья. ФЗ-323 устанавливает требования к сохранению конфиденциальности врачебной информации, в том числе относящейся и к детям. Закон устанавливает круг лиц, которым предоставляется доступ к медицинской информации, и характеризует ответственность за её раскрытие.

4. Семейный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ) устанавливает нормы, касающиеся прав и прямых обязанностей родителей перед их детьми, включая шанс получения информации о здоровье и принятия решений о медицинском обслуживании.

Серьезной проблемой является отсутствие в законе конкретных инструкций по защите медицинских данных в семейных отношениях. Есть необходимость дополнить его статьями, устанавливающими права и обязанности родителей по защите медицинских данных детей.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ): устанавливает нормы, касающиеся гражданско-правовых взаимоотношений, возникающих при обработке информации, включая персональные данные.

Существенным недостатком в условиях тотальной цифровизации является отсутствие конкретных аспектов, касающихся неприкосновенности медицинской информации о детях [3].

6. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) Статьями 137, 140 установлена уголовная ответственность за незаконное получение и раскрытие конфиденциальной врачебной информации, включая данные о состоянии самочувствия детей.

Проблемой в данном случае является сложность установления виновных при утечке медицинской информации несовершеннолетних. Есть необходимость создания механизмов мониторинга и порядка расследования таких инцидентов [4].

Исходя из вышеизложенного, в условиях ускоряющейся цифровизации всех сфер жизни с целью устранения указанных проблем предлагаются следующие меры:

1. Законотворческие меры:

1.1. Дополнение ФЗ-152 нормами и положениями, регулирующими трансграничную передачу медицинских данных несовершеннолетних.

1.2. Усовершенствование ФЗ-323 ведением стандартов безопасности медицинских информационных систем.

1.3. В Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ "Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации" внести поправку о необходимости соблюдения права на конфиденциальность информации о здоровье детей и обязательном информированном согласии на обработку медицинских данных.

1.4. В Федеральном законе от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" внести поправку о мероприятиях по обеспечению безопасности электронных записей о здоровье детей и контроле над обработкой таких данных [5].

2. Создание специализированного надзорного органа, обеспечивающего надёжный контроль над защитой данных, способного проверять системы хранения и передачи информации.

3. Обучение и просвещение:

3.1. Организация обучающих курсов для родителей о защите данных детей.

3.2. Повышение квалификации медицинского персонала в сфере информационной безопасности.

4. Технические меры:

4.1. Разработка и внедрение современных методов шифрования

4.2. Актуализация систем хранения медицинских записей к современным условиям.

5. Ужесточение ответственности:

5.1. Увеличение штрафов и ужесточение иных мер ответственности за нарушение конфиденциальности.

5.2. Введение обязательного оповещения пострадавших в случае утечки информации и обязательной моральной компенсации пострадавшим за счет виновных.

Для выполнения этих мер со стороны государства потребуются:

1. Повышение экономической поддержки государственных органов для осуществления периодических проверок и контролирования за соблюдением законодательства.

2. Создание комплексных информационных систем, обеспечивающих безопасную передачу данных между медицинскими учреждениями.

3. Разработка процедур оперативного реагирования на случаи утечки данных, включительно системы уведомления для пострадавших.

4. Поддержка научных изысканий в сфере защиты информации о здоровье детей и создание рекомендаций для совершенствования НПА.

Важно, чтобы все участники процесса обработки и сохранения информации о здоровье детей осознавали личную ответственность, строго соблюдали установленные правила о внедрении цифровых технологий в сферу врачебных услуг и хранении информации о состоянии здоровья детей. Важно не только разработать идентичный правовой механизм, но и гарантировать его результативное исполнение.

В заключении следует отметить, что законодательство, касающееся защиты информации о здоровье детей, в России довольно обширно, однако нуждается в постоянном обновлении и уточнении с учетом развития технологий и новых вызовов. Важными аспектами обеспечения безопасности данных о здоровье детей остаются практическое применение закона и эффективный контроль над его соблюдением.

Список источников

1. Здрав.Эксперт. Утечки данных в медицинских учреждениях [Электронный ресурс] / Здрав.Эксперт. – Режим доступа: https://zdrav.expert/index.php/Статья:Утечки_данных_в_медицинских_учреждениях (дата обращения: 08.01.2025).

2. Проблемы реализации законодательства о защите персональных данных в Российской Фе-

дерации // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-zakonodatelstva-o-zaschite-personalnyh-dannyh-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 08.01.2025)

3. Бочавер А. А., Докука С. В., Новикова М. А. и др. Благополучие детей в цифровую эпоху [Электронный ресурс] / А. А. Бочавер, С. В. Докука, М. А. Новикова и др. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 34 с. – URL: <https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004551/5%20Благополучие%20детей.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

4. SearchInform. Случаи утечки информации в медицине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://searchinform.ru/analitika-v-oblasti-ib/utechki-informatsii/sluchai-utechki-informatsii/sluchai-utechki-informacii-v-medicine/> (дата обращения: 08.01.2025).

5. Евстигнеев С. А. Угрозы безопасности персональных данных в здравоохранении [Электронный ресурс] / С. А. Евстигнеев, С. Ю. Колесников. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2019. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/73899/3/978-5-7996-2677-8_2019.pdf (дата обращения: 08.01.2025).

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ИСТЦА- ПРЕДСТАВИТЕЛЯ И ЛИЦ, ПРИСОЕДИНИВШИХСЯ К ТРЕБОВАНИЯМ, В СПОРАХ ПО ГРУППОВЫМ ИСКАМ

ЕРЕМЕНКО ДЕНИС ВАЛЕРЬЕВИЧ

аспирант

НОЧУВО «Московский Финансово-Промышленный Университет «Синергия»

Аннотация: В связи с закреплением в ГПК РФ и АПК РФ института защиты прав группы лиц, в отечественном законодательстве появились новые субъекты процессуальных правоотношений, которые ранее не были известны гражданскому процессуальному праву.

В представленной статье исследован статус истца-представителя по групповому иску и рассмотрена возможность множественности истцов-представителей, проанализирован процессуальный статус лица, присоединившиеся к групповому требованию, выявлен ряд проблем, с которыми сталкиваются суды и члены групп в связи с заменой истца-представителя при возникновении конфликта внутри группы и предложены возможные пути решения этих проблем.

По итогам исследования сформулирован вывод о появлении в российском гражданском процессуальном праве новых типов истцов, отличных от традиционной фигуры истца.

Ключевые слова: групповой иск, группа, член группы, истец, истец-представитель.

SOME FEATURES OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE GROUP LEADER AND CLASS MEMBERS IN CLASS ACTION LAWSUITS

Eremenko Denis Valeryevich

Abstract: Due to the institutionalization of the protection of the rights of a group of persons in the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation new subjects of procedural legal relations have appeared in domestic legislation that were not previously known to civil procedure law.

The presented article examines the status of group leader in a class action and considers the possibility of multiple group leader, analyzes the procedural status of persons who joined the group claim, identifies a number of problems faced by courts and members of groups in connection with the replacement of the group leader in the event of a conflict within the group and suggests possible solutions to these problems.

Based on the results of the study, a conclusion was formulated about the emergence of new types of plaintiffs in Russian civil procedure law, different from the traditional figure of the plaintiff.

Key words: class action, class, class member, plaintiff, group leader.

В отечественной правовой доктрине принято выделять следующих участников гражданского процесса: 1) суд, как орган, разрешающий дело, 2) лица, участвующие в деле, и обладающие процессуальным и (или) материальным интересом в его разрешении, 3) лица, содействующие осуществлению правосудия [1, с. 118].

В статье 34 ГПК РФ и статье 40 АПК РФ перечислены лица, участвующие в деле. К ним относятся: стороны; третьи лица; заявители и заинтересованные лица - по делам особого производства, по делам о несостоятельности (банкротстве) и в иных предусмотренных законом случаях; прокурор; органы, организации и лица, обращающиеся в суд в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц либо привлекаемые к участию в судебном процессе для дачи заключения по делу.

В связи с закреплением в ГПК РФ и АПК РФ института защиты прав группы лиц, в отечественном законодательстве появились новые субъекты процессуальных правоотношений, которые ранее не были известны гражданскому процессуальному праву. Между тем правовой статус, полномочия и особенности взаимодействия данных участников процесса остаются не вполне ясными.

Ключевой фигурой в групповом производстве является лицо, ведущее дело в интересах группы, в доктрине его называют истцом-представителем.

Именно он отвечает за определение и обоснование исковых требований, подачу иска, консолидацию членов группы, доказывание обстоятельств дела, выступление в процессе и многое другое [2, с. 187-188].

В некоторых зарубежных правовых порядках возможно участие в групповом процессе сразу нескольких истцов-представителей.

В Японии это возможно при условии, что соучастие истцов-представителей способствует его эффективному разрешению [3, с. 140].

Как отмечает Д.А. Туманов, в мировой практике известно такое явление, как формирование подгрупп в рамках более объемной группы лиц. Появление подгрупп, например, характерно для ситуаций, когда при наличии однородных прав и схожих фактических обстоятельствах в основании группового иска, одна часть участников группы (подгруппа) выбирает такой способ защиты права, как компенсация убытков, а другая – взыскание неосновательного обогащения [4, с. 161-183]. Представляется, что при существовании нескольких подгрупп также актуализируется вопрос участия нескольких истцов-представителей группы, каждый из которых представлял бы свою подгруппу.

Участие в процессе по групповому иску нескольких истцов-представителей может помочь снизить финансовые и организационные затраты по ведению дела для каждого из них. Также, если один из истцов-представителей по тем или иным причинам не сможет продолжить участие в процессе, его функции могли бы взять на себя другие истцы-представители.

Вместе с тем, представляется, что участие нескольких истцов-представителей в случае расхождения их правовых позиций по делу способно практически парализовать производство по групповому иску.

При расхождении позиций нескольких участвующих в деле профессиональных представителей для выяснения действительной воли представляемого, суд может вызвать последнего в заседание. Но в ситуации конфликта позиций нескольких истцов-представителей у суда отсутствуют эффективные средства для выяснения действительной воли представляемых членов группы.

В Российской Федерации, согласно процессуальному законодательству, может быть только один истец-представитель, который аккумулирует все процессуальные полномочия со стороны группы.

Еще одним новым для отечественного процессуального права участником процесса являются лица, присоединившиеся к групповому требованию.

В силу статьи 244.23 ГПК РФ присоединившемуся лицу принадлежат только права на ознакомление с делом, присутствие в судебном заседании, подачу заявления о замене истца-представителя и отказ от ранее поданного заявления о присоединении к иску.

В связи с этим в правовой доктрине продолжают споры о статусе данного лица с точки зрения существующей категоризации участников процесса.

По мнению И.Н. Лукьяновой лицо, присоединившееся к групповому иску, обладает особым статусом истца. Чтобы отличать лицо, присоединившееся к групповому иску, она предлагает использовать

новый термин – «групповой истец» или «истец, присоединившийся к группе» [5, с. 166-175].

В обоснование своей позиции ученый приводит следующее правило: «если есть защищаемое право, то должен быть субъект, которому оно принадлежит». Действительно, присоединившемуся лицу принадлежит полноценное материально-правовое требование к ответчику, и это требование обращено в суд для обеспечения его надлежащей защиты.

В поддержку этой точки зрения также можно отметить, что по общему правилу интересы несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и граждан, ограниченных в дееспособности, также обязательно защищаются их представителем. Однако от того, что этим категориям истцов не предоставлена свобода действий в процессе, они не утрачивают своего статуса, как истцов.

Аналогичной позиции со ссылкой на часть 2 статьи 38 ГПК РФ также придерживается Н.А. Бортникова. Исследователь напоминает, что гражданин, в интересах которого дело начато по заявлению лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других граждан также прямо обозначено в ГПК РФ в качестве истца [6].

Д.А. Малешин полагает, что участники группы не являются истцами ввиду ограниченности принадлежащих им процессуальных прав и отсутствию активности в процессе. Присоединившиеся лица обладают и материальной, и процессуальной заинтересованностью, но не могут самостоятельно реализовать ее, в связи с чем рассматриваемые лица выступают в качестве особых лиц, участвующих в деле [7, с. 99-100].

Распространение получила также точка зрения, что присоединившиеся лица в принципе не входят в круг лиц, участвующих в деле.

Частью 1 статьи 35 ГПК РФ всем лицам, участвующим в деле, предоставлены широкие процессуальные полномочия. По мнению О.Н. Барминой и это само по себе уже явно свидетельствует, что законодатель не относит присоединившихся лиц к лицам участвующим в деле [8, с. 9-13].

Такой же позиции придерживается В.В. Долгачев. Отдельно он также обращает внимание, что с присоединением к групповому иску новых лиц рассмотрение дела не начинается заново, как это происходит с вступлением в процесс лиц, участвующих в деле [9, с. 14-19].

Однако представляется, что категория «истец» является продуктом не только процессуального права, но и материального права. В противном случае лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц – так называемые «процессуальные истцы», обладая процессуальной заинтересованностью в исходе дела и за некоторыми исключениями всеми правами характерными для истцов, также считались бы классическими истцами, а не отдельной категорией лиц, участвующих в деле.

Исходя из этого, наиболее обоснованным представляется мнение И.Н. Лукьяновой: так как лицу, присоединившемуся к иску, принадлежит защищаемое судом материальное право, то данное лицо выступает в процессе именно в качестве истца, хотя бы и особого рода.

Особого внимания также заслуживает взаимодействие истца-представителя с членами группы, в особенности в случаях конфликта их интересов.

Наделение лица, представляющего интересы группы широкими полномочиями, требует создания механизмов контроля за совершением им процессуальных действий. Так, в силу подпункта 2 части 4 статьи 244.22 ГПК РФ суд прекращает полномочия истца-представителя по требованию большинства присоединившихся лиц. Данный механизм является законным способом разрешения накопившихся между участниками спора проблем.

Но прекращение полномочий истца-представителя не происходит автоматически только на основании их волеизъявления. Для этого одновременно требуется либо установление неспособности лица, которое ведет дело в интересах группы лиц, к ведению дела, например, в случае его длительного отсутствия, либо наличие обоснованных сомнений в ведении им дела разумно и добросовестно в интересах группы лиц.

Представляется, что подобный подход является не вполне удачным, поскольку, как правило, присоединившись к групповому иску, особенно на незначительные суммы, члены группы перестают следить за его развитием. При наличии злоупотреблений подавляющее большинство участников дела

этого не заметит.

Тем более не ясно кто из членов группы и по какому принципу возьмет на себя подобную ответственность и организаторскую инициативу. Без помощи истца-представителя (а скорее всего при его активном противодействии) также сложно будет собрать контактные данные всех членов группы, присоединившихся к иску.

Поэтому на практике замена истца-представителя представляется проблематичной.

В зарубежных правовых порядках встречается другая крайность. В США адекватность представления интересов членов группы («adequacy of representation») является одним из обязательных условий, без соблюдения которого группа не пройдет сертификацию [10, с. 23-25].

То есть деятельность лица, представляющего группу, целенаправленно и подробно исследуется. А у ответчика появляются дополнительные средства к возражению против исковых требований.

Представляется, что наиболее удачным для российского правового порядка является такой подход, при котором участниками процесса и суду будут предоставлены дополнительные возможности по отстранению истца-представителя.

Во-первых, стоит согласиться с мнением Д.А. Туманова, что замене недобросовестного или неспособного к ведению дела истца-представителя не должна препятствовать пассивность значительной части членов группы [11, с. 58-70]. В связи с этим правом на обращение с заявлением о замене истца-представителя целесообразно наделить также меньшую часть группы, например, если с таким заявлением выступают десять членов группы, либо же исходя из определенной доли участников группы, например, двадцати процентов от группы в случае участия в процессе большого числа членов группы.

Во-вторых, возможным вариантом представляется также наделение суда правом отстранять истца-представителя от представления интересов группы по собственной инициативе суда по аналогичным правовым основаниям.

При этом в случае инициативы суда целесообразно предоставить истцу-представителю возможность оспорить позицию суда в порядке, аналогичном подаче частных жалоб на судебные определения.

Для определения нового-истца представителя в подобной ситуации целесообразным могло бы стать проведение собрания участников группы или их заочное голосование, по аналогии с тем, как В.А. Колотов предлагает действовать при замене истца-представителя после его отказа от иска [12, с. 73].

Подводя итог исследованию статуса фигур истца-представителя и лиц, присоединившихся к иску, необходимо отметить, что с появлением в российском процессуальном праве института групповых исков, классическая фигура истца стала делиться на типы: просто «истец», истец-представитель, выполняющий несвойственные классическому истцу масштабные организаторские функции, и «истец, присоединившийся к групповому иску», который наделен весьма ограниченными процессуальными правами, но также способен влиять на развитие гражданского дела через воздействие на фигуру истца-представителя.

Подобный подход к тройственности фигуры истца в зависимости от характера спора (индивидуальный или групповой) и объема его прав, позволяет выработать наиболее полную и непротиворечивое понимание характера законодательных новелл, связанных с развитием института групповых исков и наиболее успешно разрешить возникающие на практике проблемы с учетом сущности и назначения фигуры того или иного типа истца.

Список источников

1. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М.: Издательский Дом «Городец», 2020. – 992 с.
2. Звиер П., Ярков В.В. Групповые иски в правовой истории США и России: в поисках оптимальной модели // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 143 – 197.
3. Алиэскеров М.А. Групповой иск в состязательном гражданском процессе: процессуальные пределы и ограничения // Вестник гражданского процесса. 2022. № 6. С. 133 – 151.

4. Реформа гражданского процесса 2018-2020 гг.: содержание и последствия: Монография / Под ред. М.А. Фокиной. – М.: Издательский дом «Городец», 2021. – 368 с.
5. Лукьянова И.Н. Защита прав граждан групповым иском // Закон. 2019. № 12. С. 166 – 175.
6. Бортникова Н.А. Подача и рассмотрение в гражданском процессе искового заявления, поданного в защиту прав и законных интересов группы лиц // СПС КонсультантПлюс. 2023.
7. Малешин Д.Я. Новеллы групповых исков // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 94 – 103.
8. Бармина О.Н. Проблемы защиты прав и законных интересов группы лиц в арбитражном и гражданском процессе // Российский судья. 2021. № 8. С. 9 – 13.
9. Долганичев В.В. Новый групповой иск в России: краткий обзор // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 14 – 19.
10. Robert H. Klonoff. Class Actions and Other Multi-Party Litigation in a Nutshell. – West Academic Publishing, 4th ed., 2012. – 544 p.
11. Туманов Д.А. Групповые иски и общественные интересы (некоторые вопросы) // Закон. 2021 № 2. С. 58 – 70.
12. Колотов В.А. Реформирование института группового иска в российском праве: отдельные вопросы // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 68 – 75.

УДК 347

ИСТОРИЯ КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

КОЛЕСНИКОВА МАРИАННА МИХАЙЛОВНА

к.ю.н., доцент

Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

Аннотация. В статье анализируется определение понятия кодификации гражданского процессуального права и ее особенностей в России, исследуются этапы кодификации разных периодов, начиная с начала 20 века до современного периода, определяются тенденции развития гражданского процессуального права.

Ключевые слова: кодификация; гражданский процессуальный кодекс; концепция судебной правовой реформы; пандектная система; гражданский процесс.

THE HISTORY OF THE CODIFICATION OF CIVIL PROCEDURE LAW IN RUSSIA: DEVELOPMENT TRENDS

Kolesnikova Marianna Mikhailovna

Abstract. The article analyzes the definition of the concept of codification of civil procedure law and its features in Russia, examines the stages of codification of different periods, from the beginning of the 20th century to the modern period, and identifies trends in the development of civil procedure law.

Keywords: codification; code of civil procedure; concept of judicial legal reform; pandect system; civil procedure.

Актуальность настоящего исследования обусловлена не прекращающимся развитием правового регулирования в России. Изучение кодификации национального законодательства необходимо для отслеживания эволюции национальной правовой системы, определения вектора дальнейшего развития права и его совершенствования.

Кодификация представляет собой один из видов систематизации законов. Под систематизацией законодательства принято считать деятельность, направленную на совершенствование действующих нормативных актов, которые образуют единые упорядоченные и согласованные элементы, образующие национальную правовую систему.

В различные виды систематизации законодательства входят такие как:

- инкорпорация, что означает присоединение. Своего рода подготовка и издание различного рода сборников в системе нормативных актов, где особенностью состоит в том, что содержание не меняется, за исключением удаления глав, статьей, которые утратили силу.
- консолидация, что означает укреплять, т.е. создается крупный однородный акт, который был до этого разбит на небольшие не связанные с собой блоки.
- кодификация - объединение законов, представляет собой наиболее эффективный вид систематизации, при котором недействующие нормы права отделяются от действующих, а также создаются

совершенно новые нормы для конкретной отрасли права. Процесс завершения кодификации зачастую связан с созданием нового акта, построенного на единых принципах, который называется кодекс.

Говоря о кодификации гражданского процессуального законодательства следует сказать, что она предполагает такой вид систематизации, который включает в себя полную переработку нормативной базы гражданского процессуального законодательства, в результате которой создается новый, системобразующий (отраслевой) нормативный акт, именуемый гражданский процессуальный кодекс.

Специфика кодификации в рамках гражданского процесса включает в себя: унификацию процедур институтов гражданского процессуального права в едином акте; создание основополагающих процессуальных принципов; устранение, накопленных внутренних противоречий и пробелов в нормах гражданского процессуального законодательства.

Кодификация гражданского процессуального права в России особое значение имела в 20 веке. Именно тогда появился привычный нам по названию Гражданский процессуальный кодекс, содержание которого, безусловно, далеко от содержания действующего Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Справедливо будет разделить этапы отечественной кодификации по сроку действия кодексов, итак:

Первый этап связан с принятием Гражданским процессуальным кодексом РСФСР (далее - ГПК РСФСР 1923 года), действовавшим с 1923 по 1964 годы; второй этап связан с Гражданским процессуальным кодексом РСФСР (далее – ГПК РСФСР 1964 года), действовавшим с 1964 года по 1 февраля 2003 года; третий этап связан с настоящим Гражданским процессуальным кодексом, принятие которого произошло 23 октября 2002 и стал действовать 1 февраля 2003 года.

Первый отечественный ГПК РСФСР был принят ВЦИК 10 июля 1923 года, вступил в действие с 1 сентября 1923 года и стал первым советским кодифицированным актом, регулирующим гражданское судопроизводство [1]. Советская Россия объявила НЭП, для осуществления «Новой экономической политики», необходимо было дать возможность проявления частных интересов и соответственно частной собственности, привлекать и при необходимости защищать частный капитал. В конце 1922 г. был принят ГПК РСФСР, который наряду с Земельным, Кодексом Законов о Труде, Гражданским кодексом называли кодексом НЭПа.

Данный кодекс состоял из 5 частей, 36 глав и 316 статей. Часть первая никак не была поименована и содержала положения, называемые сейчас «Общей частью»; вторая часть именовалась «Исковым производством»; часть третья - «Особое производство»; часть четвертая - «Обжалование и пересмотром решений»; часть пятая - «Исполнение судебных ращений и определений». Также данный процессуальный кодекс в первой главе закреплял такие принципы судопроизводства, как: добросовестность сторон; язык судопроизводства, причем языка большинства населения территории); принцип аналогии права; принцип законности и осуществления гражданского правосудия судом (с оговоркой на то, что не только судом, но и иными учреждениями).

Кодекс напрямую не содержал принципа состязательности сторон, однако, исходя из содержания прав и обязанностей участников, состязательность все-таки была, хоть и с элементами следственного процесса, выражающегося в инициативной роли самого суда [2, с.53].

Также ГПК РСФСР 1923 года предусматривал только устное судебное разбирательство без обмена сторонами письменными процессуальными документами. По общему правилу суд мог рассмотреть дело и без участия извещенных о слушании сторон. При этом суд наделялся правом признания личного участия в деле стороны обязательным, что, по мнению законодателя, должно было способствовать более быстрому и правильному установлению фактических взаимоотношений сторон.

Суда не ограничивался оценкой процессуальных действий сторон, например, он мог по собственной инициативе: собирать доказательства, проводить проверочные мероприятия по установлению достоверности доказательств, представленных сторонами и так далее.

Процессуальная активность истца и ответчика сводилась к обязанности доказывать свои доводы, а также возражения против доводов другой стороны.

Таким образом, ГПК РСФСР 1923 года за период своего действия перетерпел внесения чуть больше ста изменений. Положения статей были кратки и понятны. Состязательность процесса не была однозначной, поскольку положения некоторых кодексов говорили о розыскных элементах процесса с позиции суда. Исходя из обстоятельств принятия кодекса, он представлял собой, во-первых, средство укрепления недавно пришедшей к власти политической силы, во-вторых, достижение властью своих целей, а только потом уже выступал как механизм защиты прав и законных интересов граждан.

ГПК РСФСР 1964 года появился в период процесса обновления и упорядочения законодательства в СССР в конце 1950-х годов, он пришел на смену кодексу 1923 года, вступив в действие с 1 октября [3].

В 1957 году Верховный Совет СССР разграничил компетенцию СССР и союзных республик в области процессуального законодательства [4]. К компетенции СССР было отнесено принятие Основ гражданского судопроизводства, а к компетенции союзных республик — принятие гражданско-процессуальных кодексов. 8 декабря 1961 года Верховный Совет СССР принял Основы гражданского судопроизводства СССР и союзных республик. Основы определили цели и задачи гражданского судопроизводства, установили принципиальные и общие положения, единые для всех союзных республик [5, с.76].

На основании и в соответствии с ними, каждая республика принимала свой Гражданский процессуальный кодекс, таким образом появился ГПК РСФСР 1964 года. Он состоял из 6 разделов, 42 глав и 438 статей. Первый раздел именовался «Общие положения»; второй раздел - «Производство в суде первой инстанции»; третий раздел - «Производство в кассационной инстанции»; четвертый раздел - «Пересмотр решений, определений и постановлений, вступивших в законную силу»; пятый раздел - «Исполнительное производство»; шестой раздел - «Гражданские процессуальные права иностранных граждан и лиц без гражданства. Иски к иностранным государствам, судебные поручения и решения иностранных судов. Международные договоры».

Сравнивая структуру содержания кодексов 1923 и 1964 года видны изменения в сфере участников процесса, появились некоторые новеллы, такие главы, как «Состав суда. Отводы», «Прекращение производства по делу» и др.

Кроме того, в сравнении кодексов появились следующие принципы: осуществления правосудия только судом; участие населения в отправлении правосудия (появился институт народных заседателей); гласность судебного разбирательства; обязательность решения, определения и постановления суда и др.

В новом кодексе были определены задачи, которых ранее не наблюдалось, так статья 2 закрепляла следующие задачи: правильное и быстрое рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях охраны общественного и государственного строя СССР; защита различных личных и имущественных прав, и охраняемых законом интересов граждан, а также прав и интересов государственных учреждений, предприятий и иных кооперативных и общественных организаций; укрепление социалистической законности, предупреждение правонарушений, воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

Принцип состязательности сторон в ГПК РСФСР 1964 года распространился на все стадии гражданского судопроизводства. Теперь весь процесс судебного разбирательства должен был проходить как, состязание истца и ответчика, которые могли ходатайствовать перед судом о новых доказательствах на протяжении всего судебного разбирательства.

Кроме того, стороны в судебном процессе наделялись дополнительными правами при исследовании доказательств, а именно: могли задавать вопросы друг другу, участвовать в допросе свидетелей и экспертов, в обсуждении заключений экспертов, осмотре предметов и документов, участвовать в обсуждении большинства процессуальных вопросов, разрешаемых судом в процессе судопроизводства.

Вместе с тем надделение истца и ответчика дополнительными процессуальными полномочиями не могло привести к полному упрочению принципа состязательности судебного разбирательства. ГПК РСФСР 1964 года сохранил активную роль суда в отношении доказательств, самостоятельном установлении объективной истины по делу.

Таким образом, принцип «чистой» состязательности по-прежнему был фактически нейтрализован, а суд, обремененный обязанностью собирания доказательств, по-прежнему выполнял роль «следователя по гражданским делам». При этом процессуальное бездействие стороны не предусматривало для нее никаких процессуальных последствий [2, с.55].

Однако ГПК РСФСР 1964 г. внес большой вклад в развитие институтов доказательственного права, формулирование и развитие понятий судебного доказательства как такового и его видов, так, например, понятие судебного доказательства по гражданскому делу и перечень видов судебных доказательств не претерпели серьезных изменений и в современном процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Подводя итог, можно сказать, что ГПК РСФСР 1964 года ввел множество институтов для гражданского судопроизводства, закрепил и расширил основополагающие принципы и прослужил до принятия уже действующего Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

Последний этап кодификации гражданского процессуального законодательства связан с принятием в 2002 году и действующего по сей день ГПК РФ.

История его принятия схожа с принятием первого ГПК РСФСР 1923 года, поскольку прошлое государство перестало существовать, на заре истории появилось новое, а вместе с ним другие общественные отношения, новый взгляд на защищаемые приоритеты, экономические и индивидуальные интересы.

Современный ГПК РФ включил в себя институты процессуального права его предшественников, однако, собрал в себе не мало новелл. К таковым, например, относят: подача апелляций, кассаций, а также обращение в надзорную инстанцию; введение процедур ускоренного производства в том числе процедур судебного примирения и продолжает совершенствоваться. Сам ГПК РФ подобно кодексу 1964 года состоит из семи разделов, подразделяющихся на 47 глав, которые в свою очередь включают в себя 446 статьи.

Касаемо перспектив развития гражданского процессуального права в сфере кодификации, то наиболее интересной и обсуждаемой представляется «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», которая своей главной целью ставит: «обеспечение доступного и справедливого правосудия, осуществляемого в разумные сроки с соблюдением процессуальных норм компетентными и независимыми судьями, гарантированное исполнение судебных актов, что является безусловным условием демократического развития правового государства, основанного на приоритете прав и свобод человека. Повышение эффективности российского судопроизводства осуществляется за счет унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства, и создания Концепции единого ГПК» [6].

И так можно заключить, что гражданское процессуальное законодательство в ходе своей исторической кодификации претерпело множество изменений, в ходе которых некоторые институты оставались неизменными и дошли до современного кодифицированного акта, некоторые частично изменялись или были упразднены, а некоторые и вовсе были нововведениями. Кодификация представляется наиболее эффективным, удобным и правильным инструментом систематизации нормативно-правовых актов в сфере гражданского процессуального права.

Список источников

1. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «КонсультантПлюс». – URL: Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») - КонсультантПлюс (дата обращения 05.03.2025).

2. Фомин А.А., Чеснокова Ю.В. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (X-XX вв.). Наука. Общество. Государство. - 2022. - Т. 10. - № 1 (37). - С. 51-62

3. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. (ред. от 31.12.2002) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2237/?ysclid=m44ejnagcg427872519 (дата обращения 05.03.2025).

4. Закон СССР от 11.02.1957 г. «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=50728#At1SdVUoR5GpRC0z1> (дата обращения 05.03.2025).

5. ГОЛУБЕВА А.И. РАЗВИТИЕ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В БЕЛОРУССКОЙ ССР. Юстиция Беларуси. 2021. - № 1 (226). - С. 75-80

6. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 09.02.2015 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70726874/?ysclid=m44lj6k7g9640189981> (дата обращения 05.03.2025).

© М.М. Колесникова, 2025

УДК 347.9

СУДЕБНЫЙ АКТ: КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

ЗАХАРОВА ИРИНА ВАЛЕНТИНОВНА

старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права
Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»
адвокат, г.Новосибирск, Россия

Аннотация. В настоящей статье автор анализирует роль судебных актов кассационных инстанций в формировании судебной и правоприменительной практики применяемых нижестоящими судами. Исследуется вопрос о наличии либо отсутствии признаков формирования прецедентного права в современной российской правовой системе.

Ключевые слова: Суд, кассационная инстанция, судопроизводство, судебная деятельность, гражданский процесс, адвокат, правовая система, судебная практика, обзор судебных решений.

JUDICIAL ACT OF THE CASSATION INSTANCE AS A SOURCE OF JUDICIAL PRACTICE FORMATION

Zakharova Irina Valentinovna

Abstract. In this article, the author analyzes the role of judicial acts of cassation instances in the formation of judicial and law enforcement practice applied by lower courts. The article examines the question of the presence or absence of signs of the formation of case law in the modern Russian legal system.

Keywords: Court, cassation instance, judicial proceedings, judicial activity, civil procedure, lawyer, legal system, judicial practice, review of judicial decisions.

Российская правовая система является особой, самостоятельно формирующийся, но вобравшей в себя признаки иных правовых систем.

Принято считать, что правовая система России относится к романо-германской правовой системе, поскольку много заимствовано из римского и византийского права, а также права континентальной Европы, где основным источником является нормативно-правовой акт.

В тоже время, Россия в отличие от других государств, всегда и во всех вопросах определяла собственный путь развития, перенимая некоторые аспекты от других государств, наиболее приемлемых в условиях самобытности России.

В рамках исследования вопроса о принадлежности российской правовой системы к той или иной правовой семье, одни ученые высказывают точку зрения о том, что правовая система Российской Федерации имеет самобытный характер, не относя себя ни к одной из существующих правовых систем. Ученые полагают, что это обусловлено тем, что российское право имеет свои особенности, которые существенно отличают его от классических моделей правовых систем. Считают, что правовая система России обособленная и никогда не включала в себя абсолютно все признаки той или иной правовой системы, а сочетала в себе разные подсистемы.

Другая точка зрения по данному вопросу сводится к тому, что, хотя Россия многое позаимствовала из византийского, римского права и права континентальной Европы, в ее правовой системе всегда существовали отличительные, особые аспекты, что ее отличает от указанных правовых систем. Например, в России практически не было казуального права, так называемого «право, творимое судьями». В российском праве законодательный акт всегда имел существенное значение, являлся обязательным

актом поведения, предназначенный для субъектов права, и который создаваться может только на законодательном уровне.

Третья точка зрения на основе анализа общих признаков и характерных черт правовых систем в совокупности, настаивает на том, что российская правовая система относится все-таки к романо-германской семье.

Есть еще мнение о том, что российская правовая система являет собой достаточно мощную систему социалистического типа, способная взаимодействовать с любой иной правовой системой.

Этот вопрос актуален и в настоящее время, порождая научные дискуссии.

В рамках правоприменительной практики, в настоящее время все чаще возникают ситуации, где необходимо приведение ее к единообразному применению тех или иных норм права. Все больше суды обращают внимание на судебные акты, постановленные коллегами разных субъектов, а особенно вышестоящих инстанций.

В связи с чем, автор полагает актуальным вопрос о том, не формируется ли в современной российской правовой системе уклон на прецедентное право?

С момента создания кассационных судов общей юрисдикции по признаку территориальности округов, все больше приобретает значение судебные акты данной инстанции. Суды первой инстанции обращают особое внимание уже не столько на постановления Верховного суда Российской Федерации, сколько на решения кассационных судов соответствующего округа. Отсюда следует, что судебные акты кассационной инстанции набирают силу прецедентов.

Еще недавно от судей не редко можно было услышать «у нас не прецедентное право, не нужно ссылаться на судебный акт по другому делу». Решения судов судьями не принимались ко вниманию в процессе рассмотрения конкретного спора. Однако в настоящее время отношение кардинально изменилось, и теперь все чаще слышим «а у вас судебная практика по аналогичным делам имеется?»

Исследуя вопрос о прецеденте в российской правовой системе, можно вспомнить Особое мнение судьи Ю.М. Данилова к Постановлению КС РФ № 39-П/2018 от 09.11.2018: «Суд, основывая свое решение также на сложившейся правоприменительной практике, по существу признал (в отсутствие нормы) допустимость существования в российской правовой системе судебного прецедента как источника права, что по меньшей мере дискуссионно, учитывая конституционные положения о разделении властей и компетенции судебных органов».

При этом, в Постановлении КС РФ от № 1-П/2010 от 21.01.2010 указывалось о том, что «толкование норм права может осуществляться Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации как в связи с рассмотрением конкретного дела (*ad hoc*), так и – в целях обеспечения единообразного их понимания и применения арбитражными судами – в отношении всех дел со схожими фактическими обстоятельствами на основе обобщенной практики их разрешения. Соответственно, придание толкованию норм права на основе обобщения судебной практики характера правовой позиции, имеющей обратную силу, – в рамках процедуры, введенной постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2008 года № 14, – допустимо только при наличии специального указания на это, которое должно быть выражено Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации формально определенным образом, ясно и недвусмысленно.» [1]

В связи с чем, очевидно, что вопрос о роли прецедента в судебной практике российских судов всегда занимал не последнее место. Но, как следует из приведенного выше, принимались во внимание (но не были обязательны) лишь утвержденные обзоры вышестоящих судов.

На уровне судов общей юрисдикции понимание прецедента было однозначно- не приемлемо в российской системе права.

В этой связи интересно Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 N 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции», где вышестоящий суд, фактически закрепляет прецедент как источник правоприменения, указав, что «проверяя правильность применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права, суд апелляционной инстанции применительно к части 4 статьи 170 АПК РФ устанавливает, соответствуют ли выводы судов практике применения

правовых норм, определенных постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившими силу постановлениями Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившими силу постановлениями Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также содержащейся в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации.»[2]

Фактически Верховный Суд закрепил в Пленуме, что суды обязаны при вынесении судебного акта, принимать во внимание не только официальные разъяснения, но и постановления по конкретным делам ВС РФ и ВАС РФ, актуальные на момент рассмотрения спора. Не это ли ведет к преобладанию прецедентного права. Насколько ранее высказывалось мнение о недопустимости прецедентов к широкому применению судами, настолько же сегодня оно изменилось на противоположное.

В настоящее время, в крупных компаниях, осуществляющих свою деятельность в сфере юридических услуг, создают отделы, которые осуществляют подбор судебной практики по категориям дел, которые входят в сферу деятельности компании.[3]

Суды кассационной инстанции «ближе» к судам, осуществляющих правоприменительную практику по первой инстанции, и именно эта инстанция имеет возможность отмены, изменения судебных актов, в том числе судов апелляционной инстанции. В связи с чем, для судов первой инстанции наиболее существенное значение имеют судебные акты кассации, обзоры судебной практики по конкретным категориям дел, которые принимаются кассационными судами на основе судебной практики конкретного округа. При этом, если в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции сослаться на такой обзор кассационного суда соответствующего округа, можно с большой долей уверенности сказать, что это будет принято во внимание.

Возможно это соотносится с требованием о не нарушении единообразия в толковании и применении судами норм права, которое закреплено в ст. 391.9 ГПК РФ, 308.8 АПК РФ как основание для отмены судебных актов в порядке надзора, однако, по мнению автора, имеет место увеличение преимущественного значения судебной практики перед нормой права, что может породить ряд проблем.

Истоком такой тенденции, на наш взгляд, является несовершенство законодательства, а в некоторых случаях неспособность четкого регулирования тех или иных правоотношений в силу их индивидуальности либо правовой природы. Невозможно закрепить на законодательном уровне абсолютно все правовые ситуации, которые могут иметь место при достаточно динамичном развитии правоотношений во всех сферах.

В тоже время, необходимость стремления к тому, чтобы максимально урегулировать то либо иное правоотношение должна быть присуща каждой правовой норме.

Прецедент, в простом его понимании, это решение суда или административного органа, по конкретному делу, которое становится образцом для разрешения аналогичных дел в будущем. При этом, их применяют для разрешения дел, по которым нет норм, регламентирующих данные правоотношения. В правовых системах, где преобладает прецедентное право, решения являются обязательными для применения нижестоящими судами. Не к этому ли идет правовая российская система?

Таким образом, с учетом тенденции к применению прецедентов в судебной практике, есть вероятность коренного изменения взглядов на правовую систему России.

Список источников

1. Семен Кульчинский. Статья: Прецедент. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zakon.ru/blog/2019/11/23/precedent> (дата обращения 28.02.2025)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 N 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/29068/>(дата обращения 28.02.2025)

3. Юлия Вербицкая. Статья: У нас не прецедентное право, зачем ссылаться на судебную практику. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2024/2/7/u_nas_ne_precedentnoe_pravo_zachem_ssylatsya_na_sudebnuyu_praktiku (дата обращения 28.02.2025)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УДК 34.096

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В СТАРТАПАХ: КЛЮЧЕВЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ИХ РОЛЬ В КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

ВОРОНИНА АННА ВЛАДИСЛАВОВНА

бакалавр юриспруденции

Аннотация: В статье анализируются основные юридические аспекты защиты интеллектуальной собственности на ранних стадиях развития стартапов, проблемы регистрации и передачи прав, а также конфиденциальность проектов. Эффективная защита интеллектуальной собственности не только способствует юридической стабильности стартапа, но и играет ключевую роль в привлечении инвесторов и коммерциализации интеллектуальных активов, в связи с чем в настоящей статье представлены рекомендации по минимизации юридических рисков.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, защита интеллектуальной собственности, стартапы, авторское право, конфиденциальная информация.

INTELLECTUAL PROPERTY IN STARTUPS: IMPORTANT LEGAL ASPECTS AND THEIR ROLE IN COMPETITIVENESS

Voronina Anna Vladislavovna

Abstract: The article analyzes the main legal aspects of intellectual property protection at the early stages of startup development, problems of registration and transfer of rights, as well as confidentiality of projects. Effective intellectual property protection not only contributes to the legal stability of a startup but also plays a key role in attracting investors and commercializing intellectual assets, in connection with which this article provides recommendations for minimizing legal risks.

Keywords: intellectual property, intellectual property protection, startups, copyright, confidential information.

В современном мире с каждым годом на рынке появляется все больше стартапов, которые охватывают различные сферы деятельности – начиная от инновационных идей в сфере IT и заканчивая FinTech направлением. В обществе зачастую используют привязку понятия «стартап» к продуктам, связанным с технологиями, что создает ощущение, что продукт стартапа является чем-то исключительно техническим и не затрагивает креативную сферу. Однако, во всех стартапах огромную роль играет интеллектуальная собственность, которая создается нанимаемой стартапом командой или же самими владельцами стартапа. Зачастую владельцами стартапа упускается из виду креативная сторона создания того или иного продукта, а ведь именно она требует качественной юридической защиты в большей степени.

В первую очередь, следует отметить, что интеллектуальная собственность (далее – ИС) – это творения человеческого разума: изобретения, литературные и художественные произведения, образцы, символы, названия и изображения, используемые в коммерческих целях [1]. Всемирная организация интеллектуальной собственности определяет, что с правовой точки зрения ИС может охраняться,

например, патентами, авторским правом и товарными знаками, что позволяет людям добиваться признания или извлекать финансовую выгоду из того, что они изобрели или создали [1].

Защита интеллектуальной собственности на ранних стадиях существования стартапа представляет собой ключевой элемент в стратегическом формировании устойчивости и конкурентоспособности компании, поскольку она непосредственно влияет на способность эффективного использования и охраны уникальных идей, инновационных решений и коммерческих активов, а также обеспечивает недопущение незаконного использования таких идей и технологий конкурентами. Более того, грамотно выстроенная система защиты ИС может помочь стартапу в привлечении инвесторов, поскольку чем качественнее защищены права в проекте, тем юридически стабильнее сам стартап, что в свою очередь уменьшает риски для потенциальных инвесторов. Следует дополнительно отметить, что в случае юридически корректного сопровождения проекта, регистрация определенных прав на объекты ИС в стартапе дает в последующем возможность для их лицензирования третьими лицами, что может приносить дополнительный доход.

Таким образом, защита ИС в стартапах является необходимостью, которой часто пренебрегают, что в дальнейшем приводит не только к упущенным финансовым возможностям, но и к судебным тяжбам, борьбе за авторские и иные, не надлежащим образом оформленные, права между стартапом и третьими лицами.

Для возможности определения способов защиты ИС, в первую очередь, следует выделить возможные упущения стартапов в юридических аспектах оформления прав на ИС. Наиболее очевидным упущением является недостаточная информация о требованиях для оформления патента. Например, недостаточно ясное изложение сущности изобретения, что приводит к невозможности охраны ключевых инновационных аспектов, или некорректное формулирование формулы изобретения, что может ограничить объем правовой охраны. Более того, недостаточная проверка патентной чистоты, которая может привести к нарушению прав на существующие патенты, и не верный выбор вида патента, например, патентование идеи, а не конкретного технического решения, что может привести к неэффективности охраны. Из очевидных процессуальных ошибок – это нарушение сроков подачи заявки или несвоевременная поддержка патента, что вполне разумно может привести к утрате прав.

Также, стартапы часто сталкиваются с необходимостью регистрации товарных знаков, что является довольно не простым процессом. Наиболее частым упущением является использование обозначений, не обладающих достаточной отличительной способностью или же регистрация товарного знака, сходного или идентичного ранее зарегистрированным аналогичным знакам, что может привести к отмене регистрации. Также, не стоит недооценивать важность территориального охвата, пренебрежение которым приводит к отсутствию защиты на ключевых рынках, как на международном, так и на национальном уровне.

Немаловажным является развитие ассоциаций и положительного облика стартапа, а именно развитие его бренда. Здесь важно отметить, что в не юридической плоскости термин «бренд» часто используется наряду с термином «товарный знак». Тем не менее это не совсем тождественные понятия – понятие «бренд» шире, чем «товарный знак». Если под товарным знаком понимается обозначение товара, зарегистрированное государственным органом, то в случае бренда – преимущество товара переносится в эмоциональную сферу, то есть это тот образ, который возникает в сознании потребителя при виде товарного знака [2]. Таким образом, правильная регистрация товарного знака является залогом успешного развития и продвижения бренда стартапа.

В контексте развития стартапов целесообразно выделить самые распространенные ошибки, такие как:

1. Недостаточная юридическая прозрачность при работе с правами соавторов, что приводит к возникновению споров относительно доли и прав на совместные произведения. В случае отсутствия на начальном этапе развития стартапа четкого закрепленного порядка использования произведения и распределения долей авторских прав, существует риск возникновения конфликтных ситуаций как между соавторами, так и с потенциальными лицензиатами или третьими лицами. Споры могут касаться, в частности, вопросов, кто является автором отдельных частей произведения, а также правомерности

принятия решений о коммерческом использовании произведения, включая лицензирование, распространение и иные виды использования результатов совместной творческой деятельности.

2. Недостаточная регламентация договорных отношений о передаче прав на отдельные объекты ИС при привлечении третьих лиц для их создания в рамках крупного проекта, а в некоторых случаях и отсутствие такой регламентации вовсе, что создаёт неопределенность в вопросе правомерности их использования в проекте. В данном контексте примером может служить привлечение третьих лиц для создания дизайна мобильного приложения, которое в целом создается стартапом. Так, может возникнуть ситуация некорректного оформления передачи прав на дизайн мобильного приложения от привлеченного третьего лица к стартапу, что в последствии, вероятнее всего, приведет к судебным спорам. Даже если стартап самостоятельно создал 99% всего проекта, но дизайн мобильного приложения или часть этого дизайна – оставшийся 1%, был создан третьим лицом без надлежащего оформления юридической передачи прав, это является угрозой для выхода продукта стартапа на рынок. Под ненадлежащим оформлением понимается отсутствие указания на передачу исключительных прав на объект ИС к стартапу, либо отсутствие лицензии на использование созданного объекта ИС – в зависимости от того, какой именно объем прав был необходим стартапу для выхода на рынок со своим конечным продуктом.

3. Недостаточная проверка правомерности владения привлеченными третьими лицами правами, которые в последствии передаются стартапу. Ярким примером может служить желание стартапа создать рекламный видеоролик в целях развития бренда, для чего нанимаются специальные агентства. Потенциальная проблема, которая может возникнуть, связана с недобросовестностью или ненадлежащим юридическим оформлением передачи прав между третьими лицами, привлеченными агентством, и самим агентством. Например, агентство согласно договору со стартапом передает последнему все исключительные права на созданный видеоролик в полном объеме и без исключений, включая все его составные части. Тем не менее, такое агентство ненадлежащим образом могло оформить аналогичную передачу прав от привлеченного композитора, чья музыкальная композиция используется в видеоролике, себе. Таким образом, согласно договору между стартапом и агентством, первый является правообладателем видеоролика, получив от агентства исключительные права на конечный продукт и на все его составные части, а де-факто в видеоролике присутствует музыкальная композиция, на использование которой автор не давал свое согласие, не говоря уже про отчуждение исключительных прав на такую композицию. Разумеется, если в изначальном договоре между стартапом и агентством предусмотреть все риски и издержки, разграничить зону ответственности перед третьими лицами, то, вероятнее всего, стартапу удастся избежать судебных тяжб с музыкальным композитором и все претензии будут направлены агентству. Тем не менее даже претензионные споры могут существенно осложнить и без того сложный процесс запуска и первоначального развития стартапа.

Вместе с тем, в современных реалиях не стоит забывать про искусственный интеллект (далее – ИИ). Зачастую ИИ затрудняет защиту и определение авторства, а также создает дополнительные юридические проблемы, если использует сторонние данные без должного учета авторских прав. Отследить подобное неправомерное использование крайне сложно, даже имея качественное юридическое сопровождение в проекте.

4. Недостаточные меры по защите конфиденциальности проекта, что может привести к утечке данных, а также отсутствие соответствующих соглашений о конфиденциальности (NDA) с сотрудниками и контрагентами, что снижает правовую защиту коммерческих тайн. Более того, на начальных этапах развития стартапа существует большая вероятность неосторожного разглашения секретных сведений, например, в ходе публичных обсуждений или раскрытия на бизнес встречах, что ведет к утрате охраны.

Также, может возникнуть обратная ситуация, когда стартап в качестве заказчика, нанимая подрядчика для выполнения определенной работы, слишком ограничивает область информации, которую последний может использовать и разглашать. Обладатели коммерческой тайны могут требовать включения в договор положений, нарушающих баланс интересов, а также парализующих либо затрудняющих исполнение договора, что может привести к реакции, противоположной ожиданиям [3]. Таким образом, грамотное юридическое сопровождение не только в части оформления документации, но и в

части репрезентации стартапа перед потенциальными подрядчиками, партнерами и инвесторами, крайне важно.

На основании вышеизложенного, можно выделить несколько практических советов для стартапов, которые могут увеличить шансы на успех в условиях современного рынка (табл. 1).

Таблица 1

Предложения по оптимизации создания и работы стартапов

Этап	Действия
Создание идеи	На данном этапе рекомендуется: 1) Заключение соглашений о конфиденциальности (NDA) для защиты идей от несанкционированного использования. 2) Проконсультироваться с юристом о будущей регистрации права на ИС (патенты, товарные знаки, авторские права), чтобы создать правовую основу для защиты уникальных идей и продуктов на этапе разработки продукта.
Разработка продукта/проекта	В процессе разработки важно: 1) Вовремя начать оформление патентов на изобретения (если применимо), зафиксировать авторские права на программное обеспечение или другие объекты ИС, зарегистрировать товарные знаки. Это обеспечит защиту от копирования и незаконного использования технологий и продуктов стартапа. 2) Осуществлять проверку подрядчиков и привлекаемых ими третьих лиц.
Этап коммерциализации и развития бренда	На данном этапе следует: 1) Рассмотреть возможность лицензирования продукта для получения дополнительного дохода и контроля условий использования. 2) Если на предыдущем этапе это не было сделано, то следует осуществить регистрацию товарных знаков, что поможет развитию и продвижению бренда.

Разумеется, в Таблице 1 перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен, исходя из специфики и сложности проекта. Наряду с указанными вариантами по оптимизации создания и работы стартапа, не стоит забывать о базовых мерах, которые следует имплементировать любому бизнесу, такие как: надлежащее оформление сотрудников в штат компании, должная осмотрительность при работе с клиентами и подрядчиками, не пренебрегать подписанием NDA и многое другое.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, можно сделать вывод, что защита интеллектуальной собственности на ранних стадиях развития стартапа является не просто необходимостью, а неотъемлемой частью стратегического развития проекта. Недооценка юридических аспектов, связанных с оформлением прав на объекты ИС, может привести к существенным рискам, включая финансовые потери, судебные разбирательства и утрату конкурентных преимуществ. В частности, неправильно оформленные права на соавторские произведения, неурегулированные договорные отношения с третьими лицами или недостаточные меры по защите конфиденциальности могут поставить под угрозу как юридическую стабильность стартапа, так и его финансовую привлекательность для инвесторов. Осуществление надлежащей правовой защиты, включая грамотное оформление всех правовых соглашений, своевременную регистрацию прав и создание эффективных механизмов защиты, служит не только барьером против возможных нарушений, но и основой для успешной коммерциализации интеллектуальных активов, что в конечном итоге способствует устойчивому росту и развитию стартапа на рынке.

Список источников

1. Всемирная организация интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/about-ip/ru/>.
2. Ягудин С.Ю., Алябеева И.И., Симонян А.В. Бренды и товарные знаки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brendy-i-tovarnye-znaki>.

3. П.Г. Федоров. Защита коммерческой тайны в отношениях с контрагентами на основе использования процессного подхода к управлению организацией. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-kommercheskoy-tayny-v-otnosheniyah-s-kontragentami-na-osnove-ispolzovaniya-protsessnogo-podhoda-k-upravleniyu>.

УДК 123.45

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЬИ В ОТСТАВКЕ

ЗАЛУЦКАЯ ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

студент специалитета
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия

Научный руководитель: Мальных Татьяна Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «ВСФ РГУП»

«Восточно-Сибирский филиал Российский государственный университет правосудия», г. Иркутск

Аннотация. Автором проанализированы нормы российского законодательства, а также проблемы законодательного обеспечения гражданских прав и обязанностей судей, пребывающих в отставке. Проанализированы особенности их правового статуса и приведены предложения по регулированию существующей законодательной регламентации действующих норм касающихся досрочного прекращения отставки судьей.

Целью исследования данной проблематики является выделение наиболее значимых моментов, касающихся правовой регламентации правового статуса со стороны законодательства в виде существующих норм права и их соответствие современному обществу и развивающейся государственной политике.

Задачами исследования выделяются: анализ действующих норм права, касающихся правового статуса судей, выходящих в отставку; выделены особенности положения данной категории судей; определены ключевые моменты, на которые стоит обратить внимание; сделаны определенные выводы, касающиеся проблемных аспектов, выделяющихся в правоприменительной практике.

Методологической основой исследования является общенаучный метод диалектического материализма, а также основанные на нем общенаучные и специальные методы, в частности, методы формальной логики и описания; сравнительно-правовой метод; метод системно-структурного анализа; сравнительно-исторический метод; эмпирический метод; статистический метод.

Ключевые слова: судья, правовой статус судей, судья в отставке, проблемы правового статуса судей.

THE LEGAL STATUS OF A RETIRED JUDGE

Zalutskaya Daria Alecseevna

Scientific adviser: Malykhina Tatyana Anatolyevna

Abstract. The author analyzes the norms of Russian legislation, as well as the problems of legislative provision of civil rights and duties of retired judges. The features of their legal status are analyzed and proposals are made to regulate the existing legislative regulation of the current norms concerning the early termination of retirement by a judge.

The purpose of the study of this issue is to highlight the most significant points concerning the legal regulation of the legal status on the part of legislation in the form of existing legal norms and their compliance with modern society and developing state policy.

The objectives of the study are: an analysis of the current legal norms concerning the legal status of judges retiring; the features of the situation of this category of judges are highlighted; key points worth paying attention to are identified; certain conclusions are drawn concerning problematic aspects that stand out in law enforcement practice.

The methodological basis of the research is the general scientific method of dialectical materialization

Keywords: judge, the legal status of judges, retired judge, problems of the legal status of judges.

Актуальность вопроса регламентации правового статуса судей, пребывающих в отставке, занимает довольно значимую позицию, поскольку судья является одной из главных фигур существующей судебной власти, представляя в рамках действующего законодательства своеобразным гарантом надлежащего осуществления правосудия.

На сегодняшний день статус судей, вышедших в отставку, никак не регламентируется ни Конституцией РФ, ни федеральными законами, касающимися судебной системы РФ. Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» указывает на то, что: «судьями считаются граждане, которых Конституция РФ и настоящий закон наделили полномочиями производить правосудие и выполняющие данные обязанности профессионально».

По смыслу ст. 15 Закона РФ № 3132-1 «О статусе судей в РФ» (далее – «Закон РФ № 3132-1») следует, что отставка судьи представляет собой почетный уход или почетное удаление судьи с должности, при этом за судьей, пребывающей в отставке, сохраняются звание судьи, гарантии личной неприкосновенности и принадлежность к судейскому сообществу¹. Что именно подразумевается под фразой «сохраняются звание судьи» законодателем нигде не уточняется, что наводит на мысль о том считаются ли тождественными и равнозначными статусы «действующего судьи» и «судьи, находящегося в отставке».

Анализируя правовые положения норм п. 3 ст. 3 и п. 6 ст. 15 Закона РФ № 3132-1 можно сделать вывод о том, что законодатель приравнял общегражданский статус судьи в отставке (субъекта, не обладающего властными полномочиями) к общегражданскому статусу действующего судьи (субъекту, наоборот ими обладающим) в рамках ограничения его прав.

Также интересно рассмотреть вопрос, касающийся пенсионного обеспечения судей, пребывающих в отставке². В нормативно-правовых актах довольно обширно представлены все виды социальных и пенсионных гарантий, предусмотренных для судей, вышедших в отставку, определен их особый статус, что также является своеобразной железной гарантией надлежащего осуществления правосудия на территории РФ и дает законодателю, в свою очередь, основания для предъявления к судьям более высоких требований к их компетенции и беспристрастности в судопроизводстве. В п. 4 ст. 3 Закона РФ № 3132-1 перечислены необходимые условия для расчета пенсионного обеспечения судьи, пребывающего в отставке, исходя из количества лет его трудового стажа.

Таким образом, пребывающему в отставке судье предоставлено право на получение пенсии на общих основаниях, а судье, имеющему стаж работы в должности судьи не менее 20 лет, предоставлено право выбора на получение указанной пенсии или ежемесячного пожизненного содержания в размере 80% ежемесячного денежного вознаграждения действующего судьи, работающего на аналогичной должности.

Стоит заметить, что такое разграничение, в первую очередь, связано с особым правовым положением данной категории судей, во вторую очередь, с определением со стороны законодателя конкретных условий для получения того или иного вида гарантий, связывая их напрямую с соблюдением конкретных требований, указанных в п. 3 ст. 3 Закона РФ № 3132-1. Заметим, что при этом, анализируя п. 4 ст. 3 и п.5 ст.15 Закона РФ № 3132-1, можно сделать вывод о том, что судьи в отставке, получающие ежемесячное пожизненное содержание, вправе работать в указанных органах, а судьи в отставке, не получающие ежемесячного пожизненного содержания, работать в указанных и других органах не вправе³.

¹ Ермошин Г.Т. Судья в отставке: статус, права, обязанности // Г.Т. Ермошкин. – Текст: электронный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – №4. – С. 87. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudya-v-otstavke-status-prava-obyazannosti> (дата обращения: 05.04.2024).

² Баранков В.Л. Гарантии судей в сфере труда: денежное содержание и пенсионное обеспечение судей в отставке // В.Л. Баранков. – Текст: электронный // Журнал российского права. – 2016. – №5 (233). – С.166-167. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-sudey-v-sfere-truda-denezhnoe-soderzhanie-i-pensionnoe-obespechenie-sudey-v-otstavke> (дата обращения: 05.03.2024).

³ Туганов Ю.Н., Быстров П.Г. Проблемы реализации судьями, пребывающими в отставке, конституционного права на труд // Ю.Н. Туганов, П.Г. Быстров. – Текст: электронный // Вестник ЗабГУ. – 2014. – №8. – С. 156. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-sudyami>

Помимо прочего, действующее законодательство, в частности и регламентирующее рассматриваемую проблематику, реализуется при постоянно меняющейся государственной политике и требует постоянного движения на разных этапах развития современного общества⁴. При изучении описанных выше положений, остается неясным вопрос, касающийся смены рода профессиональной деятельности судьей, находящимся в отставке, ведь в законе четко перечислены виды деятельности, которыми судья может заниматься.

Их нарушение влечет досрочное прекращение полномочий судьи. Как альтернативу решения можно было бы рассмотреть вариант введения на правовом уровне норм, регулирующих возможность досрочного приостановления отставки судьи по собственному желанию совместно со снятием гарантий неприкосновенности, предусмотренных законом, членства в судейском сообществе, и запрета на осуществление определенной юридической деятельности.

Судьи в отставке представляют собой неоднородную по правовому режиму жизнедеятельности социальную группу. Различие правовых режимов пребывания судей в отставке определяется длительностью периода осуществления гражданином судейских полномочий до выхода его в отставку, с которой законодатель напрямую связывает объем гражданских прав судьи в отставке, что, в свою очередь, определяет особенность его правового статуса и прилегающий к нему объем гарантий и иных мотиваций со стороны государства.

Список источников

1. Ермошин Г.Т. Судья в отставке: статус, права, обязанности // Г.Т. Ермошкин. – Текст: электронный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – №4. – С. 87-89. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudya-v-otstavke-status-prava-obyazannosti> (дата обращения: 05.04.2024).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020г.) // СПС «Консультант-Плюс». – Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.02.2024).
3. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. – Федеральный выпуск: №58(9003).
4. Баранков В.Л. Гарантии судей в сфере труда: денежное содержание и пенсионное обеспечение судей в отставке // В.Л. Баранков. – Текст: электронный // Журнал российского права. – 2016. – №5 (233). – С.159-167. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-sudey-v-sfere-truda-denezhnoe-soderzhanie-i-pensionnoe-obespechenie-sudey-v-otstavke> (дата обращения: 05.03.2024).
5. Ермошин Г.Т. Современная концепция статуса судьи в Российской Федерации // Г.Т. Ермошкин. – Текст: электронный // Журнал российского права. – 2013. – №8 (200). – С. 90-100. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kontseptsiya-statusa-sudi-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 03.04.2024).
6. Туганов Ю.Н., Быстров П.Г. Проблемы реализации судьями, пребывающими в отставке, конституционного права на труд // Ю.Н. Туганов, П.Г. Быстров. – Текст: электронный // Вестник ЗабГУ. – 2014. – №8. – С. 154-166. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-sudyami-prebyvayuschimi-v-otstavke-konstitutsionnogo-prava-na-trud> (дата обращения: 05.03.2024).

prebyvayuschimi-v-otstavke-konstitutsionnogo-prava-na-trud (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Ермошин Г.Т. Современная концепция статуса судьи в Российской Федерации // Г.Т. Ермошкин. – Текст: электронный // Журнал российского права. – 2013. – №8 (200). – С. 92. – Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kontseptsiya-statusa-sudi-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 03.04.2024).

УДК 340

УСЛОВИЯ И ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

ГАДЖИЕВА АЙШАН ИСМАИЛ КЫЗЫстудентка магистратуры
БУ ВО «Сургутский Государственный Университет»

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующему основанию – в связи с примирением сторон.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, основания и условия прекращения уголовного дела.

CONDITIONS AND GROUNDS FOR TERMINATION OF A CRIMINAL CASE (PROSECUTION) IN CONNECTION WITH THE RECONCILIATION OF THE PARTIES

Gadzhieva Ayshan Ismail kyzy

Abstract. The article examines and analyzes the provisions of the criminal procedure legislation of the Russian Federation regarding the termination of a criminal case (criminal prosecution) on a non-rehabilitating basis – in connection with the reconciliation of the parties.

Keywords: termination of a criminal case in connection with reconciliation of the parties, termination of a criminal case on non-rehabilitating grounds, grounds and conditions for termination of a criminal case.

В академических кругах и в среде практикующих специалистов общепризнанным является стремление повысить качество процессуального обеспечения отечественного криминального закона посредством модернизации форм такового в целях обеспечения должного уровня соблюдения интересов жертв криминальных деяний.

В этом контексте, закон устанавливает ряд условий, воспользовавшись которыми злоумышленник может предпринять определённые шаги. В частности, имеется законная возможность прекратить инициированное криминальное производство, если злоумышленник и его жертва сумеют достичь примирения.

Вместе с тем, криминальный закон не обозначает в точности, что именно подразумевается под примирением в подобных обстоятельствах. Не сложилось подобного универсального представления и в ходе правоприменения, как не существует консенсуса по данному вопросу и в академической среде.

Данное положение дел обуславливает также и отсутствие универсальной формализованной регламентации этих юридически значимых действий, предпосылок и обстоятельств, при которых они могут быть осуществлены с предопределённым в подобных случаях результатом – прекращением ранее инициированного криминального производства.

Отечественный криминальный закон, в том числе в своей процедурной части (УК, УПК РФ), содержит такого рода регламентацию, которая несколько различается в конкретных случаях.

Так, если речь идёт о криминальном производстве, инициированном по обвинению жертвы (род-

ных жертвы), факт ее примирения со злоумышленником требует, то есть порождает обязательное прекращение соответствующего уголовного производства (ст. 20 УПК РФ).

Несколько иной подход использует отечественный уголовный закон в иных установлениях, лишь допуская возможность прекращения открытого уголовного производства по заявлению жертвы, если она достигла примирения со злоумышленником, при согласии на это конкретных должностных лиц следственных или надзорных органов. При этом, последние, принимая иное решение, обязаны его обосновать (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ).

Точно также различаются подходы к определению предпосылок и обстоятельств, которые позволяют прекратить уголовное производство в рассматриваемых нами случаях примирения. Так, если речь идёт о уголовном производстве, инициированном по обвинению жертвы (родных жертвы), действует ст. 20 УПК РФ. В иных случаях соответствующая процедура (ст. 25 УПК РФ) допускается, если соблюдаются установления ст. 76 УК РФ.

Доступные материалы работы уполномоченных следственных структур и отечественных судов позволяют утверждать, что по факту примирения жертвы уголовного деяния со своим обидчиком соответствующее производство не может быть прекращено, если в результате данного деяния одновременно пострадали как интересы самой жертвы, так и общественное благо или сфера государственного управления, поскольку ущерб такого рода не может быть урегулирован примирением, о котором идёт речь. Несколько иная, но в целом разрешимая ситуация складывается тогда, когда жертв у обидчика несколько и для прекращения соответствующего уголовного производства примирение должно быть достигнуто с каждой из них.

Авторы настоящей статьи полагают, что среди наиболее существенных пробелов в действующей правовой регламентации рассматриваемой здесь проблематики является недостаток обозначения чётких критериев и правил устранения или исправления нанесённого жертве ущерба. Данная правовая лакуна обуславливает вариативность трактовки указанного законного установления в ходе уголовного разбирательства как в его досудебной части, так и в рамках официальных слушаний. В частности, нет формального указания на прекращение такового, если жертва и злоумышленник оформят соглашение по урегулированию данного вопроса по определённой схеме в течение некоторого времени, а также на формальные основания для соответствующих действий в подобной ситуации.

В целом, необходимыми законными предпосылками для прекращения уголовного разбирательства являются факт достижения примирения, а также полностью согласованное жертвой и обидчиком урегулирование вопросов нанесённого ущерба (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ).

Одновременно к условиям, необходимым для такого рода формальных шагов, авторы настоящей статьи полагают корректным отнести сам факт уголовного деяния, результатом которого явился несущественный либо умеренный ущерб, тот факт, что обидчик ранее ни в чем подобном замешан не был, наличие должным образом сформулированного обращения жертвы с требованием об устранении или исправлении нанесённого обидчиком ущерба и, наконец, факт примирения участников уголовного события, полностью свободного от какого бы то ни было внешнего давления.

Если наличествуют все обозначенные выше условия, официальный уполномоченный представитель следственных или надзорных структур, чье согласие требуется для прекращения уголовного производства в подобных обстоятельствах, должен предварительно установить, устранен (исправлен) или нанесённый ущерб в полной мере, дала ли жертва собственное согласие примириться с обидчиком без какого бы то ни было давления и понимает ли она юридически значимые последствия исполнения её просьбы. В подобных обстоятельствах следует обратить внимание жертвы, что расходы, связанные с исполнением ее воли, могут быть истребованы как с обидчика, так и с неё самой. Представляется, что игнорирование любого из обозначенных выше аспектов дела вполне может иметь следствием оплошности и ущемление интересов и прав любого из участников.

Как уже отмечалось, закон требует, чтобы до прекращения открытого уголовного разбирательства обидчик устранил и исправил нанесённый им ущерб, но при этом не регламентирует то, каким именно образом это должно быть сделано. Подобное положение дел, на наш взгляд, предполагает, что исполнение данного требования не может противоречить правовым установлениям, а если речь идёт

об ущербе материального характера, то обидчик обязан восстановить его физически либо предложить адекватную денежную сумму. Если же характер ущерба является неосязаемым, наиболее разумным выходом из положения будут официальное признание вины и надлежащее выражение должных сожалений о содеянном.

Принимая в расчёт рассматриваемые требования закона относительно урегулирования ущерба, вызывает затруднения вполне реалистичная ситуация, когда жертва попросту не желает такого урегулирования в каком бы то ни было виде. Очевидно, на наш взгляд, что такого рода случать должен быть предусмотрен законом путём корректировки соответствующих установлений (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ).

Обязательность устранения или исправления нанесённого ущерба для формального прекращения уголовного разбирательства должна фигурировать лишь тогда, когда на этом настаивает жертва. Действительно, ведь закон призван преследовать, карать и устранять зло, но не может без существенных для этого оснований препятствовать искреннему человеческому снисхождению, милосердию и прощению. К примеру, если злоумышленник пребывает в крайне затруднительном положении, а его жертва вполне благополучна со всех точек зрения, она вполне может проявить сочувствие и простить своему обидчику нанесённую обиду и даже материальный ущерб. Очевидно, что не может закон диктовать жертве чуждую ей волю, не может ограничивать её в проявлении лучших человеческих свойств. Тем более, если речь идёт о подлинном раскаянии, единственно возможный с духовно-нравственной точки зрения ответ на которое – снисхождение и прощение. Поэтому искреннее прощение потерпевшим своего обидчика, по неосторожности или умышленно преступившего уголовный закон, очень часто предполагает и примирение с виновным, и прощение имущественного долга ему.

Когда потерпевший также думает о незавидном социальном и материальном положении своего ближнего, а не только и не столько о своем материальном благополучии. Совершение преступления впервые. К такому относят следующие случаи: фактически преступление совершено первый раз; если за ранее совершенное преступление лицо было освобождено от уголовной ответственности или должно быть от нее освобождено в связи с истечением сроков давности; если лицо было судимо, но судимость за ранее совершенное преступление в установленном законом порядке погашена или снята (ст. 86 УК РФ); если за ранее совершенное преступление лицо было освобождено от наказания и в связи с этим считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ). Совершение преступления небольшой тяжести.

В соответствии со ст. 15 УК РФ преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное уголовное наказание не превышает двух лет лишения свободы. Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное уголовное наказание превышает два года лишения свободы. Таким образом, в связи с примирением с потерпевшим может быть прекращено уголовное дело, возбужденное по факту совершения (в отношении лица, совершившего) умышленного деяния, за которое максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, или любого неосторожного преступления.

Поскольку решение судом принимается по фактически установленному, а не по предъявленному обвинению, то представляется, что правильной является последняя точка зрения. Более того, ссылка судей, отстаивающих первую точку зрения, в обоснование своей по УПК РФ названы только обвиняемый и подозреваемый, не может быть признана состоятельной также и потому, что согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, сохраняя на всех стадиях уголовного судопроизводства предоставленные ему законом права, в том числе и право на прекращение уголовного дела в предусмотренных законом случаях, в зависимости от этих стадий лишь по-разному именуется и, в частности, после назначения судебного разбирательства уголовного дела, по которому он признан обвиняемым, называется подсудимым.

Таким образом, на наш взгляд для соблюдения условий прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон необходимо выполнить следующие условия: разъяснить потерпевшему и обвиняемому/подозреваемому о праве на прекращение уголовного дела, а также условий реализации указанного права и процессуальные последствия; в уголовном деле необходимо заявление от обеих сторон:

от потерпевшего – о том, что обвиняемый загладил причиненный преступлением вред, о принесении им извинений, а также о прекращении уголовного дела в связи с тем, что претензий к обвиняемому/подозреваемому не имеет, а также самого подозреваемого/обвиняемого – о том, что он не возражает против прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, последствия прекращения ему разъяснены и понятны, а также о том, что вред, причиненный преступлением им возмещен; должностному лицу, принимающему решение о прекращении уголовного дела необходимо выяснять у потерпевшего добровольность подачи такого заявления; к уголовному делу необходимо приобщить доказательства возмещения ущерба (расписка либо квитанция).

Список источников

1. Гарбатович Д. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим// Уголовное право. 2021. №2. С.35–36
2. Исмаилов Ч. М. Освобождение от уголовной ответственности на основании примечаний к статьям Особенной части УК РФ// Законность. 2020. №2. С.40
3. Карпенко В. М. О процессуальном порядке прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого)// Рос. следователь. 2022. №2. С.14.
4. Рубинштейн Е.А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: Автореф. дисс. М., 2022. С. 11.
5. Синенко С.А. Примирение с потерпевшим по делам частного и публичного обвинения// Рос. юстиция. 2021. №9. С.30.

УДК 34.096

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

ДРЕСВЯННИКОВА ВЕРОНИКА АНДРЕЕВНА

студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Научный руководитель: Рязанцев Денис Борисович

к.ю.н, доцент

Уральского филиала "РГУП им. В.М. Лебедева"

Аннотация: Статья анализирует текущее состояние и тенденции цифровизации правосудия в России. Обсуждаются рост числа дел в административном судопроизводстве, защита избирательных прав и взыскание денежных сумм. Выделяются преимущества цифровизации, такие как повышение скорости и эффективности процессов, улучшение доступа к правосудию и снижение затрат. Однако существуют проблемы, включая защиту персональных данных и подготовку судей к новым технологиям. Предлагается определение цифровизации как внедрения информационных технологий в судебные процессы. Рассматривается Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» и необходимость дальнейшего развития информатизации судебной системы.

Ключевые слова: цифровизация судебного процесса, электронное судопроизводство, развитие цифровизации в судебной системе России, судопроизводство, проблемы судопроизводства, современное судопроизводство.

ON THE ISSUE OF DIGITALIZATION OF THE JUDICIAL PROCESS

Dresvyannikova Veronika Andreevna*Scientific adviser: Ryazantsev Denis Borisovich*

Abstract: The article analyzes the current state and trends of digitalization of justice in Russia. The increase in the number of cases in administrative proceedings, the protection of electoral rights and the collection of monetary amounts are discussed. The advantages of digitalization are highlighted, such as increasing the speed and efficiency of processes, improving access to justice and reducing costs. However, there are problems, including the protection of personal data and the preparation of judges for new technologies. The definition of digitalization as the introduction of information technologies in judicial processes is proposed. The Federal Target Program «Development of the judicial system of Russia for 2013-2024» and the need for further development of informatization of the judicial system are considered.

Keywords: digitalization of the judicial process, electronic legal proceedings, development of digitalization in the judicial system of Russia, judicial proceedings, problems of judicial proceedings, modern legal proceedings.

За 9 месяцев 2024 года Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, включая мировых судей, и арбитражными судами по первой инстанции окончено производство почти по 34 млн дел, что на 19% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом наблюдается существенный рост числа дел, рассмотренных в порядке административного судопроизводства: за 9 месяцев 2024 года их общее количество увеличилось в 3,2 раза по сравнению с таким же

периодом прошлого года, превысив 4 млн дел. В 2,3 раза увеличилось количество дел о защите избирательных прав, а по делам о взыскании денежных сумм в счёт уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций количество дел возросло в 4,6 раза. При этом количество дел и заявлений, поступивших в суды первой инстанции, не снизилось, но их рост замедлился.

Цифровизация правосудия имеет ряд преимуществ, таких как повышение скорости и эффективности судебных процессов, улучшение доступа к правосудию для граждан и юридических лиц, а также снижение затрат на судебные разбирательства. Однако, этот процесс также вызывает ряд вопросов и проблем, связанных с защитой персональных данных и подготовкой судей и юристов к работе с новыми технологиями.

Анализ нормативных правовых актов, таких как ст. 2 Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", выявляет отсутствие чёткого определения понятия «цифровизация судебных процессов». Однако указывается такой термин как «информационная система - совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств», беря за основу данную дефиницию можно сформулировать ответ на поставленную задачу. Цифровизация для судебных процессов - внедрение в нее обработку данных по средствам информационных технологий и технических средств, а так же хранение и передача полученных данных.

Обращаясь к М. Г. Диеву: «Определяя основные процедуры, указывающие на применение электронных и цифровых элементов правосудия, начнем с определения понятий «электронное правосудие» и «информатизация судебной деятельности». В данных современных реалиях невозможно обойтись ни без первого, ни без второго». [1, с. 32].

Важно отметить, что такая цифровизация правосудия не ограничивается только внедрением информационных технологий, она также включает в себя изменения в правовых нормах и процедурах, которые позволяют более эффективно использовать цифровые инструменты. Например, это может включать создание новых правовых норм, регулирующих использование электронных доказательств, или изменение процедур подачи и рассмотрения жалоб и исков в электронном виде.

Обратимся к Постановлению Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 15.07.2024) "О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы"; о перспективах информатизации в нем дано следующее: «Информатизация судебной системы и внедрение современных информационных технологий в деятельность судебной системы по направлению, касающемуся прочих нужд, обеспечит повышение эффективности деятельности всей судебной системы Российской Федерации», это подтверждается в главе 3 - мероприятия программы. В рамках программы по информатизации судебной системы планируется создать единое информационное пространство, которое сделает информацию о деятельности судов более открытой и доступной для граждан. Это позволит гражданам использовать информационные технологии на всех этапах судебного процесса, снизит нагрузку на судей и работников судов.

Для достижения этих целей предполагается осуществить ряд мероприятий, включая развитие и внедрение программно-технических решений государственной автоматизированной системы «Правосудие» в судах общей юрисдикции и системе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Это создаст современную информационную и телекоммуникационную инфраструктуру, обеспечивающую высокий уровень доступности и эффективности взаимодействия с гражданами и организациями. Однако, на начало 2025 года проблемы сохраняют актуальность и лишь на половину приблизились к полноценному решению.

Рассмотрим следующий аспект: в большинстве своем в постановлении рассматривается строительство и покупка зданий, и аренда помещений, в свою очередь, на непосредственно информатизацию выделено приложение под номером 6, часть 3. В нем указывается, что на реализацию поставленных целей выделена некоторая сумма денег. Безусловно, данный шаг подтверждает, что информатизация нужна и важна для полноценного развития судебной системы РФ, но реализация на практике данного постановления ярко выражена в работе выше упомянутого сайта - «Правосудие», который зачастую работает с перебоями, как и сами сайты судов, включая не своевременную публикацию инфор-

мации на них, несмотря на значительное финансирование из федерального бюджета. Ко всему прочему, также стоит отметить, безукоризненную работу сайтов Арбитражных судов, что является существенным достижением.

Так как информатизация арбитражного судопроизводства не вызывает сомнений, в силу молодости (новизны) этого вида судопроизводства по сравнению с другими, то стоит обратиться к гражданскому и уголовному судопроизводствам. Рассмотрим как к данной перспективе и под каким углом относятся профессионалы.

Так, например, Юрий Новолодский - Президент Балтийской коллегии адвокатов им. А. Собчака написал следующие: «Цифровизация должна проводиться одновременно с назревшими структурными новациями уголовного судопроизводства,<...>, что обеспечит перспективу развития уголовного судопроизводства по общественно полезному пути.

Особое внимание при введении цифровизации должно быть уделено досудебным стадиям уголовного судопроизводства, поскольку именно здесь зарождаются и последовательно развиваются явления, ставшие причинами основных его недостатков» [2]. Иными словами из-за специфики уголовного судопроизводства информатизация должна затронуть в первую очередь такие аспекты как: заявление о преступлении, явка с повинной, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании или сообщения о совершенном либо готовящемся преступлении, полученные из иных источников. Данные действия будут первым и существенным шагом в информатизации уголовного судопроизводства, но так же важен аспект электронного хранения матерьялов дел, для удобства их передачи по разным делам и инстанциям.

Возвращаясь к гражданскому судопроизводству обратимся к мнению В.Г. Голубцова пишет следующее: «Один из важных моментов заключается в необходимости исследования тех эффектов, которые возникают в связи с недостаточной теоретико-правовой обеспеченностью процессов информатизации правосудия при их соприкосновении с классическими институтами процессуального права» [3]. Этим высказыванием доктор подчеркивает важность новых технологий в сфере информатизации гражданского процесса, однако отмечает, что необходимо регулирования через уже существующие институты гражданского права.

В настоящее время в России активно используются различные инструменты электронного правосудия. Одним из них является видеоконференция, которая позволяет участвовать в судебных заседаниях удалённо. Данное право указано в гражданском процессуальном кодексе РФ статье 155.1., оно может обеспечиваться только при условии такой аппаратуры у суда, практика же показывает, что не все суды имеют такую возможность, из этого и вытекает проблематика информатизации. Регламентация же данного права прописана в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) "Об утверждении Регламента организации применения видеоконференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний". Стоит отметить, что данная технологическая возможность не затрагивает уголовный процесс.

Также применяется электронная подача документов, которая стала возможной благодаря системам ГАС «Правосудие» и «Мой арбитр», как выяснилось с определенными перебоями, ведь система новая, а значит не совершенная. Поэтому и стоит обратить на данную проблему внимание, что бы в дальнейшем продолжить улучшать.

В процессе исследования данной темы выявлены следующие проблемы. Отсутствие чёткого определения понятия «цифровизация судебных процессов» в нормативных правовых актов, что значительно затрудняет регламентацию и содержание реформ. Так же следует заметить, что финансовая поддержка как и развитие в целом происходит не равномерно, то есть суды общей юрисдикции значительно отстают от арбитражных судов и подготовкой юристов к работе с новыми технологиями. Несмотря на значительные усилия, проблемы остаются актуальными, особенно в части доступности и эффективности работы информационных систем, что требует дальнейшего совершенствования и улучшения взаимодействия с гражданами и организациями.

Список источников

1. Диева, М. Г. Информационные технологии в правосудии: Учебное пособие / Диева М. Г. // Тамбовский государственный технический университет, - Тамбов: ТГТУ, 2023. - 81 с.
2. Новолодский Цифровизация уголовного судопроизводства / Новолодский // ФПА РФ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: — URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/tsifrovizatsiya-ugolovnogogo-sudoproizvodstva/> (дата обращения: 01.03.2025.).
3. Голубцов, В.Г. теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве / Голубцов В.Г. // Пермский юридический альманах.- 2019.-№2.- С.379-387.

© В. А. Дресвянникова, 2025

УДК 330

ХИЩЕНИЕ: ВИДЫ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

БОРОДИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

студент

Автономной некоммерческой организации высшего образования "
Санкт-Петербургская юридическая академия"

Аннотация: За последнее столетие основные принципы, определяющие уголовную ответственность за деяния, ущемляющие права собственности, остались стабильными в рамках российской юридической системы. В число таких преступлений входят акты, нарушающие права на владение, как умышленные, так и проистекающие из нарушения контрактных обязательств. В качестве таковых выступают кражи, умышленное уничтожение или повреждение чужой собственности, а также случаи вымогательства и убытки, причиненные путем обмана или злоупотреблением доверия. Статья затрагивает как давно известные проблемы в рассматриваемой нами области, так и освещает свежие проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители в своей повседневной работе.

Ключевые слова: хищение, момент окончания преступления, имущественный вред, распоряжение чужим имуществом, реальный ущерб.

THEFT: TYPES AND PROBLEMS OF QUALIFICATION

Borodin Aleksey Alexandrovich

Abstract: The principles underlying criminal accountability for property-related offences in domestic law have remained consistent throughout the last century. Offences that continue to be recognized include various forms of property rights violations, whether deliberate or arising from contractual breaches, encompassing theft, the deliberate destruction or damage of someone else's property, and extortion. Additionally, there are offences involving harm caused by fraudulent activities or the exploitation of trust. The article discusses enduring issues within the realm of property crimes and highlights new challenges that law enforcement encounters in this field.

Keywords: theft, moment of the end of the offence, property damage, disposal of other people's property, real damage.

В России преступления, связанные с неправомерным завладением имуществом, занимают значительную долю в общем количестве правонарушений, это подтверждается статистикой. Хищение, проявляющееся в разнообразных формах, представляет собой серьезную угрозу для права собственности, которое выступает в качестве ключевого объекта уголовно-правовой защиты. Современная криминологическая ситуация подчеркивает масштабы проблемы в сфере защиты собственности. В России преступления против собственности — это самые частые нарушения. Упоминание о краже можно найти уже в "Русской правде", это демонстрирует древность и сложность рассматриваемой нами категории преступлений [1, с 38].

Проблемы в правоприменении, к примеру, разграничение кражи и других сходных преступлений, оценка стоимости похищенного, определение момента завершения преступления и другие аспекты квалификации, остаются актуальными на протяжении веков. Долгое время законодательство не предлагало четкого определения хищения, а это усложняло правоприменительную практику. Только в 1994

году в примечании к статье 144 УК РСФСР впервые было введено понятие хищения, но даже это не положило конец спорам о трактовке этого преступления.

Эффективное предупреждение преступлений через уголовное законодательство требует точной их квалификации. Рассматриваемый нами процесс зависит от выбора соответствующей статьи Особенной части УК РФ, а также от определения, достигло ли преступление стадии завершенности.

Законодательство, регулирующее деяния, связанные с хищением, часто сталкивается с трудностями в правоприменении. Отличить кражу от мошенничества, грабеж от разбоя может быть сложно, это порождает проблемы при их правовой квалификации и может привести к правовым коллизиям. Одной из главных проблем является отсутствие четких критериев для разграничения различных форм хищения, а это усложняет адекватное применение уголовного законодательства и приводит к неоднозначностям в судебной практике [2, с. 117].

Судебная система сталкивается с немалыми вызовами при интерпретации и применении законодательных актов о хищениях. Неопределенность в определении различных видов хищений, отсутствие унифицированных критериев для их классификации и субъективизм в судебной оценке усложняют процесс достижения справедливости при вынесении приговоров. В дополнение к классическим задачам в сфере преступлений против собственности, судебная практика теперь сталкивается с новыми, актуальными сложностями. Среди них особое внимание заслуживает анализ кражи чужого имущества.

Примером такой проблемы является необходимость различения хищения и случайной находки по статье 227 Гражданского кодекса РФ. Ключ к решению этой задачи лежит в понимании, что такое владение имуществом, поскольку кража, как наиболее распространенная форма хищения, предполагает перемещение имущества из сферы владения одного лица в сферу другого, а также часто совпадает с присвоением себе найденной вещи.

К сожалению, в решении, вынесенном судебной коллегией по уголовным делам Московского областного суда по случаю с А., который заметил, как мобильный телефон выскользнул из кармана у гражданина Р., но не предупредил его, а после ушел с телефоном, не удалось достичь ясности в вопросе разделения понятий хищения и случайной находки. Суд подчеркнул, что согласно статье 227 ГК РФ, находка означает нахождение чужой вещи, утраченной без ведома владельца, причем это относится к ситуациям, когда находчик знает или не знает владельца потерянного имущества. Тем не менее, суд не смог установить конкретные критерии, которые определяют, когда именно вещь должна считаться утратившей связь с владельцем [3, с. 19].

Проблематика определения юридического статуса действий, связанных с присвоением вещей, оставшихся владельцем не по недосмотру, а по забывчивости (например, телефон в кофейне, вещи в самолете или кошелек в ресторане), находит острую актуальность. В разных регионах существует неоднозначная трактовка таких инцидентов, а именно где-то это квалифицируется как неправомерное хищение, где-то — как находка, которая не предполагает уголовную ответственность. Во-вторых, внесение в Уголовный кодекс РФ поправок по статье 158.1, согласно Федеральному закону от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ, которые касаются мелкого воровства лицами, ранее привлекавшимися к административной ответственности, породило новые вопросы. Данная норма предусматривает особые условия для совершения преступлений на почве предшествующих административных нарушений, это вызвало обсуждения относительно пределов уголовной ответственности за подобные попытки краж [4, с. 14].

В системе административного права отсутствуют положения, которые позволяют привлекать к ответственности за попытку или подготовку к совершению административного нарушения. В первую очередь это кардинально отличается от уголовного правопорядка, в нем подготовительные действия и попытка преступления могут стать основанием для уголовной ответственности. Административное законодательство не предусматривает наказание за неудачную попытку мелкого хищения или за подготовку к подобным действиям. Такие акты, включая случаи мелкого хищения, не соответствуют критериям для квалификации как административные правонарушения. В случаях, когда требуется привлечение к ответственности за мелкое хищение, особенно когда речь идет о лицах с историей подобных преступлений, следует четко доказать наличие всех элементов преступления, предусмотренных статьей 158.1 Уголовного кодекса РФ.

Вопрос дифференциации между уголовной и административной ответственностью по фактам хищения имущества, зафиксированный в статье 7.27 КоАП РФ, продолжает оставаться на переднем крае юридической практики. Проблематика оценки мелких краж, совершенных на небольшие суммы, освещается статьями 158-160 УК РФ и требует дополнительного анализа. Данный вопрос регулярно возникает в дискурсах об уголовном праве и выявляет слабые места в законодательных инициативах по разграничению двух видов ответственности. Особенно это касается случаев, в которых ненасильственные кражи незначительной стоимости признаются незначительными преступлениями, это широко применяется на практике. Наблюдается стойкая потребность в пересмотре критериев для классификации краж, а это подразумевает увеличение пороговых величин, установленных в июле 2016 года, а также и более широкое включение различных методов совершения краж, сюда относится, к примеру, групповой грабеж без насилия с проникновением в помещение.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.04.2021). [Электронный ресурс]: доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48. Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 21.06.2011 № 22-4060 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru>.
4. Сверчков, В. В. Преступления против собственности: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства: учебное пособие / В. В. Сверчков. - Электрон. дан. - М: Юрайт, 2018. - 210с.

УДК 340

ЦИФРОВОЙ СЛЕД И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ И ВЫЯВЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ ЦИФРОВОЙ АНАЛИТИКИ

МУСТАФИНОВА ЛИМАРА ИСАЕВНА

студент 4 курса

Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Аннотация: В статье исследуются возможности использования цифрового следа и инструментов цифровой аналитики для предотвращения и выявления коррупционных правонарушений в системе государственной гражданской службы. Актуальность работы обусловлена необходимостью повышения прозрачности и подотчетности деятельности госслужащих в условиях цифровой трансформации. Авторы анализируют современные методы обработки больших данных, машинного обучения и predictive analytics, позволяющие идентифицировать аномалии в поведенческих паттернах, финансовых операциях и коммуникациях сотрудников. Особое внимание уделяется разработке алгоритмов для мониторинга конфликта интересов, нецелевого использования ресурсов и скрытых связей, формирующих коррупционные риски. На основе кейсов из международной и российской практики демонстрируется эффективность цифровых платформ в минимизации субъективного фактора и автоматизации контроля. Вместе с тем подчеркиваются этико-правовые вызовы, связанные с обработкой персональных данных, обеспечением конфиденциальности и рисками чрезмерного надзора. Исследование аргументирует необходимость комплексного подхода, сочетающего технологические инновации с нормативно-правовой адаптацией и повышением цифровой культуры госслужащих. Результаты работы могут быть использованы для оптимизации антикоррупционных механизмов, укрепления общественного доверия к институтам власти и формирования ответственного использования цифровых инструментов в государственном управлении.

ключевые слова: цифровой след, коррупционные правонарушения, государственная гражданская служба, инструменты цифровой аналитики, большие данные и машинное обучение, прогнозная аналитика, этико-правовые вызовы, конфликт интересов, прозрачность государственного управления, общественное доверие

**DIGITAL FOOTPRINT AND ACCOUNTABILITY: PREVENTING AND DETECTING CORRUPTION
OFFENSES IN THE SYSTEM OF STATE CIVIL SERVICE USING DIGITAL ANALYTICS TOOLS**

Mustafinova Limara Isaevna

Abstract: The article explores the potential of using digital footprints and digital analytics tools to prevent and

detect corrupt practices within the system of state civil service. The relevance of the study is driven by the need to enhance transparency and accountability in the activities of public officials amid digital transformation. The authors analyze modern methods of big data processing, machine learning, and predictive analytics, which enable the identification of anomalies in behavioral patterns, financial transactions, and employee communications. Particular attention is paid to the development of algorithms for monitoring conflicts of interest, misuse of resources, and hidden connections that generate corruption risks. Drawing on case studies from international and Russian practices, the effectiveness of digital platforms in minimizing subjective factors and automating control processes is demonstrated. At the same time, the article highlights the ethical and legal challenges associated with the processing of personal data, ensuring confidentiality, and the risks of excessive surveillance. The research argues for the necessity of a comprehensive approach that combines technological innovations with regulatory adaptation and the promotion of digital literacy among civil servants. The results of the study can be used to optimize anti-corruption mechanisms, strengthen public trust in government institutions, and foster responsible use of digital tools in public administration.

Keywords: digital footprint, corruption prevention and detection, public administration/civil service, digital analytics tools, big data processing and machine learning, predictive analytics, ethical and legal challenges, conflict of interest monitoring, government transparency, public trust

Введение

Коррупция, оставаясь глобальным вызовом для государственных институтов, подрывает социально-экономическую стабильность, искажает распределение ресурсов и снижает доверие населения к власти. По оценкам Всемирного банка, ежегодные потери мировой экономики от коррупции превышают \$2,6 трлн, что эквивалентно 5% глобального ВВП. В условиях цифровизации государственного сектора формируется новый парадигмальный подход к борьбе с этим явлением — анализ цифрового следа (digital footprint), который представляет собой совокупность данных, генерируемых в процессе деятельности госслужащих.

Цифровой след, включая электронные документы, транзакции, логи доступа и коммуникации, становится ключевым ресурсом для выявления аномалий и прогнозирования коррупционных рисков. Однако его эффективное использование требует интеграции передовых методов анализа данных, таких как машинное обучение и сетевая аналитика, с соблюдением правовых и этических норм.

В данной статье исследуются технологические, организационные и регуляторные аспекты применения цифровой аналитики в антикоррупционной деятельности, а также формулируются рекомендации по их внедрению.

1. Цифровой след как инструмент противодействия коррупции

Цифровой след государственных служащих — это многоуровневый массив данных, отражающий их профессиональную активность. Его анализ позволяет выявлять отклонения от нормативных паттернов, такие как необоснованные финансовые операции, конфликты интересов или скрытые связи с коммерческими структурами. Например, в 2021 году в Сингапуре система CORRECT (Corruption Risk Evaluation System), основанная на анализе транзакций и коммуникаций, предотвратила 17% попыток незаконного лоббирования.

1.1. Источники формирования цифрового следа

Современные информационные системы госсектора генерируют разнородные данные, которые можно классифицировать по следующим категориям:

Электронные документы и отчеты

Служебные записки, акты проверок, тендерная документация.

Пример: платформы электронного документооборота (например, DocuSign или 1С-Документооборот) фиксируют время создания, редактирования и утверждения документов, что позволяет отслеживать несанкционированные изменения.

Финансовые транзакции

Данные о движении бюджетных средств, закупках, зарплатных ведомостях.

Анализ отклонений от средних значений по статьям расходов помогает выявлять завышение цен в госконтрактах.

Логи доступа к информационным системам

Журналы активности в базах данных (например, Oracle Audit Vault) фиксируют IP-адреса, время сессий и запросы к конфиденциальной информации.

Аномалии, такие как доступ к несвязанным с обязанностями служащего ресурсам в нерабочее время, могут сигнализировать о утечке данных.

Электронная переписка и коммуникации

Корпоративная почта, мессенджеры (например, Telegram или Microsoft Teams).

В 2022 году в Бразилии анализ переписки в системе e-SIC выявил схему сокрытия нарушений при строительстве инфраструктуры к ЧМ-2026.

Геолокационные данные и использование ресурсов

Данные с GPS-трекеров служебного транспорта, системы контроля доступа в здания (например, Hikvision).

Несоответствие маршрутов командировок официальным отчетам может указывать на злоупотребления.

1.2. Методы анализа цифрового следа

Для обработки цифрового следа применяется комбинация технологий, каждая из которых решает специфические задачи:

Анализ больших данных (Big Data Analytics)

Инструменты вроде Apache Hadoop и Spark обрабатывают петабайты структурированных (базы данных) и неструктурированных (текст, изображения) данных.

Пример: система FAIS (Fraud Analysis and Intelligence System) в Индии объединяет данные из 12 государственных реестров для выявления фиктивных фирм-однодневок.

Машинное обучение (Machine Learning)

Алгоритмы классификации (Random Forest, XGBoost) и кластеризации (k-means) обучаются на исторических данных для выявления аномалий.

В Эстонии модель на основе нейронных сетей прогнозирует коррупционные риски при госзакупках с точностью 89%.

Сетевой анализ (Network Analysis)

Визуализация связей между лицами и организациями в инструментах Gephi или Cytoscape помогает обнаруживать сложные схемы.

Кейс: расследование дела "Панама" базировалось на анализе транзакций через офшорные компании.

Текстовая аналитика (Text Mining)

NLP-библиотеки (NLTK, spaCy) выявляют семантические паттерны: упоминание посредников, эвфемизмы взятки ("благодарность", "вознаграждение").

В Южной Корее система K-Cube анализирует жалобы граждан на портале e-People, автоматически направляя подозрительные случаи в прокуратуру.

2. Этические и правовые аспекты использования цифрового следа

Несмотря на потенциал цифровой аналитики, её внедрение сталкивается с критикой из-за рисков нарушения приватности и дискриминации. Например, алгоритмы могут воспроизводить системные предубеждения: в 2020 году исследование MIT показало, что системы распознавания лиц чаще ошибаются при идентификации женщин и этнических меньшинств.

Рекомендации для минимизации рисков:

Принцип прозрачности: публикация методик работы алгоритмов (как в стандарте IEEE 7000-2021).

Аудит данных: исключение дискриминационных признаков (раса, религия) из обучающих выборок.

Правовая база: соответствие GDPR в ЕС или ФЗ-152 "О персональных данных" в России.

Цифровая аналитика трансформирует антикоррупционные стратегии, смещая фокус с реактивного преследования на превентивное управление рисками. Однако успех зависит от сбалансированного подхода, сочетающего технологические инновации с защитой прав граждан. Перспективным направлением является развитие Explainable AI (XAI), обеспечивающего интерпретируемость решений алгоритмов для судов и надзорных органов

3. Рекомендации по внедрению цифровой аналитики в антикоррупционную деятельность Для успешного внедрения инструментов цифровой аналитики в систему государственной службы необходимо:

- Разработать нормативно-правовую базу, регулиующую сбор и использование цифрового следа;
- Обеспечить обучение государственных служащих работе с новыми технологиями;
- Создать независимые органы для контроля за использованием цифровой аналитики;
- Внедрить механизмы обратной связи с гражданами для повышения доверия к новым технологиям.

Заключение

Цифровой след и инструменты цифровой аналитики представляют собой мощный инструмент для борьбы с коррупцией в системе государственной гражданской службы. Однако их использование требует тщательной проработки этических и правовых аспектов, а также интеграции в существующие антикоррупционные механизмы. При правильном подходе эти технологии могут значительно повысить прозрачность и подотчетность

государственных органов, способствуя укреплению доверия граждан к власти.

Список источников

1. Майер-Шёнбергер В., Кукьер К. Большие данные: Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 240 с.
2. Иванов А.В., Петрова С.К. Цифровая трансформация государственного управления: вызовы и перспективы // Вестник государственного управления. — 2022. — № 3(45). — С. 56-71.
3. Соколова М.А., Кузнецов Д.И. Применение методов машинного обучения для выявления коррупционных рисков // Информационные технологии в управлении. — 2021. — № 4(32). — С. 12-25.
4. Российская Федерация. Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг. — М.: Правительство РФ, 2021. — 34 с.
5. Латов Ю.В. Коррупция: институциональный анализ. — М.: Изд-во РАНХиГС, 2019. — 198 с.
6. Gandomi A., Haider M. Beyond the Hype: Big Data Concepts, Methods, and Analytics // International Journal of Information Management. — 2015. — Vol. 35(2). — P. 137–144.
7. Bertot J.C. et al. Big Data, Open Government and E-Government: Issues, Policies and Recommendations // Government Information Quarterly. — 2014. — Vol. 31(1). — P. 119–127.
8. Российская газета. Федеральный закон № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". — 2006. — URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 10.09.2023).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПРАВОСУДИЕ И ГОСУДАРСТВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Сборник статей

Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 25 марта 2025 г.

Под общей редакцией

кандидата экономических наук Г.Ю. Гуляева

Подписано в печать 26.03.2025.

Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 10,5

МЦНС «Наука и Просвещение»

440062, г. Пенза, Проспект Строителей д. 88, оф. 10

www.naukaip.ru

